

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1964 г.

ПИК ЭСКИМО
СНЕЖНО-ГОРСК
ГОЛУБОЙ СТАДИОН
ОСТАНОВКА СНЕЖИНКА
ЗАПОВЕДНИК ЛРНИВИЯ 5 ШАГОВ
СТОЯНКА САНОК
ГОРОД ЛЕДЯНЫХ МАСТЕРОВ

Год издания 41-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СТРАНА КАНИКУЛЯРИЯ

С НОВЫМ ГОДОМ

Хорошо вам, ребята! У вас новый год начинается весело: с первого дня перед вами раскрываются просторы замечательной, увлекательной, приключенческой вечно юной страны **КАНИКУЛЯРИИ.**

Преобладающая растительность в ней — новогодние елки.

Преобладающий животный мир — дрессированные цирковые звери, ручные птицы и аквариумные рыбки.

Ее столица — Снежногорск. Там что ни шаг — то снежная горка, что ни житель — то лыжник или санник, что ни дом — то снежная крепость.

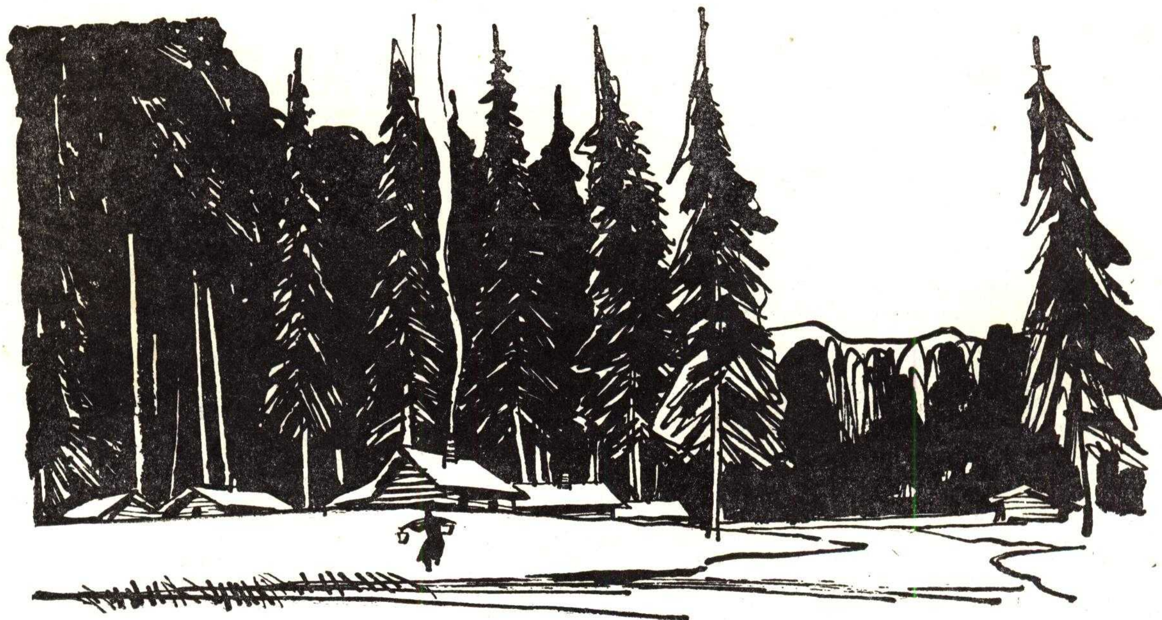
Желаем вам всем счастливого восхождения на пик Эскимо, удачных спусков по трассе Снежинки, творческих успехов в Городе Ледяных Мастеров, ослепительных призов в Карнавальском районе.

Но постарайтесь не заблудиться и не попасть в дикий заповедник Ленивию, где вы немедленно станете пленниками трех злобных сестер: Скуки, Зевоты и Дремоты.

Страна Каникулярия с нетерпением ждет вас. Фанфары Снеговиков поют: «Добро пожаловать».

ПОДАРКИ

ДЕКАБРЬ 12 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" 1964 г.

Сергей АРТАМОНОВ

Рисунки Е. Медведева.

ПИСЬМО

Была зима.

А где-то далеко-далеко, за горами и болотами, среди снежного густого леса, возле юркой, а теперь заледеневшей речки, стояла маленькая деревушка всего в шесть домов.

Народу тут живет немного. Детей и того меньше. И кому пять, кому шесть, некоторым и вовсе года по три. А Косте все-таки девять. Во что ему с ними играть? В кошки-мышки, что ли? Только реветь и умеют... Да тут еще Новый год как назло и каникулы... Скучно одному.

В школу Костю отвозит в санях на лошади Иван Константиныч — Костин отец. У них в роду все либо Иваны, либо Константины — так им нравится своих сыновей называть. Они, Стручковы, известные в том краю лесные объездчики. В прошлом году Ивану Константинычу приемник на батарейках вручили за то, что он один — да ночью! — с пожаром справился, не дал ему разгореться. Но это было летом. А теперь зима. И зимой в школу один Костя ездит, больше-то в деревне и учеников нету покамест. Только еще на тот год — да зато сразу двое! — пойдут брат с сестрой, близнецы Сидоркины. Но до той зимы далеко. Тут вот и эта едва через Новый год перебралась. Все зимы такие долгие, а лето такое короткое...

Сидит Костя за столом у окна, нос к мерзлому стеклу притиснул, но ничего за окошком не видно: мороженое оно. Затеял пальцем буквы протаивать — Ве, Ле, О... Это значит: весна, лето, осень. Тогда другая зима придет и другие школьники в селе будут. Долго ждать. Ску-у-у-чно! Ох-ох!

Сидит Костя в избе на лавке, ногами под столом болтает, а сам книжку читает перед окошком. О городе она, о Ленинграде. И описан большой дом, в котором столько ребят, что с некоторыми даже и дружить, наверное, некому...

«Ну чего они там сидят, в этом дворе, когда сами никому не нужны? Ехали бы лучше ко мне»,— так подумал Костя и книжку в сторону отложил да тут и заметил, к сожалению, что кончаются непрочитанные странички. Скоро вся! Надо бы читать помедленнее!

И еще думает он: «Вот бы хоть одного из них сюда! И я бы с ним подружился бы! Даже пусть он ябеда, так и то ничего. Пускай бы он про меня наябедничал чего-нибудь, а я бы его даже и не тронул бы. Просто сказал бы ему: ябедничай сколько хочешь, а мне не жалко. И ему самому все равно стыдно бы стало».

«Ладно,— сказал бы Костя.— Я на тебя и не злюсь. Пошли лучше гулять! Я знаю, ку-

да. У нас даже, может быть, клад под елкой зарыт! Только это еще не совсем точно. А вот рыбу могу показать. Пошли!»

И они пошли бы вдвоем туда, где на реке, за одним из многих ее поворотов, лед замерз ровно и гладко. Снег потом ветром сдуло. И теперь все прозрачно внутри до самого дна. И видно, как в глубине, подо льдом, водоросли шевелятся. Это вода бежит и их задевает струями.

Да еще одну рыбу видно! Она спит. Стоит в воде, в гущине водорослей, дремлет на плаву до весны. И сколько хочешь топай над ней, даже палкой об лед стучи, а она не просыпается и ничего не слышит. Ей хоть бы хны!

Ну а потом они бы — Костя и тот мальчик, которого закинет вдруг волшебной какой-нибудь силой из Ленинграда и прямо вот в эту деревню под названием Караваево,— принесли бы топор и выдолбили бы во льду прорубь, поймали бы рыбину, ну хоть шапкой...

А Костина мама изжарила бы вечером ту рыбу, да с картошкой и с луком.

Сидит Костя в избе на лавке, в книгу глядит, а ни строчки не видит. Страница расплылась перед ним, и все буковки на листе

как бы в сторону съехали и смазались. Да он и не жалеет об этом: ему читать уже и не хочется, наскучило. Сидит так и мечтает.

«Скорей бы, что ли, проходили уж эти каникулы! Надоело быть одному. Скучно! И мороз на дворе, а то хоть снежки бы пошвырять! Вон и елка стоит в углу наряженная, но только зачем одному человеку елка? Если бы еще кто-нибудь, тогда совсем другое дело».

В стекло в оконное, в заледенелое, в непрозрачное, вдруг в это время солнышко уперлось лучами. И все окошко заискрилось, заблистало в морозных изломах разными цветами — даже глядеть стало больно. Это значит — теперь часов двенадцать будет... И скоро уже отец обедать приедет.

Обычно он и Костю из школы забирает к тому времени, и катят они домой.

Ехать им лесом. По мягкой, белой, неширокой дороге, меж сугробами. Под высокими, скрипучими от ветра деревьями, с которых то и дело снег обваливается. Лошадь Серка нарочно пугается, потому что она молодая и веселая. И с ней, отец говорит, ухо держи востро! А то как понесет, так и сама поуродуется и нас в пух расшибет!

Звенит под дугой колокольчик железный. Гремит пустое ведро. Лошадь Серка пофыркивает, будто ей все это смешно и что-то она свое собственное, лошадиное, и от людей секретное знает. Как станет ее отец подгонять да подхлестывать, чтобы побыстрее бежала, так она как припустит, как помчится — даже ветер свистит. И бьет Серка копытами в передок саней — щепки летят! А лес, а деревья так и мелькают по бокам, будто тоже скачут вперегонки.

Костин отец, Иван Стручков, сидит впереди в тулупе, и вожжи покрепче придерживает в толстых рукавицах, и негромко поет. Он много песен знает, и все военные они у него. Костя лежит на соломе, тоже в тулупе, и отпихивает ногами пустое ведро и какой-то чурбак. Они то и дело накатывают на него, а он их тогда ногами: «Эй, пошли прочь! Куда лезете-то! — И валенками их назад.— Ну, чего вам от меня надо? А ну, давай все назад, назад!»

Или о чем-нибудь приятном думает. Вот бы летел над их деревней самолет, а у него бы мотор испортился. Но чтоб никто не погиб! А только опустился бы тот самолет, ну даже и не самый большой, а самый маленький — хотя бы пусть и двухкрылочка... И села бы она на лугу, у них за домом! Отец отвез бы на Серке всех летчиков на станцию, и самолет бы тут остался. И оказалось бы, что он уже никому не нужен! Бывает ведь так, что это совсем уже старый самолет и это он в последний раз летал?..

А Костя бы его починил! И стал бы он сам летать повсюду. И в Москву, и в Америку, и в Африку, и на необитаемый остров слетал бы! А того мальчишку, которого все не любят, Костя заберет к себе. «Даже пускай вот как было бы, это лучше! — думает Костя.— У того мальчишки ни отца нету, ни матери. Он сирота. А живет у каких-то пятая вода на киселе родственников. Они даже обрадуются, что его у них теперь не будет: зачем он им, чужой?» Костя уже совсем хорошо его видел, того мальчика, и ясно представлял, какой грустный он и печальный...

Солнышко в окошке померкло. А это значит, на пути его ворота встали и старая, громаднющая ель, которой, наверно, уже двести лет. Потому что Костин дедушка — он в том году весной помер, а когда живой был, при Косте Костиному отцу сказал: «Ты смотри, Иван, и сам, и вот Коське прикажи, когда время придет. Пускай елка-то наша стоит до самого своего конца. И не валите вы ее! Еще мой дед отцу моему вот так же наказывал: не трогай, чего сам не сажал. И хоть на проезде она теперь стоит, но валить не смей! Лучше ты не поленись да сторонкой возьми объедь ее, но не трогай. Она всей нашей семьи дерево — вон какая здоровенная стала!»

Ель, и верно, у самых ворот росла, даже открывались они из-за нее плохо. Когда двор ставили в давние времена, она еще маленькая была. И сколько раз избу поправляли да ворота перебирали, а все никто не хотел на другое место их переносить, и ель никому не мешала. Так к ней привыкли, что без нее бы и дома-то не было бы. Дерево стояло высокое, густое, черное, его и сильный дождик донизу не прошибает. Всегда под елью земля сухая и прохладная. А летом в жару отец сюда стол выносит, тут и едят они всей семьей — Костя, отец и мать. А под столом Цыган-собака устраивается и спит, поджав хвост к носу.

И нравится Косте думать, что под елью, может быть, клад закопан. Он раз у отца спросил. Сказал:

— Папа, клад, наверно, зарыт?

Отец так и прыснул. Нет! Нет!

А Костя и что подумать не знает и настаивает:

— Пап, ну а если? Ну представь, что правда, а? Давай откопаем! Ты ведь не знаешь!

— Да я-то знаю, знаю...— ответил ему отец и снова залился хохотом.— Ой, не могу! Уморил ты меня совсем. Ну и ну!

И мать тут пришла. Вошла в горницу, стала в дверях, а дальше не идет почему-то и тоже заулыбалась, глядя на отца. А в чем дело и чего это он так разошелся, конечно же, не понимает, хоть и улыбается сама... Это она от радости, потому что отцу очень смешно. Вот и у нее тоже лицо сразу и неусталое и веселое даже.

Один только отец — сам Иван Стручков — знал, чему это он так смеется, да не хотелось ему в тот раз рассказывать. Решил отшутиться.

— Э-э, много знать будешь—скоро состаришься. Клад ему, видал-миндал, подавай, а? Эх, жалко дедушки нашего уже нету — вот бы кто со мной посмеялся бы! Он-то... Да ладно, чего уж там... Это ведь и я, вот как ты, тоже клад искал. И ночью ведь рыть вылез! Вроде тебя был — не старше. А он меня — ремешком! А я ору: за что? Оказывается, за то он меня драл, что и он сам тоже, как мы с тобой, мальцом под елкой копал. Вот и рассердился. «Неужто,— говорит,— глупость так и идет от одного к другому?» Так что, Коська, ты у нас не первый, кто клады ищет. Да нету там ничего, а то я и без тебя нашел бы! Понятно? — И опять отец засмеялся, но теперь и все они уже вместе с ним. Хорошо им было втроем.

В избе потемнело. Но возле окошка-то еще светло. И тепло и тихо в доме. На стене ходики висят, но они живут молча. А будильник разговаривает. Вот прислушаешься — и так-сяк, так-сяк. Поглядел Костя: который это час потек? И понял: отец за-

паздывает! Тут мать из-за печки, где стряпает, заглянула к нему проверить: что это он делает? Не задремал ли? Больно уж тихо сидит, как мышь подпольная... А главное-то, она опасалась, как бы он опять не вздумал ходики ее со стенки снимать да чинить их вилкой, с подковыркой... Они хоть и не работают, а все же пусть хорошая вещь будет. Вилкой-то если потыкать, это потом выбрасывай! И сказала мать ему:

— Пошел бы на двор погулять, вон солнышко! А как зайдет — и холодно станет. Чего сиднем сидишь? Скучно? А ты песни пой или поспать ложись... Не хочешь?.. Что-то, я гляжу, отец наш задерживается,— сказала она чуть погодя. И нахмурилась: — Ох, боюсь, не случилось бы чего.— И ушла.

В доме супом пахнет, и картошкой, и мясом, и хлебом. Вот и знает Костя, что когда так пахнет и когда запах этот особенно приятен, значит, он скоро проголодается и есть захочет. И снова про того мальчика взялся думать.

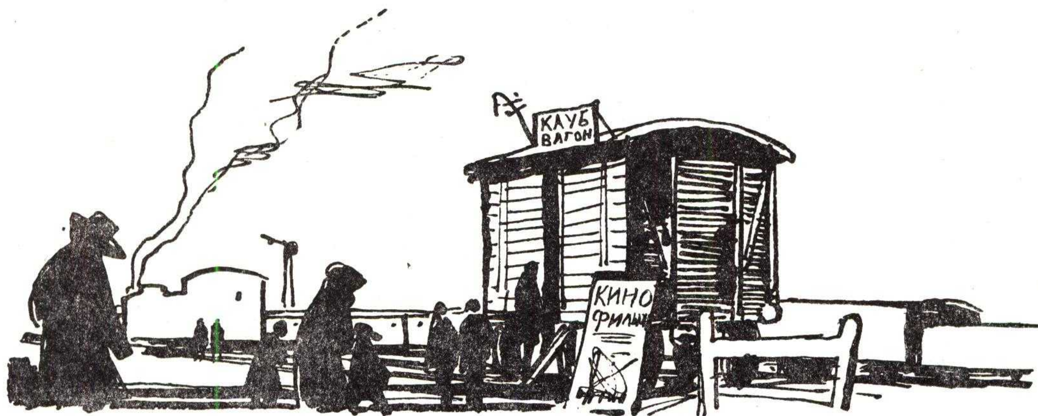
«А вдруг ему там и кушать мало дают? Может, у него родные-то эти и жадные и злые люди? И не любят они его совсем, попрекают! Знать бы вот в каком городе? В Ленинграде, что ли? Фамилию бы его узнать, так сел бы сейчас и письмо бы ему написал. А что? Если и не дойдет письмо, так назад вернется. Отцу на почте сдадут по обратному адресу. А он сюда привезет, Косте...»

Стал Костя думать: «Наверное же, не в Москве!» Это ему так потому подумалось, что книжку он не про Москву, а как раз про Ленинград читал. И отец был в Ленинграде, рассказывал. Костя с его слов помнит: город красивый, чистый, народу много, и все очень вежливые. А машин полно! Еле-еле не стукаются, когда одни меж другими продираются и вперед торопятся. Даже бывает, что боками трутся, как коровы, когда по мосту их гонят...

«Вот и, наверное, он не в Москве»,— решил Костя; сам-то он про Москву мало знал, только Кремль и метро... Ну и еще что-то по радио слышал, да уже давно и позабыл многое. Остальное, что не забылось, то перепуталось. У них ведь даже и не радио, а приемник. Но в нем батарейки еще осенью кончились, а новые негде купить. На станции их не бывает. Отец спрашивал. «Нет, не бывает у нас,— говорят,— не завозят...»

«Ну, а какая в Ленинграде есть улица?»— стал он думать. И припомнил Невский проспект. А дом номер он решил поставить наугад, какой придется — тот. А про квартиру, что в городе в квартирах живут,— этого он совсем не знал, а потому и не написал ничего. Фамилию? Думал-думал, но какие-то глупые получались фамилии. Вот поглядит на стенку, и придумается ему тут же — Стенкин или Ходиков. А то еще Ухватов, Лавкин, Печкин, Потолков... А еще — Половицин, Птицин и Сахаров. И Чернилов даже, и какой-то сюда же Мамкин приплелся нечаянно. А потом как пошло сыпаться: Луков, Картошкин, Супов и Хлебов,— Костя даже рукой махнул, понял, что он совсем уже проголодался. А голову свою обозвал глупой и на нее рассердился: ничего придумать не может, а еще в третьем классе учится! Может, тебя опять в первый пересадить? Ты думай, раз ты голова!

Хоть и много было фамилий, да все они ему не понравились. Он решил, что таких, наверное, не бывает. Зато вот про одну фамилию так тут уж точно он знал, что она

очень даже бывает. И как это сообразил, так и решил написать ее — свою фамилию,— Стручков. Ну а раз так с фамилией, то уж и имя свое поставил: Костя. Так и написал на конверте: Константину Стручкову.

А конверт потихоньку у отца из стопки вытянул. У отца много товарищей, с которыми он был на войне, им он и пишет. Они ему отвечают. Все больше про какие у кого болезни открылись, про старые раны, и кто как живет, и кто на пенсию вышел... И все зовут отца к себе погостить. А он их всех — сюда! И сам к ним обещает съездить. И они обещают к нему как-нибудь нагрянуть. Да только никто ни к кому почему-то не едет. Лишь письма шлют. Целый сундучок скопился.

Отец вернулся поздно. Сказал, что ему поругаться пришлось с начальством... «Тоже мне умники! Да не на такого напали. Я им!..»

Но Костя так и не дослушал — сморило его после еды, и он уснул.

Утром, будто стукнуло его в бок, первым проснулся. Спрыгнул с печки, пятками грохнул в пол и сам перепугался, даже обругал себя шепотом: «Ну ты, потише-то не можешь, что ли?» На цыпочках дальше пошел и сунул отцу в сумку свое письмецо в Ленинград. Уехал отец на Серке. Костя снова сел у окошка и стал ждать. Ту книжку читал. И книжка скоро вся дочиталась, к сожалению... Другой у него не было, так он учебники вперед полистал, а когда надоело, вон пошел из дому. Лыжи к валенкам привязал, побежал с горок кататься. Падал там, кувырком через голову летел да снова наверх лез. Устал даже и вспотел. Потом обедал и ужинал. Вечером — так опять спать.

Назавтра отец его с собой на станцию взял. И он ту книжку на другую обменял в библиотеке. И в кино они побывали — как раз клуб-вагон с кинопередвижкой прибыл, загнали его в тупик и афиши развесили. Кино про войну оказалось, хорошее!

Ну, а в третий день и еще что-то было, как всегда это бывает. Придет утро — просыпайся, мойся, зубы чисть! День настанет, так обязательно что-нибудь случается, иногда интересное, а иногда и не очень, да только уж что-нибудь непременно. Иначе и нельзя. А потом он и сам уже не помнит, когда и почему, но простудилось горло. И сделалась у Кости ангина. Целых два дня он вообще проспал, как сурок — есть такой сонный зверь. Потом, ясное дело, выздоровел. Но за всеми этими историями как-то и позабыл про свое письмо. Да, наверное, и даже обязательно, он вспомнил бы еще через день-два, как вдруг оно само о себе напомнило!

Это вот как произошло.

Отец из объезда вернулся под вечер, замерзший, но веселый, и говорит прямо от порога:

— Эй, Коська! Тебе вот тут письмо откуда-то... Что за чудеса в решете! Из Ленинграда даже... А? — И он повертел это письмо в руках, а потом Косте протянул: — Бери!

Тут мать из-за печки высунулась, разволновалась даже:

— Ой, чует сердце: нехорошо это! И главное-то, да кто же там про тебя знает! Как бы тут беды не вышло!..— И хотела она отобрать у Кости письмо.

Но отец сказал:

— Нет, не надо! Ему ведь написано — Константину Иванычу. Пусть и читает: грамотный же! Захочет если, так потом и нам покажет... Его дело!

В том письме было написано:

«Здравствуй, Костя!

Откуда же ты обо мне узнал? Я так удивился, и все у нас удивились, когда почтальон принес письмо. И говорит: «Вам! Берите. Больше некому!» Мы даже не знали ничего про вашу деревню. Что она есть, так и того не знали! Но теперь я буду знать и помнить. Мы с папой даже искали тебя на карте. И приблизительно нашли, где ты живешь. Папа сказал, что это слишком крупная карта, а ваша деревня, наверное, не очень велика... Только я не Костя. Мы с тобой однофамильцы. И я не Иванович, как ты, я — Петрович. А то были бы мы с тобой совсем как один человек, и я бы мог вместо тебя, а ты вместо меня... Вот бы здорово поменяться!

Ты за меня не бойся, потому что меня все любят. И мама, и папа, и все наши ребята, и даже бабушка. Она у нас глухая, и у нее аппарат в ухе, в кармане батарейки, и от них провод. Когда ей хочется спать днем и чтобы никто не мешал, так она отключается и остается в полной тишине. И спит.

Я тоже в третьем классе. Учусь почти без троек. А ты как? Давай будем писать друг другу письма! Я тебе — ты мне. Можно еще и рисовать какие-нибудь рисунки. Ты нарисуй свою деревню, а я тебе уже нарисовал наш Ленинград.

До свидания, Костя.

Твой друг Владик Стручков, Петрович!!!»

В письме был рисунок и снизу от подпи-

сей тянулись к нему чернильные стрелки: «Это мой дом! Это наше окно! Не забудь: пятый этаж, квартира двадцать. И у нас есть лифт!»

Костя прочел письмо про себя, потом вслух, а потом снова про себя и почти сразу выучил все наизусть. Отец сказал:

— Садись за ответ, раз уж так. Я завтра на почте сдам. Конверт нужен? Надо бы ему марку покрасивее найти, может, он их копит, твой Владик?

Мать сказала:

— И чего это у них наша фамилия? Странно даже как-то! Может, родственники? Ты бы, Вань, сам бы лучше разобрался! — А Косте она сказала: — Как писать будешь, так руки мылом потри!

— И ошибок не насажай! — крикнул отец.

— Не-еет, я три раза проверю,— ответил им Костя и побежал мыть руки.

Но оказалось, сначала будут есть, а то отец с утра у них некормленый, да и на морозе все был, голоден, как волк! К тому же надо ведь еще и решить, о чем писать и что рисовать.

Сели они ужинать. А встали из-за стола — тут и вечер кончился, уже наступала ночь. Некогда писать. Свет задули: у них в деревне электричества нету еще, керосин жгут.

Когда улеглись, Костя долго еще думал и прикидывал, что же ему сперва нарисовать.

Может, ту рыбину подо льдом? Или ель у ворот? Или же всю-всю зиму и лес вокруг деревни, на горке мальчика на лыжах, а внизу подписать: «Это я, Костя!»

И тут его совсем одолел сон.

Евгений КОНСТАНТИНОВ

РОЩА

Здесь когда-то красовалась роща —
До небес деревья и трава.
А в войну погибла роща,
Проще:
Превратилась чуть не вся в дрова.

Падали с замору лошаденки,
Мертвый трактор без бензина мерз,
Ну а роща грела нам избенки
В клящий — по-уральскому — мороз.

Выручала роща, согревала.
И куда сегодня ни взгляни,
В роще стало рощи мало-мало,
Всюду в роще догнивают пни.

Умирают,
Но нередко рядом
С дряхлым, обвалившимся пеньком,
Выпорхнет березка, сердце радуя,
Зазвенит с пролетным ветерком.

А за ней, глядишь, другая, третья...
И меж крепких, новеньких корней
Пни уходят в землю, как в бессмертье.
С каждым годом меньше в роще пней.

●

ДЕВЯТЬ РАССКАЗОВ О ЦЕЛИНЕ

РАССКАЗ БРАТЬЕВ ПОРОТИКОВЫХ — МИШИ, КОЛИ И ТОЛИ

Сначала, может, покажется, что степь вроде пустая, скучная. Идешь, идешь, нигде не видно ни деревца, ни кустика. Один ковыль... А присмотришься — зверей много, птиц. Грибы тоже есть. Вкусные грибы!

Один раз мы лисицу видели. Лоб и щеки у нее белые, а сама красная. На степном озере живут дрофы. Ноги у них длинные, и бегают они очень быстро.

Раз было — нашли мы у речки гнездо коршуна. Там пять коршунят. Желтенькие, пушистые, на цыплят похожи. Только хотели мы поближе подойти, коршунят получше рассмотреть, слышим: «Фур-р-р! Фур-р-р!». Оглянулись — коршун прямо на нас летит. Мы скорее в лозняк спрятались.

Потом мы еще приходили к коршунятам. Смотрим, они полиняли, стали какие-то серо-розовые. Пушистые еще, а клюв уже острый, крючком. Скоро у них крылья большие стали. В кустах ползают, летать собираются.

Подошли мы к ним поближе, хотели получше рассмотреть, а они на нас фырчат: «Фур-р-р! Фур-р-р!». Не понимают, что мы их не тронем.

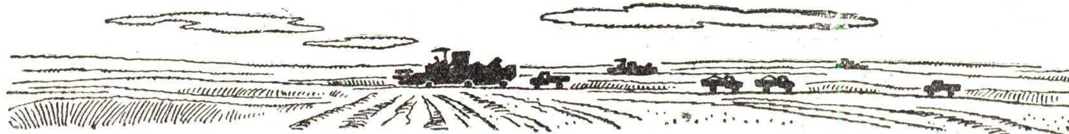
РАССКАЗ ТОЛИКА РАКА

Самое главное на целине — урожай. Все, кто приезжает на наши поля, говорят: «Очень красиво! Как море!»

Я моря никогда не видел и не знаю, какое оно. Наверное, красивое. Но пшеницу я ни с чем не сравню. Пшеница сама по себе.

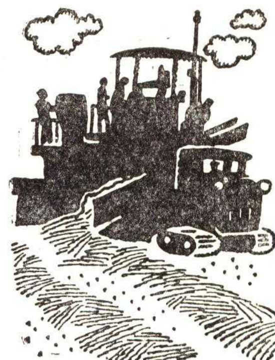
Выйдешь в поле — просторно, дышать легко. Пробежит ветерок по пшеничному полю, и пшеница тоже дышит. Колос у нее тугой, толстый. Ветерок бежит, а пшенице лень шевелиться, еле покачивается.

В уборочную все люди выходят в поле. Мой отец — плотник. Когда мы приехали на целину, он пошел работать прицепщиком на косилке. Техника папке понравилась. Он стал учиться на тракториста. Когда учился, боялся, что не справится. А сейчас похвальную грамоту получил...

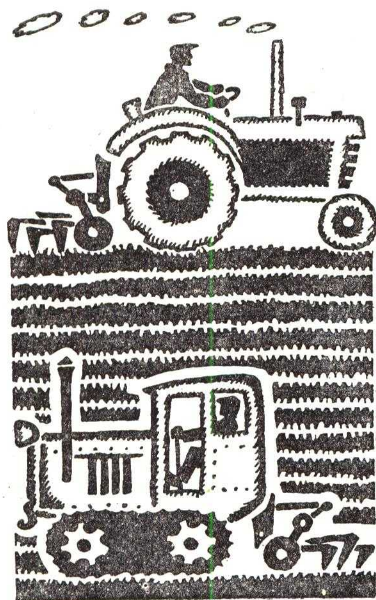

РАССКАЗ ВОВЫ ДМИТРИЕВА

Я люблю смотреть, как по полю идут тракторы, комбайны, всякая техника. Мой папа — механизатор. Я прихожу к нему в мастерские, и он мне все про машины рассказывает.

Больше всех мне нравится комбайн.

РАССКАЗ САШИ БАРТА

Однажды, я был тогда совсем еще маленький, отец взял меня с собой в бригаду. Они культивировали кукурузные поля, очищали их от сорняков. Отец работал на тракторе «Беларусь». Трактор тащил за собой культиватор.

Я попросился в кабину. Хотел попробовать сам повести трактор, но не знал как и нажал на тормоза. Отец показал мне, как надо, но водить трактор больше не разрешал. Мал, говорит, еще. А я прошусь. Так мне хотелось на трактор — выбегу за поселок вслед за отцом, реву.

Ну, отец поговорил в бригаде. Разрешили ему под его ответственность. Может, говорят, и правда у человека призвание. Ну, я и стал с отцом работать. Сначала прицепщиком, сеяльщиком.

Теперь я уже в седьмой класс хожу и каждую посевную и уборочную работаю в поле. Я теперь хорошо с тракторами знаком — и с «ДТ-54» и с «С-80»...

РАССКАЗ НИНЫ СОКОЛОВОЙ

Люблю уйти далеко в степь. Люблю лечь в высокий ковыль и смотреть в небо. Небо светлое, голубое, ни облачка. Даже луна днем у нас хорошо видна.

Мы с мамой в степи телят пасли. Люблю за телятами ухаживать. Больше всех мне нравилась Настырная. Мама так ее назвала, потому что Настырная ей надоела. То в колоду с водой влезет, то

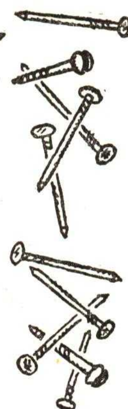
подойдет и боднет. А я позову Настырную, поглажу ее, хлеба кусочек дам и никогда на нее не кричу. Настырная ни разу меня не боднула. Мы с ней дружили.

Один раз мы с Людкой, с младшей сестренкой, пасли телят. В степи сильный ураган поднялся. А мамы с нами не было. Погнали мы

телят к базе. А они не хотят идти против ветра, упираются. Одну сторону стада завернем, другая — обратно поворачивает.

Дождь пошел, ноги у нас с Людкой мокрые стали. И телята в степь уходят. Тогда я рядом с Белоголовым пошла. Белоголовый всегда за собой все стадо водил. Я стала его звать, манить, поглаживать. Повернул к дому Белоголовый, а за ним и все остальные.

РАССКАЗ РИММЫ СОКОЛОВОЙ

Этим летом у нас в совхозе много студентов-москвичей работало. Они оштукатурили двенадцатиквартирный дом. Построили сарай. Построили котельную и теплотрассу проложили.

Мы студентам помогали. Мы у них были связными. Напишет их бригадир записочку и попросит сбегать на склад за гвоздями. По записочке бригадира нам на складе все, что нужно, давали.

РАССКАЗ МАШИ ПЯНКО

Мы с девочками помогали выращивать в скверике у конторы цветы. Теперь у нас растут георгины, гладиолусы, гвоздика, львиный зев, душистый табак.

К нам в совхоз часто приезжают гости, иностранные делегации. Когда мы встречаем гостей, мы дарим им букеты цветов. Многие удивляются: откуда на целине такие цветы? А мы говорим, что эти цветы — здешние.

РАССКАЗ ШУРЫ НЕДЯКИНОЙ

Наша семья приехала на целину давно, в пятьдесят четвертом году. Мне тогда всего четыре года было. Мы жили в вагончике на полевом стане. Папа был бригадиром. Дядя Коля Кукушкин и дядя Леша Чепелюк, из его бригады, проложили первую борозду в степи.

...Помню, мы жили в маленьком домике из щитов. Сейчас у нас свой дом, сад, огород, хозяйство — корова, куры, гуси. А в поселке у нас есть даже свои фрукты и ягоды.

Когда в совхоз из Москвы приехал ученый Векшегонов, то многие не верили, что в степи вырастут деревья, сады. А Векшегонов всем доказал: и лесополосы вырастил и фруктовый сад. Мы с ребятами в этом саду три года работали: сажали деревья, ухаживали за посадками. Василий Яковле-

вич нам рассказывал, какие деревья здесь лучше растут, где что лучше сажать. Теперь мы у школы тоже сад заложили. У нас там растут яблони, сливы, черная смородина, крыжовник.

Многие ребята помогали Векшегонову ухаживать за лесозащитными полосами. Охраняли их, защищали от вредителей.

Василий Яковлевич говорит, нужно, чтобы в степи больше стало таких лесозащитных полос. Трудно смотреть, как в степи погибает урожай. Земля сухая, в трещинах. Как будто просит пить. А где взять столько воды?! Ведь у нас в совхозе больше тридцати тысяч пахотной земли.

РАССКАЗ ЛИДЫ НАДЕЖДИНСКОЙ

Один раз наши ребята нашли в реке тарелки, ложки, вилки и кружки. Думают: что это такое? Кто это побросал в реку посуду?

Вова Дмитриев спросил у своей мамы. Его мама — Валентина Михайловна Земская, она воспитатель у нас в интернате. Валентина Михайловна про все в совхозе знает. Она сюда с самого начала приехала. Она и рассказала, что в первую весну на берегу Жаныспайки стояли временная столовая и кухня. Кухня была солдатская, походная, а столовая — в палатке. Начался сильный ураган, и всю посуду в реку унесло. А теперь наши ребята нашли случайно.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Эти рассказы наш корреспондент Лия Симонова привезла из поселка совхоза «Московский». Она записала их со слов юных целинников. Самой старшей из них, Шуре Недякиной, четырнадцать лет, самому младшему, Вове Дмитриеву,— семь. Он родился в «Московском» и в этом году пошел в первый класс.

УПРЯМАЯ БЕРЕЗКА

Виктор БАНЫКИН

Рисунок А. Годова.

Как-то палящим летним днем, в самом конце июля, бродил я по лесу, насквозь пропитанному крепким настоем смолкой хвои. Бродил, бродил да и заблудился.

И кто знает, сколько бы пришлось бесцельно петлять по незнакомым местам, пока не выбрался бы на какую-то тропку, да случай помог.

В самой чащобе молодого ельничка наткнулся я на бритоголового ушастого подростка.

Прислонившись плечом к угольно-буроватому стволу голенастой елки в ноздреватых белесых крапинах лишайника, он что-то писал, проворно, не отрываясь, в самодельной записной книжечке. Глубокая сосредоточенность помешала ему услышать мои шаги. И я совсем близко подошел к пареньку в выгоревшей, соломенного цвета старенькой майке и синеватых спортивных брюках, тоже повидавших виды на своем веку.

Вскинул паренек голову лишь в тот момент, когда на страничку его книжицы упала тень. Поначалу он вроде бы растерялся от внезапной встречи с незнакомым человеком в таком глухом месте. А потом, оправившись, опустил руку с карандашом, глянул на меня настороженно и строго. Нервное, замкнутое лицо. Плотно сжатые бескровные губы.

— Здравствуй, — сказал я, вытирая испарину со лба.

Еле приметно кивнув, парнишка отстранился от дерева — поджарый, подтянутый, по всему видно, легкий на ногу.

— Ты случайно не заблудился? Вроде меня? — улыбаясь, спросил я. Как ни как, подумалось мне, а вдвоем все же веселее, если даже этот молчун тоже сбился с дороги.

Снова не проронив ни словечка, он отрицательно покачал головой. Потом склонился над своей книжкой и принялся что-то писать, словно давая понять, чтобы ему больше не докучали.

«Ну и ну! Странный мальчишка!» — отметил я про себя и уж собрался было рассердиться, отчитать его за невежливость, когда увидел протянутую в мою сторону потрепанную книжечку.

«Извините, я глухонемой», — прочел я в самом верху странички.

Не сразу я справился со своим смущением, не сразу поднял глаза на паренька. А он смотрел на меня все так же выжидательно и, кажется, еще строже. Видимо, он боялся, как бы я не стал говорить какие-то безликие сочувственные слова, так всегда ранящие душу.

Выхватив из кармана огрызок карандаша, я проворно написал: «Объясни, пожалуйста, как мне выйти к Покровке».

Прочитав, паренек повернулся спиной к солнцу. Взмахнул длинной рукой и тут же склонился над записной книжкой.

«Так прямо идите до поляны. На поляне стоит приметная ель. От нее тянется тропка. Тропа выведет вас к дороге в Покровку», — написал он все так же четко и ясно, как и в первый раз.

Помешкав, прежде чем вернуть книжку ее хозяину, я не удержался еще от одного вопроса: «А что ты тут делаешь, если не секрет?» И вот как он ответил: «Я член школьного кружка любителей природы. Намечаю в этом квартале места для устройства птичьих кормушек к зиме».

— Молодчина! — сказал я, совсем забыв про записную книжку. Паренек, кажется, понял меня и так. В его непреклонно-строгих светло-серых с сининочкой глазах затеплился еле приметный добрый огонек.

На прощание я пожал его по-мужски крепкую смуглую руку и опять повторил:

— Молодчина!

И тут плотно сжатые бескровные губы дрогнули, разомкнулись, как бы намереваясь что-то произнести. Но они лишь расплылись в трогательно смущенной улыбке, обнажая на диво белые красивые зубы.

Раза три оглядывался я, пока ельник не скрыл от меня сероглазого паренька. Оглядывался и махал ему приветливо рукой. Он тоже отвечал взмахом руки.

Выбравшись на васильковую поляну, я чуть не ахнул. На самой ее небесно голубеющей середине возвышалась могучая, величавая ель, точно колокольня Ивана Великого. Этот исполинский рост не мешал дереву оставаться поразительно грациозным, осанистым. Но удивительно было другое. Широкие мохнатые лапы могучей ели опускались к земле с высоты трехчетырех метров, стелясь по траве. А под этими густущими ветвями образовался вместительный шатер. В непогодицу тут вполне могут укрыться человек двадцать. А может, и больше.

Я зашел в расчудесный зеленый шатер, походил по его упругому игольчатому ложу. Ни травинки, ни кустика не росло под елью.

Но что это? В противоположной от «входа» стороне я вдруг заметил тянувшийся вверх лиловато-шоколадный ствол-ниточку. Упрямая ниточка эта, достигнув мохнатой еловой лапы, преграждавшей ей путь к солнцу, выбросила в сторону ветку. И ветка устремилась в просвет между иссиня-черными широкими лапищами.

Охваченный любопытством, я бросился вон из шатра. И что вы, думаете, увидел? Над еловыми ветвями, сверкая на солнце светлой кудрявой головкой, праздновала свою победу тонюсенькая березка.

Стоял я и думал с волнением: «Откуда, откуда у хилой, крошечной березки нашлось столько силы и упрямства, чтобы пробиться к свету?»

И тут на ум пришел сероглазый замкнутый паренек, указавший мне дорогу в Покровку. Он, русский парнишка, чем-то напомнил вот это упрямое деревце. И посветлело у меня на душе, и крепко я поверил: не пропадет, не загеряется в жизни нелюдимый с виду мальчишка!

ТАЁЖКА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Юрий КАЧАЕВ **Рисунки Н. Борисовой.**

Учителя ботаники в озерской школе не любили. Был он лыс, сухопар и крайне обидчив. За глаза его звали Рибой. Он не выговаривал «ы» после «р». «Крыло» у него звучало как «крило», а «рыжий» как «рижий». Поэтому про него сочинили дразнилку:

На высокие гори
Залезли вори
И украли рибу.

Сегодня Риба, как обычно, расхаживал между рядами и бубнил:

— Размножается львиный зев семенами и черенками. Посев делают в марте — апреле. Записали? Сеянцы пикируют в ящики, в грунт парника или на гряды... Зверев, перестань витать в облаках!.. Окраска цветов двухцветная и полосатая.

Мишка, прикрывшись учебником ботаники, рисовал в тетради двухцветных полосатых львов. Один из львов сладко спал, другому челюсти сводила зевота. Из пасти у него тянулась надпись: «Ох-хо-хо, помираю со скуки, товарищи!».

Когда рисунок был готов, Мишка пустил его по классу. По рядам покатился смешок. Риба насторожился и подозрительно оглядел ребят. Все с тревогой следили за Шуркой Мамкиным, который без опаски разглядывал рисунок. Наконец Шурка хихикнул, и Риба бросился к нему.

— Мамкин, дай сюда бумагу!

Шурка зажал рисунок в кулак и спрятал руки за спину.

— Дай бумагу!

Надо было выручать Шурку. Мишка нащупал в парте клетку и осторожно открыл дверцу.

— Мамкин! Последний раз говорю!

И вдруг над головами ребят взвился снегирь. Он ошалело заметался по комнате, натыкаясь на стены и отчаянно треща крыльями. Класс зашумел, захлопал крышками парт, заулюлюкал. Бедный снегирь взлетел под самый потолок и уселся наконец на шкаф.

— Хулиганы! — закричал потрясенный учитель и вновь накинулся на Шурку: — Бумагу!

Шурка показал ему пустые руки.

— Ах, так! Ну погодите! — Риба помчался за Сим Санычем.

В это время прозвенел звонок, но никто не двинулся с места. Ждали Сим Саныча. Он пришел один, и глаза у него были узкие, как бритвы. Шумно дыша, Сим Саныч сел за стол.

— У кого бумага?

Класс как в рот воды набрал. Взгляд Сим Саныча пробежал по лицам ребят и остановился на Генке Звереве. Генка сглотнул слюну и поежился. Сим Саныч поднялся, подошел к нему и, глядя в окно, молча протянул руку. Генка, весь красный, порылся в карманах, достал пятак и положил Сим Санычу на ладонь. Сим Саныч покосился на монету, повертел ее в пальцах и спрятал в карман. Потом снова протянул руку.

Генка посмотрел на него страдальческим взглядом и отдал рисунок.

— Кто рисовал? — спросил Сим Саныч.

— Я,— сказал Мишка.

— А снегиря?

— Тоже я.

— Отлично. Терехин и Мамкин исключаются из школы на неделю. Все.

Сим Саныч вышел, хлопнув дверью.

— «Люблю грозу в начале мая!» — бодрым голосом сказал Мишка и посмотрел на товарища по несчастью.— Да ты что?

На лице Шурки было такое отчаяние, что Мишка испугался.

— Что с тобой? — повторил он.— Подумаешь, на неделю исключили!

Шурка молчал, узенькие плечи его вздрагивали, а по щекам горохом катились слезы.

— Нюня! — грубо крикнул Мишка, потому что чувствовал себя виноватым.— Кисель клюквенный!

До конца уроков Шурка сидел как пришибленный и все всхлипывал. Когда расходились по домам, он зачем-то побрел к реке.

Таежка подошла к нему и взяла за рукав.

— Погоди. Тебе же не в ту сторону. Иди домой.

— Нельзя мне домой. С меня мать всю шкуру спустит!

— Ну хочешь, я с тобой пойду и скажу, что ты не виноват? А?

Таежка заглянула в мокрые Шуркины глаза.

— Нет, что ты! — почему-то испугался Шурка.— Не надо, я не хочу!

Но Таежка решительно тряхнула головой.

— Пойдем, говорю!

У ворот своей избы Шурка замялся.

— Тай, только у нас дома... не тово. Ребятишки, будь они неладны...

Едва переступив порог, Таежка все поняла: Шурка стеснялся вести ее к себе домой. Большая сиротливая комната встретила их враждебным молчанием. На Таежку настороженно глядело пятеро ребятишек мал мала меньше. В углу на облупленной деревянной кровати лежал мужчина с желтым, заострившимся лицом. Когда Таежка с Шуркой вошли, он даже не шевельнулся. Глаза его были закрыты, и живыми казались только руки. Руки были тяжелые и грубые, с крутыми темными венами.

— Раздевайся,— тихо сказал Шурка, снимая свою шубейку.

И впервые в этой убогой избе Таежка заметила, как Шурка одет. На нем был какой-то куцый пиджачок, который делал Шуркины плечи еще уже, сатиновая рубашка и залатанные штаны с пузырями на коленях. Наверное, именно поэтому Шурка всегда ходил в классе бочком и мучительно краснел, когда его вызывали к доске.

— Где мама? — спросил Шурка.

— Ушла в магазин. Скоро придет,— отозвалась девочка лет пяти, сидевшая на лавке.

— А Борька?

— Спит.— Девочка показала глазами на русскую печь.

— Что же вы так сидите? — спросила Таежка.— Давайте поиграем.

Ребятишки было оживились, но та же девочка печально покачала головой.

— Нельзя. Мамка заругает. У нас тятьку лесиной придавило. Он теперь ходить не умеет.

— Позвоночник,— пояснил Шурка.

— Давно?

— Да уж полгода лежит.

Не открывая глаз, мужчина на кровати сказал:

— Помереть бы, да смерть где-то заблудилась... Всех измучил.

— Вчера колхоз дров привез, березовых,— будто не слыша его, сказал Шурка.

На крыльце затопали, сбивая с валенок снег, и в избу вошла женщина. У нее был жесткий, твердо сжатый рот и строгое лицо.

— Это Таежка, мама,— сказал Шурка.— Мы вместе учимся.

Женщина ничего не ответила, разделась и стала щепать лучину. Потом растопила печь. Ребятишки по-прежнему смирно сидели по углам и следили за каждым движением матери.

— Почистите картошку,— сказала женщина.

Ребятишки уселись вокруг большого чугуна и вооружились ножами. Только самый маленький, в короткой ситцевой рубашонке, остался сидеть на лавке, прижимая к себе рыжую кошку.

— Шурка, принеси дров!

Шурка пошел к двери.

— До свидания,— сказала Таежка, торопливо одеваясь.

Во дворе ослепительно белела на солнце груда березовых швырков.

«Когда же они это все перепилят?» — подумала Таежка.

— Шур,— сказала она.— Ты завтра приходи в школу. Слышишь? А мы с Мишкой сбегаем к Сим Санычу. Он поймет!

В комнате Сим Саныча были стол, кровать, застланная серым одеялом, и два стула. Остальное место занимали книги. Они громоздились даже на подоконнике.

— Уйди с моих глаз,— сказал Сим Са-

ныч Мишке.— Нечего клянчить. Все равно не прощу.

Мишка обиделся:

— Будто я за себя просить пришел!

— За Шурку?

Таежка кивнула.

— Я у него дома была. Там такое, такое, что я не могу...— Таежка заморгала, сдерживая слезы.

— Что, отцу не лучше? — спросил Сим Саныч.

— Нет.

— Ладно. Я тогда разозлился страшно. Пусть приходит в школу.

— И правильно,— поддакнул Мишка, оживляясь.— Было бы из-за кого, а то из-за Рибы.

— Из-за кого-о?

— Ну, из-за Анатоль Сергеича. Разве это учитель? — Мишка хмыкнул.— У нас в классе ни одной мухи нет. Все со скуки передохли.

Сим Саныч внимательно посмотрел на Мишку.

— Критики! — сказал он.— От горшка два вершка, а туда же — учителей охаивать! Посмотрим, что из тебя выйдет!

— А, скажете, я не прав? — продолжал наступать Мишка.

— Ладно, можешь не распинаться,— сказал ему Сим Саныч.— Ты-то все равно исключен. Так что отправляйся домой.

— Я отправлюсь. Только у меня тут еще дела есть.— Мишка загадочно подмигнул Таежке: — До свиданья, Сим Саныч. А за Шурку спасибо.

Мишка сидел на бревне напротив школы и ждал звонка. Изредка он вставал и подходил к окнам своего класса. Поднявшись на цыпочки, он прижимался лбом к стеклу и просительным взглядом смотрел на Витьку Рогачева — обладателя старинных карманных часов. Тот неторопливо доставал часы и на пальцах показывал Мишке, сколько минут осталось до конца урока: десять, семь, пять...

Наконец до Мишкиного слуха донеслось слабое дребезжание звонка.

Через минуту весь шестой «в» высыпал на улицу.

— Достали? — спросил Мишка у Витьки Рогачева.

— Сейчас принесут.

Скоро появились сияющие братья Щегловы. Они тащили две пилы и три топора.

— Надо было больше взять,— сказал Мишка.

— Как же, у нашего завхоза разживешься! Спасибо, хоть это раздобыли.— Один из братьев передал Мишке топор и потрогал зубья пилы.— Острая и развод хороший.

У Шуркиного двора Мишка устроил короткое совещание:

— Нас двадцать человек. Значит, раз в десять дней по двое будем приходить сюда. Кто в нужный день не сможет, скажет мне. А сегодня остаемся все.

Шуркина мать была на работе. Поэтому Мишка отрядил трех девчонок хозяйничать в доме, а мальчишки взялись за дрова.

Повизгивая, запели тонкие пилы, полетела белая крупа опилок, сверкая на солнце, закрякали топоры. Промерзшие березовые чурки со звоном разлетались на поленья и по конвейеру перекочевывали в угол двора, под навес, где распоряжался Шурка Мамкин.

— А ну, пильщики, нажми! — кричал Мишка, помахивая топором.— Усну-у-ли!

— И-эх! Раз-два, взяли!

— Ставь на попа!

— Ребята! Запарился, смените!

— А-а, елки-моталки! Это тебе не в бабки играть!

Через час дрова лежали под навесом, аккуратно сложенные в поленицу. Красные, распаренные ребята вытирали потные лбы, надевали пальто и, пересмеиваясь, расходились по домам.

На улице вокруг конских яблок весело прыгали отощавшие за зиму воробьи и нежно синели сугробы.

В конце мая на острове, за речонкой Браженкой, как раз напротив интерната, закипел белым цветом черемушник. Мишка не находил себе места. Он бросал книги, подходил к распахнутому окну и стоял подолгу без единой мысли в голове.

Наконец однажды он не выдержал и выкрал у паромщика, деда Игната, юркую долбленую лодку. Подогнав лодку к интернату, Мишка свистнул; Таежка, посвященная в его план, выбежала на берег, и лодка отчалила.

На острове было еще много талой воды; повсюду в ложбинах сверкали синие крапины мочажин; на взгорьях пробивалась ершистая трава и голубели подснежники. Кое-где торчали сухие дудки медвежьей пучки. Когда их заденешь, они звенят протяжно и глухо.

На сухом пригорке Мишка выкопал не-

сколько луковиц саранки и, очистив, протянул Таежке.

У луковиц был привкус старого меда, терпкий и чуть горьковатый.

— Вкусно? — спросил Мишка.

— Угу.

Мишка потоптался на месте и вдруг спросил:

— Тай, тебе это... кто-нибудь записки в Москве писал?

— Какие записки?

— Ну, про то, что нравишься, и все такое... Писали?

— Нет.

— А хочешь, я буду писать? — Мишка густо покраснел.

Таежка посмотрела на него удивленно и засмеялась.

— Чудной ты! Зачем же записки, когда мы в одном классе? Ты лучше так скажи.

— Так неинтересно. Вон старшеклассники все пишут. Я однажды у Витьки Королева почту таскал. К Зинке Матвеевой и обратно. Они друг другу стихами писали...

Мишка потер ладонью лоб, потом прочел заунывным голосом:

— Я знаю: век уж мой измерен;
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

Здорово?

— Да,— откликнулась Таежка.— Это стихи Пушкина. Их очень папа любит.

Мишка смутился. Ай да Витька, какого тумана напустил, черт хитрый! А Зинка, поди, думает, что это его стихи!.. Надо будет прочитать Пушкина от корки до корки.

Покосившись на Таежку, не смеется ли она, Мишка прибавил шагу.

Над полянами порхали ранние бабочки-пестрянки — ярко-бордовые, с черными пят-

нами на крыльях. Пролетая над лужами, они стремительно падали вниз: наверно, принимали собственное отражение за другую бабочку. С веток черемух на них равнодушно глядели дрозды.

— Слушай,— сказала Таежка.— Почему они их не трогают?

Мишка пожал плечами.

— Потому что невкусные.

— А ты их пробовал?

— Нет. Но Риба говорил, что пестрянки ядовитые.

— Миш, а почему Риба всегда такой... ну, невеселый, что ли?

— С чего бы ему веселиться? — удивился Мишка.— У него в прошлом году жена утонула. Тебя-то здесь еще не было.

— И об этом знает весь наш класс?

Мишка не ответил. Таежка опустила голову и тихо сказала:

— Я не знала, что ты злой. У человека такое несчастье, а мы над ним издеваемся!

Мишка снова промолчал, но было видно, что слова Таежки задели его. Уже по пути домой он вдруг сказал:

— Конечно, смеяться над ним нехорошо. Да мы и не со зла, а так, по глупости. Нам-то вроде потеха, а ему... Ну да ладно, не будет больше этого...

Вечером они отправились проведать Шурку Мамкина. Таежка прихватила с собой несколько веток черемухи. Почуяв ее запах, Шуркин отец зашевелился на кровати и открыл глаза.

— Черемуха... зацвела? — спросил он, и голос у него сорвался.

Таежка молча протянула ему букет. Шуркин отец прижал черемуху к лицу и затих. Только грудь у него ходила медленно и тяжко.

О чем он думал в эту минуту? О своих ли ребятишках, которые при живом отце остались наполовину сиротами? Или о том времени, когда он, здоровый и сильный, без устали махал топором и из-под топора летела пахучая янтарная щепка?

Таежка с Мишкой неслышно вышли и во дворе столкнулись с Шуркой. Шурка нес на плече большую связку ивовых прутьев.

— Вот,— сказал он,— отцу принес. Он когда-то здорово корзины плел. Может, за работой повеселеет? А то лежит и все думает, что он лишний, в тягость нам.

Шурка положил связку на крыльцо и улыбнулся виноватой улыбкой. Он всегда так улыбался, как будто был в чем-то виноват.

Гравюры В. Неклюдова.

ТЮКИ ХЛОПКА

На берегу большой реки
Мы грузим белые тюки,
Мы носим белые тюки
Черными руками.
Волокна хлопка так легки,
Но хлопок, сложенный в тюки,
Он тяжелей, чем камень,
чем камень,
чем камень...

Подтянешь тюк одной рукой
И вскинешь на плечо.
Вот этот тюк,
За ним другой,
За ним еще, еще...

А если тюк упал с плеча,
Разрежет воздух свист бича,
Разрежет воздух свист бича —
И сразу смолкнет шум.

И вновь плывет тяжелый тюк,
И падает из черных рук,
И падает в открытый трюм,
В открытый черный трюм...

БЕГЛЫЙ РАБ

Нет, я не раб:
Я беглый раб!
Оковы я оставил там,
Но все рубцы я взял с собой.
Я взял с собою кровь из ран,
Собак, идущих по следам,
И крик толпы, и свист бичей,
И посвист пуль над головой.
Хрипит погоня позади,
Молчит трясина впереди,
И все же я теперь ничей:
Мне больше нечего терять
И нечем рисковать!

Теперь ни чавканье болот,
Ни горький смрад стоячих
вод,
Теперь ни яд гремучих змей,
Ни гон ищеек по пятам
Мне не страшней,
Мне не страшней
Всего, что я оставил там:
Холодной тяжести цепей,
Свистящей ярости бича,
Рубахи, сорванной с плеча,
И жизни проклятой моей.
Теперь мне нечего терять
И нечем рисковать!

Там, на дороге, крик толпы,
И нет назад пути!
Там, на болоте, нет тропы,
И нет вперед пути!
И голод гонится за мной,
Чтоб мясо снять с костей.
Теперь мне нечего терять:
Я буду в жидкой тине спать,
Я буду грызть кору,
Но я не раб,
Нет, я не раб,
Свободным я умру!

**Перевела с английского
Н. Воронель.**

ПОЕЗД ПРОШЕЛ СПОКОЙНО

Непривычная тишина стоит над участком горной дороги. Ни стука колес, ни гудков... Только где-то на дне глубокой пропасти глухо ворчит холодная речка... И вдруг... Загрохотало под облаками. Оттуда, сверху, поднимая тучи пыли, увлекая потоки камней и щебня, несется темная глыбища. Ударилась о карниз, подпрыгнула, перевернулась на лету и, устилая косогор битым камнем, ухнула в воду... Вслед за ней, как снаряд, со свистом рассекая воздух, пронесся огромный камень... другой... третий... Кажется, будто вся гора пришла в движение.

Ладно пригнано снаряжение, крепко держит скалолаза прочная капроновая веревка.

Вот оно, рабочее место альпиниста-путейца,— у отвесной скалы над пропастью.

Но... что это? Протяжно прозвучал рожок — и камнепад прекратился, как по волшебству. Из надежных убежищ вышли люди в спецовках. Столкнули в реку застрявшие на обочинах полотна осколки, сняли бревенчатые щиты с путей, внимательно осмотрели рельсы и шпалы... и вот уже снова несутся по ущелью поезда с грузами и пассажирами.

Значит, не случайно разразился этот камнепад над участком горной дороги? Ко-

Полотно железной дороги как бы врезалось в каменную стену. А внизу бурлящая горная речка...

нечно, нет! Смелые скалолазы-путейцы по своей воле вызвали горный обвал, по своей воле остановили его.

Для людей этой удивительной профессии альпинизм не спорт, а повседневный труд. Зимой и летом, каждый день выходят они на свою нелегкую вахту. В шахтерских касках, в тяжелых башмаках с триконями поднимаются на горные склоны и метр за метром осматривают тысячи каменных глыб, грозящих сорваться на путь.

Как паучок на тонкой паутинке, спустился скалолаз к ржавой скале, нависшей над полотном. Ломиком спугнул гадюку, притаившуюся среди камней, ощупал, осмотрел все щели, все трещины и кричит товарищам, которые там, наверху, держат канат: «Эта еще с годик подержится, пошли левее!..»

Но если совсем одряхлела скала, если солнце, вода и ветры основательно подточили ее — тогда на учет ее... Одна, две, три. Да вот этот камень, да еще вот тот. Ну, пора делать «оборку». Закрывай путь, застилай полотно. И... пошла работа!

Прочным ломиком-рычагом надо камень расшатать, раскачать, подтолкнуть. И понеслись в пропасть глыбы и камни, щебень и пыль... Отгремит камнепад, уберут настилы с пути, и опять безопасно станет на этом участке.

А зимой? Зимой еще труднее, еще опаснее. Ледяной ветер свищет в горах, наметает снежные козырьки и навесы. Это тоже угроза движению. Их надо сбросить.

И вот одна за другой срываются с гор «ручные» лавины. А когда слишком много снега в горах и путейцы не в силах справиться с ним, на помощь скалолазам приходят артиллеристы и летчики. Расстреливают из минометов, бомбят снег с воздуха, а скалолазы идут следом и начисто обирают склоны и откосы.

Л. ТРОИЦКИЙ

ЗИМНИЕ ПТИЦЫ

Новелла **МАТВЕЕВА** **Рисунок В. Карасева.**

Что вы, птицы, ищете под снегом?
Может быть, большого червяка?
Глупые!
Ну разве он под снегом?!
Он уж под землей наверняка!
Если зерен ищете,—
Едва ли
Этих зерен хватит вам на всех.
И зачем вы раньше их не взяли?
Час назад,
Пока не выпал снег?

Сердце матери

Рассказы из жизни Марии Александровны Ульяновой

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рисунки П. Пинкисевича.

ВИЗИТНОЕ ПЛАТЬЕ

Дождь лил, не переставая, третий день. Цветы на клумбах полегли, в лужах плавали завязи яблок, сбитые ветром. Примолкли птицы. Река вздулась от дождей и плескалась у самой изгороди.

Ненастье и тревога полонили маленький бревенчатый домик.

А еще недавно стояли жаркие июньские дни, и в доме было празднично. Вся семья Ульяновых ждала приезда дорогого гостя — Владимира Ильича. Мария Александровна сняла этот золотистый дом в живописном месте Подмосковья — на берегу реки Пахры. Три окна смотрят на дорогу. Позади дома небольшой тенистый сад. У крыльца развесистые ивы, подальше яблони, вишневые заросли и вдоль дорожки стройные рябины. В углу сада беседка и перед ней крокетная площадка. «Все здесь напомнит Володе Симбирск, детство, — думала мать. — И Пахра чем-то походит на Свиягу».

Владимир Ильич несколько месяцев назад вернулся из трехлетней сибирской ссылки. Полиция запретила Ленину жить в промышленных центрах. Пришлось поселиться в Пскове, чтобы быть ближе к пролетарскому Питеру. И из старинного русского города протянулись во все концы России нити связей с рабочими кружками, с революционерами. Еще в ссылке, в селе Шушенском, Владимир Ильич выработал план создания общерусской газеты. Газета объединит революционные кружки, подготовит создание партии рабочего класса.

Владимир Ильич обещал приехать погостить в Подольск. Но вот пришла тревожная весть: Владимир Ильич снова арестован. Уже вторую неделю сидит в тюрьме на Шпалерной улице в Петербурге. Мать не выдержала нового испытания — слегла. Оттого и пасмурно в маленьком доме и так беспокойно у всех на сердце.

Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич в столовой ждут, что скажет врач, вполголоса обсуждают, как выручить брата из тюрьмы. Дмитрий Ильич перелистывает медицинский журнал, ищет способа помочь маме справиться с болезнью.

Доктор Левицкий вышел из комнаты Марии Александровны. Все трое поднялись ему навстречу.

— Что вы находите, доктор? — обеспокоенно спросила Анна Ильинична. — Какое лечение?

— Ничего страшного, — ответил Вячеслав Александрович. — А лечение — прогулки, свежий воздух, волнения — только радостные.

— Но у мамочки больное сердце, ей столько пришлось пережить, — говорит Мария Ильинична.

— И шестьдесят пять лет дают о себе знать, — замечает Дмитрий Ильич.

Доктор пощипал бородку, внимательно посмотрел на журнал, который Дмитрий Ильич держал в руках, и улыбнулся.

— Дорогой коллега, — сказал доктор, — сердце матери еще ни в одном медицинском учебнике не описано, тайны его могущества не раскрыты. А хорошая доза радости для него — лучшее лекарство. Да-с. Я разрешил вашей матушке вставать, завтра снова наведаюсь. Честь имею кланяться!

Сестры направились в комнату матери, а она сама вышла им навстречу, побледневшая, но снова бодрая.

— Мамочка, как ты себя чувствуешь?

— Значительно лучше, — ответила Мария Александровна, — и сегодня я еду в Петербург.

— Но ты же больна! Нельзя тебе! — воскликнули сестры.

— Я уже здорова. И не могу я бездеятельно сидеть и ждать. Подам прошение в жандармское управление. Может быть, и удастся облегчить участь Володи... Митенька, сходи,

пожалуйста, на вокзал, купи мне билет третьего класса до Петербурга. Да оденься получше, главное, ноги не промочи. Такой унылый дождь.

Все трое понимали, что отговаривать маму от поездки бесполезно, они пытались только убедить ее ехать во втором классе.

— Нет, нет, деньги надо беречь. Может быть, Володе потребуется адвокат. Анечка, приведи в порядок мое визитное платье, а я пойду соберу саквояж.

Дмитрий Ильич отправился на вокзал. Анна Ильинична вынула из гардероба черное визитное платье и стала прилаживать к нему воротничок. «Славный мамочкин боевой мундир», — подумала она с нежностью.

Не для парадных визитов было сшито это платье, а для посещений приемных жандармских управлений, генерал-губернаторов, министерств.

Это платье Мария Александровна надевала всякий раз, когда с кем-нибудь из детей случалась беда, и тогда мать вступала в тяжелую, упорную, терпеливую борьбу. Только платье знает, как тревожно билось, а затем и вовсе замирало сердце, слыша жестокое, холодное: «В вашей просьбе отказано». Замерло сердце, похолодевшие руки вцепились в складки платья, чтобы не выдать волнения, когда шеф канцелярии швырнул в сторону прошение матери о помиловании ее сына Александра. Замерло сердце, когда петербургский генерал-губернатор в ответ на прошение заменить ссылку Владимиру Ильичу высылкой в центральные губернии, злобно прошипел: «Один сын повешен, а по другому веревка плачет». Только на секунду замерло, а потом застучало гулко, сильно, и губы матери вымолвили то, что таилось на сердце: «Я горжусь своими детьми!» Сжав губы, стиснув руки, слушала она отказ на свою просьбу об освобождении из тюрьмы сына Дмитрия...

Много раз бросали ей в лицо жестокое «ваш сын повешен». Никогда не заживала эта рана, и каждый раз, оттянув неприметным движением воротник от горла, мать твердо и убежденно повторяла: «Я горжусь своими детьми!»

И не складывала рук и не билась в отчаянии, а сжав перо чуть дрожащими пальцами, вновь и вновь писала прошения, писала так, как принято было писать: «Милостивый государь! Честь имею покорнейше просить...» Сколько таких прошений хранится в архивах жандармских управлений! Сколько раз, придя домой из присутствия, мать на пороге дома засовывала взмокший от слез платок в глубокий карман платья!..

Мария Ильинична помогала маме укладывать саквояж и с тревогой поглядывала на ее осунувшееся, бледное лицо. Как она поедет? Может быть, попросить доктора Левицкого быть ее «случайным» попутчиком? Попытаться еще раз отговорить от поездки?

У дверей затрезвонил колокольчик. В сенях шум, смех... И, как веселый летний ураган, в комнату влетели разом Дмитрий Ильич и Владимир Ильич.

— Мамочка! Смотри, кто приехал!

Мария Александровна поднялась, спешит к сыну.

— Володюшка, Володюшка! Здоров? Свободен?

— Архиздоров! Совершенно свободен и счастлив безмерно. — Владимир Ильич скинул мокрое пальто на руки брату, обнял мать.

— Володенька, братик, скажи, что я не сплю и что все это на самом деле! — теребит брата Мария Ильинична.

— Анечка, убери, пожалуйста, мое визитное платье, — просит Мария Александровна.

— С превеликим удовольствием! — Анна Ильинична вешает платье в гардероб и плотно-плотно закрывает шкаф, словно опасаясь, что оно снова может вторгнуться в их счастливую жизнь.

— Дай-ка я тебя еще раз поцелую, — обнимает она брата.

Сестры собирают на стол, в доме звенит смех, и громче всех смеются Владимир Ильич и Мария Ильинична.

Владимир Ильич бережно усадил Марию Александровну на диван и сел рядом.

— До чего же хорошо дома, просто прелесть! Представляю, как здесь красиво в солнечную погоду.

— Здесь даже в ненастье уютно, — отвечает счастливая мать, — посмотри, какой светлый дождь за окном.

— Ну, расскажи, Володёк, как тебе удалось выбраться из тюрьмы и как ты попался, — просит Анна Ильинична.

Мария Александровна садится к самовару, разливает чай.

— Приехал в Питер и... подцепил хвост, — смеется Владимир Ильич. — Когда жандармы меня схватили, первой мыслью было освободить карманы. Но не тут-то было. Два дюжих молодца закрутили мне руки назад, а третий зорко следил, чтобы я чего-нибудь не сжевал. А в карманах у меня просто сейф: две тысячи рублей от тетки Калмыковой на

газету, большое письмо Плеханову с подробным планом организации газеты, шифры, явки, адреса конспиративных квартир.

— Умереть можно от страха! — поеживается Мария Ильинична.

— Но! — поднимает палец Владимир Ильич. — Все это было записано молоком, лимонной кислотой и разной прочей снедью, записано между строк разных счетов. Сижу в камере и раздумываю: догадаются жандармы все эти счета утюгом прогладить или нет? И, представьте себе, не догадались. Вот олухи царя небесного! Через десять дней вызывают и строго-настрого внушают, что без разрешения в Питер и еще в шестьдесят городов приезжать нехорошо, просто-напросто запрещено. Вернули мне все мое имущество, и деньги, и даже заграничный паспорт.

Мария Александровна, стараясь подавить огорчение, спрашивает:

— Ты что, Володюшка, за границу уезжаешь?

— Да, мамочка, в Германию. — Владимир Ильич встал, накинул на двери крючок, закрыл плотнее окно и продолжал: — В России издавать газету нельзя, полиция разнюхает и накроет. Будем печатать ее в Германии и тайными путями направлять в Россию.

— А как она будет называться? — спросила Анна Ильинична.

— «Искра»! — воскликнул Владимир Ильич. — Хорошо? «Из искры возгорится пламя» — помните?

— Да, да, — улыбнулась Мария Ильинична. — Конечно, помню. Это из письма декабристов Пушкину.

— В добрый час! В добрый час! — тихо сказала мать.

Мария Александровна сидит, прислушивается к разговору детей и понимает, что задуман великий план.

— Мы организуем большой концерт, — объясняет Владимир Ильич матери. — Этот концерт должен будет звучать по всей России.

Владимир Ильич уже побывал в Риге, Смоленске, Питере, Москве. Создал опорные пункты для газеты.

— Вот съездить бы на Волгу — в Самару, в Нижний, по пути завернуть в Сызрань, проехаться в Уфу к Надюше.

— Соскучился? — спрашивает Мария Александровна.

— Очень! — искренне вырвалось у Владимира Ильича. — Это ведь первая наша разлука. Я очень хотел бы познакомиться с товарищами в Уфе, разложить костры на Волге. А горючего в России становится все больше. Вот «Искра» и должна будет их зажечь.

— А если тебе попросить разрешения проехаться к жене? — спросила Мария Александровна.

— Уже просил. Наотрез отказали, — вздохнул Владимир Ильич.

Дождь перестал. Владимир Ильич распахнул окно. Из сада хлынул в комнату душистый воздух, птицы, обрадовавшись солнцу, запели на все голоса.

— Пойдем, мамочка, посмотрим сад, — предложил Владимир Ильич. — Только надень галоши и пальто.

Опираясь на руку сына, Мария Александровна спустилась с крыльца.

— Как красиво здесь! Напоминает Симбирск! — восхищался Владимир Ильич. — Я вызвал сюда товарищей посоветоваться о наших делах. А пока они приедут, мы будем с тобой целые дни проводить вместе. Я даже писать не буду.

Мария Александровна молчала, она думала о чем-то другом.

— Знаешь, Володюшка, я, кажется, придумала, как тебе поехать к Надюше и по твоим кострам на Волге.

— Мамочка, что же ты придумала?

— Я должна познакомиться с невесткой, — продолжала Мария Александровна, и лучики-морщинки разбежались вокруг глаз.

— С Надей? — удивился Владимир Ильич. — Но ты же с ней знакома.

— Да, но охранке это неизвестно. Женился ты в ссылке, домой жену не довез.

— Полиция не разрешила, еще полгода ей отбывать ссылку.

— Так вот. Я должна познакомиться с твоей женой. Это — мое материнское право, и отказать мне в этом не могут. Я поеду в Петербург и буду просить разрешения.

— Ты можешь ехать и без разрешения.

— Я не могу ехать одна. Мне шестьдесят пять лет. У меня больное сердце. А кто же должен сопровождать меня и представить матери свою жену? Сын... Ты, Володюшка! Я сегодня же поеду в Петербург, — твердо сказала Мария Александровна.

Владимир Ильич молча обнял мать.

По дорожке к ним шла Анна Ильинична.

— Ну, как тебе нравится здесь, Володя? Наконец-то мамочка дождалась тебя. Теперь вы все время можете быть вместе.

— Анечка, — сказала, лукаво улыбнувшись, Мария Александровна, — сегодня я еду в Петербург. Вынь, пожалуйста, мое визитное платье, и пусть Митя сходит на вокзал, купит мне билет второго класса.

НА ОТДЫХ К МАМЕ

К вечеру ливень прекратился. Далеко за лесом изредка погромыхивал гром. По светлому небу неслись дымные облака. В наступившей после дождя тишине особенно звонко журчали ручьи. Ветер стряхивал с цветущих лип гроздья душистых капель.

Пронесся поезд, сверкнул вереницей огней, и в лесу стало сумрачнее.

— Липы-то как пахнут!.. — вздохнул полной грудью Владимир Ильич.

— Словно по меду идешь, а не по грязи, — отозвалась Надежда Константиновна, с трудом вытаскивая из раскисшего чернозема ноги.

Мария Ильинична поскользнулась, уцепилась за рукав брата и весело рассмеялась.

— Ну и грязь! Вот бы сейчас увязла в этом меду, как муха!

Ветер распахнул ветви кустарника, и вдалеке мелькнуло освещенное окно.

— Мамочка нас ждет. Наш дорогой маяк! — задушевно произнес Владимир Ильич. — Страсть как люблю это освещенное окно! Как бы темно ни было и как бы поздно ни приехал, тебе всегда светит это окно и дверь откроет мамочка...

Владимир Ильич осторожно толкнул набухшую калитку, она заскрипела, как простуженная. В матовом свете белой ночи нежной пастелью проглядывал цветник. Палисадник источал аромат душистого табака, резеды, роз.

Гуськом пробирались по узкой тропинке, задевая руками влажные цветы. Едва вступили на скрипучие ступеньки, как из сеней распахнулась дверь, и на крыльце, кутаясь в платок, появилась Мария Александровна.

— Мамочка, иди в дом, простудишься! — воскликнул Владимир Ильич.

На пороге сняли мокрые ботинки и нырнули в освещенный, празднично убранный дом.

— Наконец-то! — обнимала детей Мария Александровна. — Последний поезд давно прошел, а вас все нет и нет, я уж думала, опять что-то задержало.

В столовой мурлыкал самовар, на конфорке грелись бублики, стол был накрыт к ужину.

Прислушиваясь к смеху детей, обступивших на кухне рукомойник, Мария Александровна разливала чай. Как хорошо, когда в доме звенят веселые голоса!

Надежда Константиновна и Мария Ильинична уселись за стол и нацелились на сладкие булочки.

Владимир Ильич расхаживал по комнате, рассматривал полевые цветы, заполнявшие вазы на столе, на пианино, потрогал руками пальму, чему-то улыбнулся далекому.

— Хорошо, очень хорошо! — потирая руки, сказал он. — Отдохнем всласть.

— Садись к столу, Володюшка, — позвала мать.

— В Симбирске у нас такая же пальма была, в гостиной против рояля стояла, — задумчиво сказал Владимир Ильич. — Когда мы уезжали оттуда, последнее, что мне запомнилось, — эта пальма в окне.

— Как дела, Володюшка? — внимательно посмотрела на сына мать. — По газетам все как-то мрачно выходит. Все в один голос утверждают, что революция погибла, а вот ваше «Эхо»...

— Наше «Эхо» — эхо рабочих голосов, а пролетариат не намерен сдаваться. И я буду последний, кто скажет, что революция потерпела поражение.

— Ты знаешь, Володя, я сегодня выступала у работниц на Невской бумагопрядильне... — начала было Мария Ильинична, но Надежда Константиновна угрожающе на нее зашикала.

— Володя! Мы приехали отдыхать, ты же обещал, — погрозила она пальцем. — Нет, товарищи, так не годится. Володя пришел вчера с совещания, поднял обе руки кверху и говорит: «Сдаюсь, надо передохнуть». Дал мне торжественное обещание все восемь дней быть неграмотным, ходить по грибы, купаться, собирать букеты желтых лилий.

— Ну, что же, — пожимает плечами Владимир Ильич, — я готов быть даже глухонемым. Только последний вопрос: что пишут Аня, Марк и Митя, как у них идут дела?

— Письма коротенькие, — ответила Мария Александровна, — пишут, что здоровы, много работают. Завтра дам почитать, а сейчас, дети, пора спать.

Все трое и впрямь чувствуют себя детьми и послушно расходятся по комнатам.

Мария Александровна еще долго сидит у себя в спальне, ей хочется продлить ночь, чтобы дети выспались, набрались сил.

Вот уже второй год, как по всей стране пылают костры революции. Восстали рабочие, с оружием в руках вступили в бой с царизмом за дело всего народа. Крестьяне жгут помещичьи усадьбы. Армия выходит из подчинения царских генералов. Вся Россия в огне! Никогда еще не было такого. И все дети Марии Александровны в этой борьбе, в самой гуще событий. Митя в родном Симбирске организует рабочих и крестьян. Марка сослали в ссылку в Самару за подготовку железнодорожной забастовки, но он и там вместе с революционерами. Маняша ведет агитацию на питерских фабриках. У нее талант разговаривать с женщинами. Аня работает в большевистском издательстве. Несколько дней назад она поехала к мужу в Самару, повезла указания Центрального Комитета.

Читая ежедневно газету «Эхо», Мария Александровна узнает руку своего сына — Владимира, понимает, что судьба революции — дело его жизни. Надежда Константиновна — его верный помощник и друг, заботливая жена. «Как же хорошо, что они выбрались отдохнуть! Зачем только мне понадобилось затевать разговор о том, что пишут газеты?» — досадует на себя Мария Александровна.

...В окружении высоких сосен стоит дача Елизаровых в Саблине. Взошло солнце и опрокинуло на землю тени деревьев. Проснулись птицы, и зазвенел лес.

Тихо открылась дверь, и на крыльцо вышел Владимир Ильич. Прошелся по саду, сделал несколько гимнастических упражнений, поднял голову и загляделся на скворечник.

Старый скворец, сидя на крыше, уговаривал птенца соскользнуть с площадки, испробовать крылья. А птенец боялся. Тогда скворец расправил крылья, красиво взметнул вверх, облетел скворечник, опустился на крышу и снова принялся уговаривать, рассыпая самые убедительные трели. И скворчиха, высунув голову в круглое окошечко, подбадривала свое детище. Наконец птенец отважился, сорвался с площадки и судорожно, быстро взмахивая крыльями, пища от страха, опустился на ветку рябины. Отец летал вокруг него, то падал вниз, то взмывал вверх. Птенец повертелся на ветке и переле-

тел обратно к матери. И они весело заверещали. Птенцу уже не сиделось. Он делал круги все шире и шире, пока вовсе не скрылся из виду.

Владимир Ильич покачал головой, усмехнулся, вынул из бокового кармана карандаш и сложенную вдвое тетрадь, уселся на крылечке и принялся писать...

Мария Александровна долго не решалась выйти из комнаты, боялась, скрипнет половица, разбудит детей. Наконец, осторожно ступая в мягких туфлях, вышла в сени: дверь в сад была полуоткрыта. «Как же это я забыла запереть на ночь дверь?» — мелькнула беспокойная мысль.

На ступеньке сидел Владимир Ильич. Держа тетрадь на колене, он быстро писал. Мать положила руку на его гладкий, порозовевший на солнце лоб.

— Мамочка! — вскочил Владимир Ильич и спрятал за спину тетрадь.

Мария Александровна рассмеялась.

— Я просто хотел некоторые мысли записать, пока вы спите. Пойдем прогуляемся по саду.

Мария Александровна показала сыну куст роз, что цветет под окном столовой до самых заморозков, круглую большую клумбу, походившую на огромную корзину с цветами. Везде Мария Александровна оставляла после себя цветы и плодовые деревья. Наверно, и сейчас цветут в Симбирске, в Казани, Кокушкине, в Алакаевке, в Самаре, Подольске и Феодосии настурции, душистый горошек, лилии и георгины, первые семена и луковицы которых собрала Мария Александровна.

Владимир Ильич увидел огуречную грядку, раздвинул шершавые листья, сорвал огурец, смахнул ладонью колючую щетинку и с наслаждением стал грызть.

— Вкусно!

Из дома послышалось пение.

— Слышишь, Надюша с Маняшей поют жестокие романсы, — усмехнулся Владимир Ильич.

В ситцевых светлых платьях, с туго заплетенными по-девичьи косами они выбежали в сад и походили на беспечных девушек, обе смешливые, жизнерадостные.

— С солнечным утром! С началом чудесного отдыха! — кричали они. — Пошли купаться!

— Иди, иди, Володюшка, я тем временем приготовлю завтрак в беседке. — Мария Александровна сорвала несколько молодых огурчиков и протянула сыну. — Вам на дорогу.

...Вернулись с Тосны с букетами ромашек.

— Ой, какие мы голодные! — смеялась Мария Ильинична. — Мамочка, Володя так нырял и так отмахивал саженками, что все саблинские мальчишки завидовали.

— А где же он? — спросила мать.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна оглянулись с недоумением.

— Странно. Он все время шел позади нас и насвистывал, а потом попросил нас спеть. Куда же он исчез?

— Я, кажется, догадываюсь, — вздохнула Надежда Константиновна. — Наш романс ему потребовался для того, чтобы улизнуть на станцию за газетой. Не так-то легко ему быть неграмотным... А вот и он, и, конечно, с пачкой газет...

Надежда Константиновна и Мария Ильинична, смеясь, побежали навстречу Владимиру Ильичу с намерением отобрать газеты, но, взглянув на его серьезное лицо, остановились.

— Володя, что случилось? — спросила Надежда Константиновна.

— Дума разогнана, — ответил Владимир Ильич. — Я так и предполагал. Этого надо было ожидать. Итак, царь переходит в наступление. Нужно немедленно собрать большевиков, посоветоваться о тактике партии. — Владимир Ильич распахнул газету.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна прочитали набранные большими черными буквами слова:

«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РАСПУЩЕНА».

Мария Александровна стояла молча. Она поняла, что отдых кончился.

Владимир Ильич посмотрел на нее.

— Мамочка, ты понимаешь. Мы должны немедленно ехать. — Он вынул из кармана часы. — Поезд из Питера только что прошел, значит, обратно будет через час. Мы еще успеем позавтракать.

Сидели молча, поглядывая на сосредоточенное лицо Владимира Ильича.

— Маняша, ты поедешь на Выборгскую сторону по известным тебе адресам. Соберемся у Менжинского. Надя поедет на Лиговку.

Владимир Ильич одной рукой помешивал ложечкой чай, другой перелистывал газету.

Скрипнула калитка.

Мария Александровна вышла из беседки. У калитки стоял мальчик лет четырнадцати-пятнадцати и в смущении теребил картуз.

— Ты к кому? — спросила Мария Александровна.

— Мне Владимира Ильича.

Мария Александровна насторожилась.

— Здесь такой не живет.

— Ну, если его нельзя, тогда Надежду Константиновну. Скажите, Ромка пришел, по важному делу. Из Питера я.

Вид у парнишки был решительный, глаза смотрели прямо и серьезно, и только пальцы, вцепившиеся в картуз, выдавали волнение.

Встревоженная Мария Александровна позвала Надежду Константиновну. Увидев парнишку, Надежда Константиновна протянула ему руку, как старому знакомому. Мария Александровна вернулась в беседку.

— Беда, Надежда Константиновна, — сказал Ромка, не мешкая. — Ефим Петрович просил передать, что полиция ищет Владимира Ильича. Я был на станции, там полно шпиков и жандармов.

Надежда Константиновна побледнела.

— Спасибо, Ромушка. Как в Питере сейчас, спокойно?

— Не-е, какое там! Царь Думу разогнал. Народ возмущается.

— Как обратно добираться будешь?

— Мне что, я и зайцем проеду...

Стараясь казаться беспечной и веселой, Надежда Константиновна вернулась к столу. Мария Александровна пытливо посмотрела на нее.

— Кто это приходил, Наденька?

— Мальчишка знакомый, землянику продавал, да больно дорого просил, я не взяла.

— Я что-то не приметила у него в руках корзины с земляникой, и едва ли из Питера на дачу землянику возят.

Надежда Константиновна с виноватым видом посмотрела на Марию Александровну.

— Мальчишка приехал сказать, что Дума разогнана. Больше ничего.

Владимир Ильич понял, что получено какое-то тревожное сообщение.

— Надюша, пойдем вещи уложим, а то ты по рассеянности забудешь что-нибудь самое необходимое.

— Да поешьте вы что-нибудь! — взмолилась Мария Александровна.

— Мы сейчас же вернемся, — заверила Надежда Константиновна.

Владимир Ильич выслушал сообщение спокойно.

— Ты, Надюша, не волнуйся. Я пойду отсюда пешком до следующей станции и там дождусь поезда. В Поповке искать меня уж никак не могут. Но идти туда надо немедленно, иначе пропущу поезд.

— Володя, — положила руки на его плечи Надежда Константиновна, — мне очень хочется сказать тебе, чтобы ты был осторожен, но ты и сам знаешь.

Владимир Ильич поцеловал жену.

— Будь совершенно спокойна. Заверяю тебя, что поймать им меня не удастся. Нико-

гда. Слышишь, никогда. Вот что мне сказать мамочке? Придется поплотнее позавтракать, это ее успокоит.

— Но у тебя считанные минуты!

Владимир Ильич уселся за стол, выпил залпом остывший чай.

— Еще стаканчик, — протянул он стакан матери. — Проголодался ужасно. — Один за другим съел три пирожка, запивая их горячим чаем. — Ну, теперь я должен пойти. По дороге мне надо навестить одного товарища, — сказал Владимир Ильич весело. — Маняша и Надюша будут ждать меня на станции. Обратно мне не имеет смысла возвращаться. До свидания, дорогая мамочка. Мы обязательно приедем к тебе отдыхать и тогда уж надолго.

Мария Александровна проводила сына до калитки. Он пошел по лесной дороге, энергично помахивая в такт шагу рукой.

Мать смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. На душе у нее было тревожно...

СОНАТА

Над Вологдой опустилась темная августовская ночь. Один за другим гаснут огни в окнах. Настороженную тишину изредка нарушает хриплый лай дворняжек...

Дробно застучала колотушка. Это ночной сторож вышел на улицу. Идет и заглядывает в редкие освещенные окна. Вот сидит за работой кружевница Груша. Пальцы ловко перебирают бахрому звонких березовых коклюшек, перекалывают на валике булавки с разноцветными головками, и на темном сукне вырисовывается кружево, похожее на изморозь. Быстро работают неутомимые руки, нога покачивает люльку с ребенком.

— Эх-ма! — вздыхает сторож. — Солдатская жена теперь Груша, кормилица семьи. А кому нужно ее кружево?

Идет дальше. Постукивает о доску гайка, привязанная на веревочке. Раз-два! Раз-два!

А здесь и стучать не надо. В этом доме провожают новобранцев. Сторож прильнул к окну. На скамейках чинно сидят парни. Возле каждого две женщины: с одной стороны девушка, с другой — мать. Пиликает гармошка, заунывно поют прощальную девушки, голосят, припав к плечу сыновей, матери.

Идет сторож. Неумолчно и грозно стучит его колотушка, словно хочет разогнать всех воров на земле.

Подошел к бревенчатому дому, укрытому липами и зарослями бузины, сгреб в горсть гайку, заглушил колотушку. Окна в доме плотно завешаны белыми занавесками, и весь дом по вечерам звенит музыкой. Музыка диковинная, а до самого сердца добирается, и хочется забросить свою колотушку в заросли бузины, стоять у окна всю ночь и слушать, слушать...

Мария Александровна сидит у старенького пианино. Взяли это пианино напрокат у местного купца. Стояло оно в купеческом доме «к стене примкнуто», немое, беззвучное, служило вместо полки для всяких безделиц, а на крышке его испокон веков красовался тульский самовар.

Спокойная, ласковая музыка, будто кто-то нежно поет на берегу звонкого ручья, и чудится — ветер осторожно перебирает золотистые, прямые, как струны, стволы высоких сосен.

Маленькие руки, обтянутые словно пергаментной кожей, не потеряли беглости. Щурятся под очками темные ласковые глаза, разбегаются вокруг них лучики-морщинки.

В соседней комнате дочери заняты делом. Они складывают листовки в маленькие тугие комочки, засовывают их в спичечные коробки. Большевистские листовки расскажут рабочим, крестьянам, солдатским женам, кому нужна эта грабительская война. Газета «Правда» разгромлена царскими жандармами, но большевистская партия ни на час не теряет связи с народом, и маленькие серые листки со жгучими словами правды доходят до людей. Растет гора коробок на столе.

— Это для железнодорожных мастерских, — говорит Мария Ильинична и отодвигает груду коробок в сторону. — Теперь ты, Аня, готовь для чугунолитейного, а я буду писать письмо Володе. Потом надо разобрать и расшифровать почту, — показывает она пачку писем.

Как хорошо спорится работа под музыку, какую силу и бодрость она вселяет!

Большая народная беда разразилась над миром. Идет война. Каждый день, каждый час, каждую минуту кто-то гибнет на этой войне, становятся вдовами жены, сиротеют дети.

В большой опасности находился в первые дни войны Владимир Ильич. По ложному доносу он был арестован австрийской полицией. В условиях военного времени ему угрожала смертная казнь.

Сестры решили не говорить об этом Марии Александровне. Но она сама узнала из газет.

Сердце матери выдержало испытание этих

страшных двенадцати дней. Теперь Владимир Ильич в безопасности, в Швейцарии. А сердце матери щемит и болит за всех сыновей, что отправляются каждый день на бойню. Против войны восстали все ее дети: и Володя, и Аня, и Митя, и Маняша. Если бы ей было не восемьдесят лет, она, мать, тоже сумела бы сказать свое слово против войны. Но иссякают силы. Годы дают о себе знать.

Мать вкладывает свои думы в музыку.

Звучит вступление к Патетической сонате Бетховена. Гневный голос человека, уверенного в своей правоте, уверенного в своей силе, пламенеет, крепнет. Мудрый голос захватывает слушателей, зажигает их сердца.

В мелодию врывается стук, требовательный, грубый... Как хорошо знает мать этот стук в ночи. Он никогда не предвещал ничего доброго.

Встревоженное лицо Марии Ильиничны выглянуло из соседней комнаты. Мать шепчет:

— Полиция это. Уничтожайте что можно, я их задержу.

На полутакте обрывается гневный голос в сонате, тонет в грозовом гуле голосов, рушится, как лавина, бушует, как пламя большого пожара.

Мария Александровна откинула крышку пианино... Гул гнева растет и ширится. Напряглись жилки на руках. Пот мелким бисером покрыл лоб. Руки матери заряжают великой энергией каждую струну. Никогда еще это старое пианино с прожженной самоварными углями крышкой не пело так призывно и сильно.

Дом содрогается от грубого стука сапог в дверь.

Пот заливает лицо матери.

Гудит от никогда не испытанного торжества маленькое пианино, чутко отзывается каждая струна на руки матери, звучит ее гневом, протестом ее сердца.

Входная дощатая дверь сорвана с петель. Теперь уже стучат в комнату.

А пианино поет торжественно, мощно, кажется, в доме поют все вещи и самые стены. Но вот руки, обессиленные, никнут. Мать вытирает платком лицо, идет открывать дверь.

— Кто там? — спрашивает спокойно, словно только что расслышав стук.

— Открывайте! Ишь, разыгрались! Скорей! Не то высадим и эту дверь.

Мария Александровна откидывает крючок.

Пристав и пятеро полицейских врываются в комнату, словно в осажденную крепость.

— Почему не открывали? — кричит взбешенный пристав.

— Увлеклась игрой, не слышала вашего стука.

— Нам Марию Ульянову, — потрясает пристав бумагой.

Только на секунду задумалась мать.

— Я Мария Ульянова, — отвечает она, и в голосе слышится еле скрываемая радость.

Пристав озадаченно смотрит на маленькую старушку с белой головой.

— Паспорт.

— Сию минуту. Сию минуту.— Мария Александровна выдвигает один за другим ящики комода, достает ридикюль, роется в нем.

— Ну, чего там шаришь? Подавай паспорт,— торопит пристав.

— Я прошу со вдовой действительного статского советника обращаться на «вы»,— строго предупреждает Мария Александровна.

Пристав поднес паспорт к лампе, внимательно его просматривает.

— Гм... да... Мария Ульянова... Восьмидесятый год... Вдова действительного статского советника. Это ваша комната?

— Да, я живу в этой комнате.

— А куда ведет вторая дверь?

— Там живут посторонние,— отвечает спокойно Мария Александровна.

— Вы ссыльная Мария Ульянова? — уточняет озадаченный пристав.

— Да, я Мария Ульянова, нахожусь здесь в добровольной ссылке.

— Как бы не так — «добровольной»,— язвит пристав.— По приговору суда за революционную деятельность сослана в Вологду на три года... В «добровольной»... Вот что, госпожа Ульянова. Нам с вами возиться некогда. Скажите прямо: где нелегальщину прячете? Нам все известно. И какие газеты получаете, и что с Лениным в переписке состоите, и что здесь, в Вологде, крамолу сеете и являетесь руководителем социал-демократической организации. Как видите, запирательство излишне. Подавайте газеты, листовки.

Мария Александровна идет к этажерке, набирает пачку газет, подает их приставу.

Пристав перебирает «Биржевые ведомости», «Речь», «Русское слово» и в раздражении смахивает газеты на пол.

— Я не шутки пришел сюда шутить. Эти газеты высочайше дозволены. Давайте большевистские.

— Я таких не выписываю.

— Тогда одевайтесь, пойдете с нами.

Мария Александровна подходит к вешалке. Надевает шляпку и долго прилаживает ее, раздумывает, удалось ли дочерям уничтожить самые важные бумаги.

— Живей, живей! Грехи бы в церкви замаливала, а она фортепианы... крамолу сеет...

— Милостивый государь! — гневно говорит Мария Александровна.— Вы забываетесь! Я буду жаловаться на ваше поведение генерал-губернатору, начальнику жандармского управления. Вы действуете незаконно.— Мария Александровна решительно села.— И пешком я не пойду. В мои восемьдесят лет я не могу ходить пешком.

Пристав в бешенстве, но возражать ему нечего.

— Живо за извозчиком! — приказывает он полицейскому.

Мать перехватывает подозрительный взгляд пристава на дверь второй комнаты и садится за пианино.

Играет финал сонаты.

Музыка крепнет, ширится, растет. Руки срываются... силы сдают... И опять торжественно звучит мелодия.

— Лошади поданы,— докладывает полицейский.

— Кончайте вашу музыку,— ворчит пристав.— Поехали в тюрьму. Вы арестованы.

Мария Александровна встает.

Из комнаты выходит Анна Ильинична.

— Вы с ума сошли! Неужели вы не видите, что перед вами глубокая старушка? По какому праву? — говорит она гневно.

— Мое дело казенное,— отвечает пристав.— У меня есть предписание генерал-губернатора арестовать ссыльную Марию Ульянову и доставить ее в тюрьму.

— Как отчество Марии Ульяновой? — спрашивает Анна Ильинична.

Пристав разворачивает предписание.

— Мария Ильина...

— А перед вами Мария Александровна. Посмотрели бы паспорт.

— Смотрел, смотрел, — бормочет пристав.— А где Мария Ильина Ульянова?

— Я здесь.— Мария Ильинична выходит из комнаты.

— Что же вы, сударыня, мне целый час голову морочили? — кричит пристав.

На извозчике отъезжает в сопровождении полицейских Мария Ильинична.

Вдогонку ей несется музыка.

Идет по темным улицам Вологды ночной сторож. Громовыми раскатами стучит его колотушка. Грозно стучит. Страшно стучит в напряженной тишине, словно хочет разогнать всех татей на земле: и тех, кто отнял у Груши мужа, и тех, кто посылает на войну молодых парней, и тех, кто отнимает у людей самое дорогое — свободу.

Призывно, гневно звучит пианино.

Ему вторит колотушка. Грозно стучит.

КАК ПОПАСТЬ В РАЙ

ТУРКМЕНСКАЯ СКАЗКА

Рисунок В. Карасева.
Пересказала Н. Алембекова.

Послушайте-ка, что рассказывают про поэта Кеминэ[1] и ишана[2] Эрали.

Ишан Эрали очень любил читать проповеди о блаженствах рая и муках ада. Он обращался к дехканам и возглашал:

— О мусульмане! Слушайте меня со вниманием! Всех нас когда-нибудь аллах призовет к себе: мы умрем. Умрем и попадем на тот свет. А на том свете есть рай и есть ад. Попасть в рай очень трудно! Чтобы попасть туда, нужно сначала миновать ад. Ад кишит огнедышащими змеями и злыми скорпионами, над адом лежит узенький мостик, мостик, который тоньше волоса и острее кинжала! О правоверные мусульмане! Чтобы благополучно перейти этот мостик и стать достойными райской жизни на том свете, совершайте побольше богоугодных дел на этом свете! Жертвуйте побольше баранов и коз в пользу аллаха и его служителей! Ваши жертвы помогут вам перейти мостик над адом и попасть в рай. Ах, как хорошо в раю!

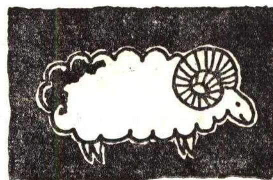
Однажды среди дехкан, слушавших проповедь ишана, был и Кеминэ. Услыхал он слова ишана о блаженствах рая и муках ада, усмехнулся и подумал: «Если угождать ишану, то и последнего ишака лишишься». Потом Кеминэ громко спросил у чабана, сидевшего рядом с ним:

— Скажи-ка, отец, когда легче провести баранов и коз через мост: когда их много или когда их мало?

— Когда баранов и коз много, они все толпятся на мосту и толкают друг друга. Даже самого чабана могут столкнуть! Чем меньше стадо, тем легче провести его через мост! — отвечал поэту старый чабан.

— Вы слышали, братья? — обратился Кеминэ к дехканам. — Если хотите попасть в рай, не жертвуйте ни баранов, ни коз! Они столкнут вас с мостика, и вы упадете прямо в ад! А если уж так хорошо в раю, пусть достопочтенный ишан оставит этот беспокойный мир и поторопится на тот свет!

Дехкане засмеялись словам своего любимого поэта, а ишан Эрали стал с досады кусать свою бороду.

[1] Кеминэ — литературный псевдоним туркменского поэта Мамедвели (родился в 70-х годах XVIII века, умер в 1840 году).

[2] Ишан — высшее духовное лицо.

МУЛЛА С КОЛОКОЛЬЧИКАМИ

АБХАЗСКАЯ СКАЗКА

В далекие времена жил один бедняк. И вот однажды пошел бедняк в дальнее селение на заработки.

Пробыл он в этом селении год и заработал сто рублей. Обрадовался бедняк и решил остаться здесь еще на год. Но куда спрятать заработанные деньги, кому отдать на хранение сто рублей? Долго раздумывал бедняк. Вдруг он вспомнил про муллу[1], который жил в том же селении. У того муллы на руках были нацеплены колокольчики. На каждом пальце по колокольчику! Спросили как-то люди у муллы, зачем он эти колокольчики к пальцам подвесил. Отвечал людям мулла:

— Колокольчики эти я подвесил затем, чтобы не повредить ни одному, даже самому малому божьему созданию! Не будь колокольчиков, я мог бы задеть комара или бабочку, а мои колокольчики предупреждают их об опасности. Ни одного божьего творения не смею обидеть!

Вспомнил бедняк про этого муллу и решил отдать ему на хранение свои сто рублей.

Прошел еще год. Собрался бедняк в дорогу, в родной дом. Пришел он к мулле с колокольчиками и просит вернуть ему сто рублей. Удивился мулла:

— Какие сто рублей? — воскликнул он. — Я не брал у тебя никаких денег! И откуда у такого оборванца, как ты, могут быть деньги?

Долго кричал мулла и размахивал руками. А на руках звенели все его десять колокольчиков!

Испугался бедняк гнева «праведного» муллы, понурил голову и ушел ни с чем. Вышел из дома муллы, сел у дороги и залился слезами. Шла мимо какая-то женщина с маленькой девочкой, увидела бедняка и спросила:

— Почему ты плачешь, и кто обидел тебя?

Рассказал ей бедняк про свои сто рублей и про муллу с колокольчиками.

Выслушала женщина бедняка, задумалась, а потом сказала:

— Приходи завтра в полдень в дом муллы. Он отдаст тебе твои деньги.

На другой день в полдень пришла эта женщина к мулле с колокольчиками.

— О мулла! — сказала она. — Я много слышала о твоей праведности и справедливости! Вот почему и пришла к тебе. Мой муж — богатый купец. Сегодня он отправился в далекий город за товаром. Осталась дома я да наша маленькая дочка. Я очень боюсь разбойников и грабителей. Прошу тебя, о мулла, прими от меня на хранение пятьсот рублей.

---

[1] Мулла — мусульманский священник.

Мулла обрадовался и важно произнес:

— Хорошо поступаешь, дочь моя! Лучшего места для хранения денег ты и не найдешь!

Протянула женщина мулле узелок. Задрожали у муллы руки от жадности и затряслись на них все десять колокольчиков.

В это время вошел в дом бедняк и снова попросил у муллы свои деньги. На этот раз мулла не стал спорить с бедняком. Боялся он, что женщина передумает и не отдаст ему на хранение свои пятьсот рублей. Делать нечего — пришлось вернуть бедняку деньги. Взял бедняк свои деньги и ушел.

Только мулла с колокольчиками поднял руку за деньгами женщины, как вбежала в дом маленькая девочка — дочка этой женщины. Вбежала и закричала радостно, что отец вернулся с дороги. Услышав эту весть, женщина стала приплясывать. Посмотрел мулла на нее и тоже начать танцевать, звеня всеми своими колокольчиками. Удивилась женщина и сказала:

— О мулла, я танцую потому, что вернулся мой муж! А отчего танцуешь ты?

— От твоей хитрости, о женщина! — отвечал мулла. — Мы оба танцуем, но это не значит, что оба радуемся!

Засмеялась женщина и вышла из дома муллы. На улице ее ожидал бедняк. Стал благодарить женщину, а она сказала ему:

— Если бы не моя хитрость, мулла не отдал бы тебе твои деньги. Не обольщайся впредь льстивыми речами и звоном колокольчиков!

Отправился бедняк в дорогу, а женщина вернулась в свой дом. И оба они радовались. Порадуемся и мы вместе с ними.

Вот и год кончается... Подумать только, я пришел на страницы самой последней книжки журнала в этом году! Выходит, последний раз мы с вами встречаемся. То есть вообще-то, конечно, не последний. У нас будет еще много интересных и веселых встреч, но это уже в будущем году.

СЕЙЧАС В РЕДАКЦИИ КАК РАЗ ИДЕТ К ЭТОМУ НОВОМУ ГОДУ ПОДГОТОВКА. Писатели пишут рассказы, стихи, повести. Художники рисуют. Сотрудники редакции звонят по телефону и шлют письма бывалым людям, просят рассказать в журнале об их ПУТЕШЕСТВИЯХ, ОТКРЫТИЯХ, ПРИКЛЮЧЕНИЯХ.

ХОТИТЕ ЗНАТЬ, ЧТО УЖЕ ГОТОВО! Кое о чем могу сообщить по секрету. Вот, например, какие повести пойдут в ближайших номерах: В. КРАПИВИН «Та сторона, где ветер», АН. АЛЕКСИН «Оля пишет Коле, Коля пишет Оле», В. ФОМИН «Парма», В. КОРЖИКОВ «Морями-океанами». Из фантастической повести чешского писателя А. ЛОММА вы узнаете о том, как электронный муравей — кибероформик — взбунтовался и сбежал от изобретателя и что из этого вышло. А писатель МАРКУША заводит на этот раз в журнале ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР С МАЛЬЧИКАМИ, только с мальчиками! Ну, что ж, мальчики, почитаем!.. Пионерский отдел задумал для читателей конкурс. Какой! Представьте себе, об этом даже мне пока не рассказали. Говорят, секрет! Но, уверен, конкурс будет замечательный. Я сам твердо решил в нем участвовать. Конечно, я не читатель, а персонаж, но что из этого!

Словом, в журнале будет много интересного. ЧТО ЖЕ КАСАЕТСЯ ЮМОРА, ВЕСЕЛЬЯ, СМЕХА,— ЭТО УЖ Я БЕРУ НА СЕБЯ. Тем более, что мне удалось заручиться содействием таких веселых писателей, как В. ДРАГУНСКИЙ, В. МЕДВЕДЕВ, А. РАСКИН, Ю. СОТНИК.

С пионерским приветом ваш друг СМЕХОТРОН.

С. МАРШАК

СТИХИ

•

Нужна нам отвага
Для первого шага.
А кто упадет, но рискнет на
второй,
Тот дважды герой.

ЖАВОРОНОК

Так беззаботно на лету
Он рассыпает трели,
Взвиваясь круто в высоту
С земли — своей постели.

Среди колосьев он живет.
Его домишко тесен,
Но нужен весь небесный свод
Ему для звонких песен.

•

Да будет мягким сердце,
твердой — воля!
Пусть этот нестареющий наказ
Напутствием послужит каждой
школе,
Любой семье и каждому из нас.

Как часто у тиранов на престоле
Жестоким было сердце, слабой —
воля.

МОЙ ЧИТАТЕЛЬ

Читатель мой особенного рода:
Умеет он под стол ходить
пешком.

Но радостно мне знать, что я
знаком
С читателем двухтысячного года!

Б. САРНОВ

«Слишком рано» или «слишком поздно»

Моему сыну тогда было шесть лет. Как все дети этого возраста, он очень любил, когда ему читали вслух стихи. Самые обыкновенные стихи, те, какие обычно читают маленьким детям: «Ехали медведи на велосипеде...», «Кто стучится в дверь ко мне?..», «Дело было вечером, делать было нечего...». Чуковский... Маршак... Михалков.

Все эти стихи он знал наизусть и все-таки любил их слушать снова и снова.

Вот однажды совершенно случайно он услышал, как я, держа в руках ту самую толстую книгу, в которой, как он знал, были напечатаны его любимые стихи — «Человек рассеянный», «Дама сдавала в багаж...» и многие-многие другие, — прочитал вслух совсем иное стихотворение, совершенно ему незнакомое. Это был «Вересковый мед» — баллада английского поэта Роберта Стивенсона. Я прочел это стихотворение не ему, а кому-то из своих приятелей. Но сын запомнил. В следующий раз, когда я открыл тот же толстый том и приготовился читать ему, как обычно, веселые, звонкие, легкие стихи — «Ищут пожарные, ищет милиция...» или что-нибудь еще в этом же роде, — он вдруг запротестовал:

— Не хочу! Читай лучше то...

— Какое то? — спросил я, не понимая, в чем дело.

— Ну, то. Помнишь?

И, немного завывая, самым низким и «грубым» голосом, на какой был способен, он прочел:

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Прогнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Оказывается, он запомнил чуть ли не половину этого длиннющего стихотворения. Запомнил сразу, с той же легкостью, с какой запоминал обычно другие детские стихи: «У меня зазвонил телефон. Кто говорит? Слон...», «В доме восемь, дробь один, у Заставы Ильича, жил высокий гражданин по прозванью Каланча...». Запомнил и вот теперь настойчиво требовал, чтобы я ему его читал.

— Ну что ты! — сказал я. — Это стихотворение совсем не для тебя. Это ведь не детские, а взрослые стихи. Тебе их слушать еще слишком рано...

— А почему они в той же книжке?

— Потому что их написал, вернее, перевел на русский язык тот же поэт, который... Ну, в общем, станешь чуть старше, и ты все узнаешь...

Мысленно я уже ругал себя за то, что так неосторожно прочел эти совсем не детские стихи при мальчишке. Мне вовсе не улыбалось читать ему вслух «Вересковый мед» Стивенсона. Во-первых, я вполне искренне был уверен, что читать эти стихи шестилетнему мальчику действительно слишком рано. Это ведь очень страшная, очень грустная история. В стихотворении рассказывается о том, как шотландский король покорил страну пиктов, маленьких людей, умевших готовить вкусный мед из вереска. Пикты храбро защищались и почти все погибли геройской смертью. Настало лето. Опять зацвел медвяный вереск. Но никто уже не мог приготовить из него старинный чудесный напиток. И вот вассалы короля заприметили двух пиктов, двух последних медоваров, оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Сло́ва не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед!..

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

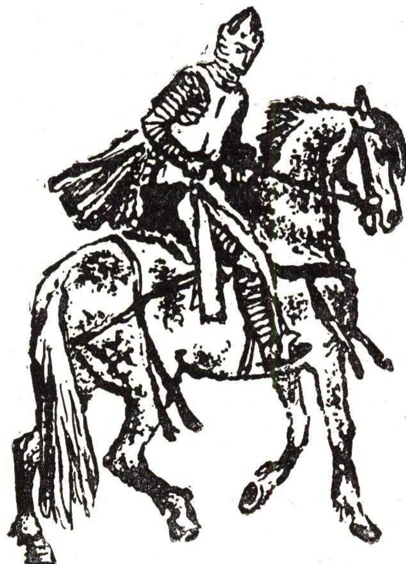
— Правду сказал я, шотландцы.
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мною умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

Это не только очень грустная, но и очень жестокая история. И поэтому я думал, что моему сыну лучше сначала хоть немного подрасти, прежде чем увлекаться ею. «Вот когда ему будет лет двенадцать или хотя бы десять-одиннадцать...» — думал я.

А потом, честно говоря, мне не очень хотелось читать ему вслух это стихотворение, потому что я сразу представил себе, как он начнет меня расспрашивать:

— А что такое вассалы?
— А кто такие пикты?
— А что такое вереск?
— А что это значит — продавать свою совесть?

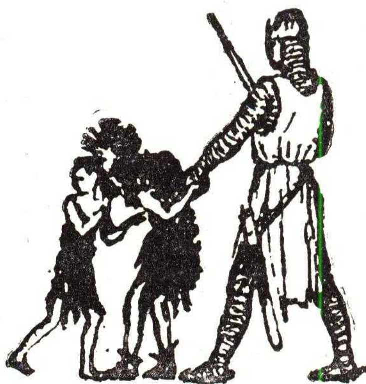

Рисунок О. Верейского.

И на все эти вопросы я буду невразумительно мычать и бормотать что-то невнятное:

— Видишь ли, м-м-м... Вассалы... Ну как бы тебе объяснить проще... В эпоху феодализма... Впрочем, ты ведь еще не знаешь, что это такое... Ну, одним словом, подрастешь, пойдешь в школу... А пока тебе еще слишком рано об этом думать...

Короче говоря, я отказывался, как только мог. Но мое сопротивление было напрасным. Сын ни под каким видом не соглашался больше слушать про даму, которая сдавала в багаж множество самых разнообразных вещей, и про парня «в футболке и кепке», спасшего маленькую девочку. Он требовал решительным, не допускающим возражений тоном:

— Читай т о...

И уже просто, чтобы отвязаться, я сдался.

И все оказалось совсем не так, как я себе представлял. Ему ничуть не было скучно. Он жадно вслушивался в строки стихотворения. И еле слышным шепотом, словно боясь разрушить, спугнуть что-то, просил:

— Еще...

И не расспрашивал, что такое пикты, и кто такой шотландский король, и было ли все это на самом деле. И я подумал, что, наверное, был не прав, считая, что читать ему эти стихи еще преждевременно.

А спустя некоторое время я не только понял, что ошибался, но и понял, в чем состояла эта моя ошибка. Помог мне это понять Самуил Яковлевич Маршак.

В одной из своих статей он рассказал историю, невольно заставившую меня вспомнить только что рассказанный мною эпизод.

«Помню, я читал как-то своему пятилетнему сыну, — вспоминал Маршак, — самый мирный и спокойный рассказ.

Но едва только я дошел до фразы «Вдруг раздались чьи-то шаги», он поднялся с места и решительно заявил:

— Дальше не надо читать!

— Почему, голубчик?

— Это очень, очень страшно!

— Да ты послушай! Тут ровно ничего страшного нет и не будет, поверь мне!

Но убедить мальчика дослушать рассказ до конца так и не удалось.

Самые обычные для нас, взрослых, слова «вдруг», «раздались», «чьи-то», «шаги» звучали для него с такой первозданной силой, на какую вряд ли рассчитывал автор невинного рассказа...».

Объясняя этот маленький смешной случай, Самуил Яковлевич сделал очень простой, но вместе с тем очень важный вывод:

«...Именно эти свойства... — острая впечатлительность, чуткость к слову, живое воображение — и есть то, что мы так ценим в читателях. Не ощущая силы каждого слова, нельзя по-настоящему почувствовать всю прелесть и значительность пушкинских стихов».

Этот случай, рассказанный Маршаком, открыл мне глаза на многое.

На первый взгляд не очень понятно, какое отношение имеет эта история про маленького мальчика, испугавшегося самых простых и обыкновенных слов, к способности воспринимать пушкинские стихи. А вот, оказывается, имеет отношение, причем самое прямое и непосредственное.

Сначала этот маленький мальчик кажется глупым несмышленышем, которого хочется просто погладить по головке и успокоить:

— Ну что ты, глупыш! Подумай сам, ведь здесь нет ничего страшного. Раздались чьи-то шаги. Это значит, что кто-то вошел. И все...

Сначала кажется, что взрослый человек, читающий мальчугану этот неведомый рассказ, гораздо лучше и глубже понимает прочитанное, чем его маленький слушатель. Сначала кажется, что способность взрослого человека воспринимать прочитанные слова как самые обыкновенные — это не что иное, как превосходство его над малышом.

Но если вдуматься как следует, обнаружится, что это вовсе не превосходство, а, наоборот, недостаток. И если уж говорить о превосходстве, то надо будет признать, что не взрослый человек, от лица которого рассказывает свою историю Маршак, превосходит своего слушателя, а, наоборот, маленький мальчик превосходит взрослого человека острой способностью чувствовать силу, значительность, первозданный смысл каждого слова. И не только чувствовать, но всей душой отзываться на каждое слово: пугаться его, если оно обещает какую-то неожиданность («вдруг!»), радоваться ему, если в нем слышится что-то веселое и доброе...

Мы привыкаем к словам. Их первоначальный смысл постепенно стирается, тускнеет. Мы привычно начинаем различать в словах только их прямое значение. И вот в конечном счете оказывается, что фраза «Вдруг раздались чьи-то шаги» звучит для нас как простая сухая информация. Но ведь каждое слово нашего языка, помимо своего прямого значения, несет в себе еще и какой-то заряд душевной энергии того, кто это слово произнес: грусть или веселье, испуг или неожиданную радость...

Человек, для которого все слова притупились, стерлись, стали обыкновенными, никогда не сможет по-настоящему ощутить всю силу пушкинских стихов. Потому что, если слово человеческого языка по-своему необыкновенно, то слово, звучащее в стихах, необыкновенней во сто крат.

Поняв все это, я подумал: как хорошо, что я все-таки поддался настойчивым уговорам своего сына и прочел ему вслух «Вересковый мед» Стивенсона! Ведь очень может быть, что, если бы он прочел это чудесное стихотворение, уже став взрослым, каждое его слово не было бы для него наполнено таким глубоким и таинственным смыслом. И вместо того, чтобы слушать его, затаив дыхание, с сладко замирающим сердцем и расширенными от страха глазами, он просто прочел бы как самое будничное, обыкновенное:

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне...

И подумал бы: «Ну и что! Едет и едет... пусть себе едет... И ничего тут нет особенного, из-за чего стоило бы расстраиваться, а тем более пугаться!..»

А потом мне пришла в голову другая мысль. Что было бы, если б у меня под рукой не случилось этой прекрасной баллады Стивенсона? Наверное, мой сын уговорил бы меня прочитать ему какие-нибудь другие стихи. Может быть, это были бы даже не бог весть какие хорошие, а то и вовсе плохонькие стишки. И он слушал бы их так же доверчиво и жадно, точь-в-точь с таким же душевным трепетом, и так же весь отзывался бы навстречу каждому слову, и так же беззвучно шевелил бы губами, повторяя каждое слово за мной, и просил: «Еще...»

Большой беды в этом, конечно, не было бы. Но все-таки было бы очень жалко, если бы весь этот запас впечатлительности, этот огромный заряд душевных сил ушел на какие-нибудь пустяки, на что-нибудь ненастоящее, может быть, даже фальшивое. И с тем большим чувством благодарности подумал я тогда о человеке, который перевел чудесную балладу Стивенсона на русский язык, сделал ее достоянием русской поэзии.

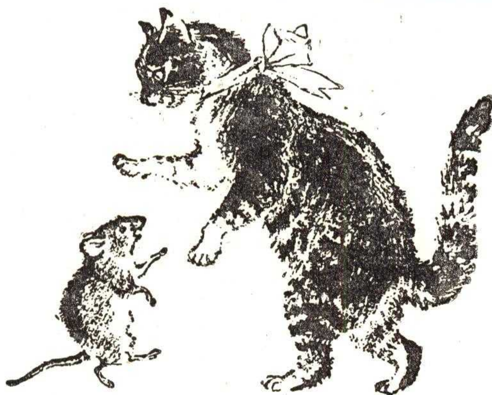
Судите сами, случайность это или нечто большее, чем простая случайность, но это был опять он, тот самый человек, который помог мне во всем этом разобраться, — Самуил Яковлевич Маршак.

аждый из тех, кто писал о Маршаке, о его большой многолетней работе, неизменно считал своим долгом отметить, что книги Маршака сопровождают человека всю жизнь. Его стихи приходят к нам в очень раннем возрасте, когда человек даже не может называться читателем, потому что он еще не умеет читать. Потом человек растет, становится старше, и он сталкивается с другими стихами Маршака, адресованными детям уже не дошкольного, а так называемого с р е д н е г о возраста. Потом человек становится совсем взрослым, и тогда приходит время для «взрослых» стихов Маршака, для его лирики, для его переводов Шекспира, Роберта Бернса, Генриха Гейне.

Все это верно.

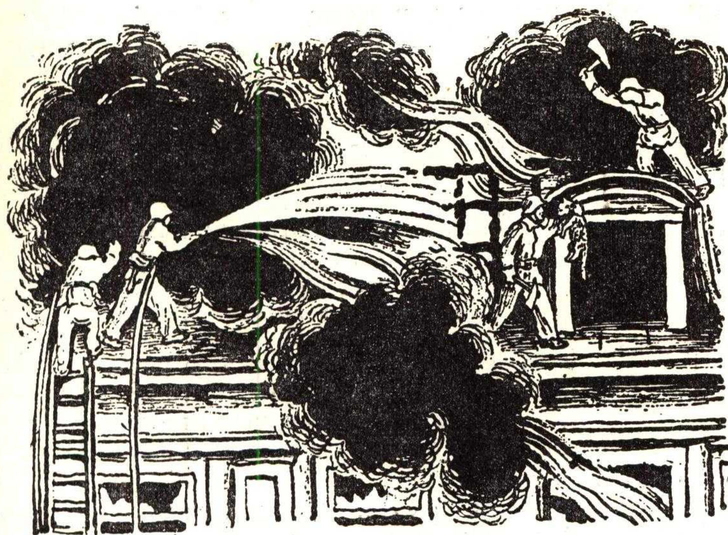
Маршак писал в своей жизни очень разные стихи. Писал и для самых маленьких и для людей. умудренных знаниями и опытом дол-

«Сказка о глупом мышонке».
Рисунок В. Лебедева.

«Вот какой рассеянный».
Рисунок В. Канашевича.

«Пожар». Рисунок В. Канашевича.

«Великан». Рисунок В. Лебедева.

гой жизни. Но ни про одно его стихотворение нельзя со всей решительностью и определенностью сказать:

— Это детское, взрослым оно будет неинтересно...

И точно так же ни про одно его стихотворение нельзя сказать:

— Это для взрослых, детям оно будет непонятно...

Очень часто о стихах Маршака даже и не скажешь, кому они адресованы — детям или взрослым. Вот, например, стихотворение, которое называется «Пожелание друзьям»:

Желаю вам цвести, расти,
Копить, крепить здоровье.
Оно для дальнего пути —
Главнейшее условье.

Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет.
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.

Вам от души желаю я,
Друзья, всего хорошего.
А все хорошее, друзья,
Дается нам недешево!

Как прозрачно, с какой кристальной ясностью и легкостью выражена здесь мысль! И мысль, казалось бы, такая простая и ясная. Кажется даже, что стихотворение не сообщает вам ничего нового, ничего такого, что было бы неизвестно. Просто старый, добрый человек желает молодым, начинающим жизнь здоровья и счастья. Вот, казалось бы, и все. Как однажды пошутил Пушкин, «больше ничего не выжмешь из рассказа моего...».

Но это впечатление обманчиво. На самом деле в этом крошечном стихотворении заключена целая программа жизни, глубокая и мудрая.

Начнем с самого первого пожелания — «крепить здоровье». Обычно люди желают друг другу здоровья, не слишком вдумываясь в смысл этого пожелания, не размышляя особенно над тем, для чего человеку нужно быть здоровым. Да и стоит ли над этим особенно задумываться? Ведь хорошее здоровье — вещь важная и ценная сама по себе. Настолько важная и ценная, что, право же, нет никакой нужды, желая человеку крепкого здоровья, еще и объяснять, с какой целью вы ему этого желаете. А вот Маршак почему-то считает нужным сказать и об этом:

Оно для дальнего пути —
Главнейшее условье...

Оказывается, поэт желает нам с вами крепить здоровье не просто так, не потому, что оно ценно само по себе, а потому, что оно — «главное условье» для какого-то дальнего и, по-видимому, не очень легкого пути. А почему, собственно, наш жизненный путь должен быть нелегким? Уж если нам желают всего хорошего, так вроде бы в первую очередь как раз и надо пожелать, чтобы наше путешествие по жизни было легким и радостным. Но поэт, видимо, думает иначе.

Так с самых первых строк в стихотворение входит его главная тема: жизнь — большое, ответственное и нелегкое дело. Как говорит

пословица, «жизнь прожить — не поле перейти». Людям, начинающим жизнь, предстоит большой и трудный путь. Трудный и очень ответственный.

Можно жить легко и бездумно. Можно плыть по течению, «куда вывезет». Но это не имеет ничего общего с настоящей жизнью. Как любил говорить Маршак:

— Лень, тупость, незрячесть — все это не жизнь, голубчик! Человека иногда заносит туда течение. Что ж! Надо грести. Всю жизнь надо грести...

Всю жизнь надо грести! Только тогда «каждый день и каждый час вам новое добудет». И только тогда ваша жизнь будет настоящей, полноценной, осмысленной и радостной, хотя и трудной.

Поэт не желает нам легкой жизни. Наоборот, он прямо так и говорит: «Все хорошее дается людям очень дорогой ценой. И все-таки я желаю вам только хорошего!» Это значит: я желаю вам быть щедрыми, не задумываясь, тратить себя, свои силы, свои чувства, не бояться отдавать их людям. Это значит: я желаю вам стать хорошими людьми. И, несмотря на то, что хорошим людям, то есть людям с добрым умом и умным сердцем, живется на свете гораздо труднее, я все равно желаю вам быть именно такими...

Стихи Маршака часто обманывают кажущейся простотой содержания. Это происходит потому, что он, как правило, пишет о том, с чем каждый человек сталкивается повседневно. Но в самых простых и общеизвестных вещах окружающего нас мира он открывает нам нечто такое, что почему-то ускользнуло от нашего внимания:

Быстро дни недели пролетели,
Протекли меж пальцев, как вода,
Потому что есть среди недели
Хитрое колесико — Среда.

Понедельник, Вторник очень много
Нам сулят, — неделя молода.
А в Четверг она уж у порога.
Поворотный день ее — Среда.

Есть колеса дня, колеса ночи.
Потому и годы так летят.
Помни же, что путь у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд.

Когда читаешь или слушаешь это стихотворение, возникает уже знакомое нам обманчивое чувство: все это я знал и слышал тысячу раз. «Годы летят...», «Не успеешь оглянуться — и жизнь пройдет...», «Среда пришла — неделя прошла...»

Мысль действительно не новая. Но стихотворение Маршака не просто еще раз сообщает нам эту мысль. Оно заставляет нас физически, всем существом ощутить, как летит время, и испугаться от мгновенного сознания, что оно может уйти, проскользнуть у нас «меж пальцев, как вода», пропасть зря.

Порой часы обманывают нас,
Чтоб нам жилось на свете безмятежней.
Они опять покажут тот же час,
И верится, что час вернулся прежний.

Обманчив дней и лет круговорот:
Опять приходит тот же день недели,
И тот же месяц снова настает —
Как будто он вернулся в самом деле.

«Багаж». Рисунки В. Лебедева.

Известно нам, что час невозвратим,
Что нет ни дням, ни месяцам возврата.
Но круг календаря и циферблата
Мешает нам понять, что мы летим.

Еще раз поэт оставляет нас наедине с той же мыслью: «Помни! Это только к а ж е т с я, что вновь вернется лето, и опять настанет утро, и вновь придет тот же месяц. На самом деле это будет уже д р у г о е утро, д р у г о й месяц, д р у г о е лето в твоей жизни. А того, вчерашнего, утра никакими силами не вернуть...»

И эта мысль незаметно смыкается с уже знакомой нам другой мыслью:

Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет...

В этой многозначности и глубине, в разных оттенках и «поворотах» одной и той же мысли и состоит чудо настоящей поэзии. Если два стихотворения поставить рядом, они оба выигрывают от этого сближения. Они становятся глубже, мудрее, дополняют, обогащают друг друга. Это особенно верно по отношению к лирическим стихотворениям Маршака, потому что каждое из них — итог многолетних раздумий, итог целой прожитой жизни.

Так что же, может быть, для того, чтобы по-настоящему понять и оценить лирику Маршака, действительно нужно прожить на свете не один десяток лет? И, может быть, действительно в з р о с л ы е стихи Маршака в двенадцать и даже в четырнадцать лет читать несколько преждевременно?

Я думаю, что все-таки это не так.

Это не так потому, что, когда мы говорим о человеке, что он п о н и м а е т стихи, мы вкладываем в это слово совсем не тот смысл, какой вкладывают в него, говоря об ученике, что он правильно понимает теорему или условия задачи.

Белинский настоятельно советовал читать детям стихи Пушкина. Не сказки, а именно «взрослые» стихи великого поэта. Он писал:

«Не заботьтесь о том, что дети мало тут поймут, но именно и старайтесь, чтобы они как можно менее понимали, но больше чувствовали».

На первый взгляд этот совет кажется странным. Как же может учитель стараться, чтобы его ученики как можно менее понимали? Но в том-то и дело, что чувствовать стихи — это и значит самым наилучшим образом понимать их. И научить человека понимать стихи — это значит прежде всего научить его подчиняться, всей душой отдаваться тем чувствам, которые выразил поэт.

Легко сказать — «научить». Да разве можно этому научиться? Разве можно научить человека быть отзывчивым, страстным, глубоко и сильно чувствующим?

Оказывается, можно. Можно, если исходить из того, что эти качества есть в душе у каждого человека. И именно к ним, к этим душевным свойствам, обращаться, стараясь не «спугнуть» их, не заглушить, не загасить нудными, настойчивыми вопросами:

— Ну что, понял? А теперь расскажи своими словами, как ты это понял.

Именно таким учителем — и для детей и для взрослых — был Самуил Яковлевич Маршак. Он, как никто другой, умел заставить человека почувствовать стихотворение. Он верил, что в сердце каждого есть хоть малая искра этого душевного огня, и он изо всех сил старался раздуть эту искру, превратить ее в ровное и сильное пламя. Делал он это настойчиво, умело, но незаметно.

Вот отрывок из маленькой его статьи, которая называется «Об одном стихотворении»:

«С детства я знал наизусть стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Лет в двенадцать-тринадцать я бесконечное число раз повторял его и любил до слез. Но, перечитывая эти стихи теперь, на старости лет, я как будто заново открываю их для себя, и от этого они становятся еще загадочнее и поэтичнее.

Только сейчас я замечаю, как чудесно соответствуют ритму нашего дыхания сосредоточенные, неторопливые строки с теми равномерными паузами внутри стиха, которые позволяют нам дышать легко и свободно.

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит...

Читая две последние строчки этого четверостишия, вы спокойно переводите дыхание, будто наполняя легкие свежим и чистым вечерним воздухом.

Но ведь об этом-то ровном, безмятежном дыхании и говорится в предпоследней строфе:

...Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь...

В сущности, дышит не только одна эта строфа, но и все стихотворение. И все оно

поет. Как в песне, в этих стихах одна строфа подхватывает последние слова другой, предыдущей строфы.

За стихом:

Жду ль чего? Жалею ли о чем?

следует:

Уж не жду от жизни ничего я.

После строфы, начинающейся словами

Я б хотел забыться и заснуть,

следуют слова:

Но не тем холодным сном могилы...

Эта неразрывная песенная вязь как бы подготавливает читателя или слушателя к тем заключительным строчкам стихов, где уже и в самом деле слышится пение:

...Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел...

Стихотворение кончается словами:

Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел...

И долго после того, как закроешь книгу, слышишь этот шум ветвей. Последняя строчка лирических стихов — на самом деле не последняя: она оставляет за собой, как эхо, долгий гул — след отзвучавшей музыки.

Стихи, о которых идет здесь речь, научили меня в юности любить лирическую поэзию. На склоне лет я отнюдь не собирался и не собираюсь подвергать их разбору. Я хотел только поблагодарить поэта».

Маршак словно нарочно подчеркивает, что он вовсе не имеет в виду кого-то чему-то учить. Он не собирается подвергать стихотворение разбору. Ничего подобного. Он просто вспоминает, рассказывает о себе и благодарит поэта. Он даже как будто не стремится к тому, чтобы после прочтения его статьи стихотворение Лермонтова стало нам понятнее. Он не разжевывает нам его смысл, или, как мы часто говорим, идею. Наоборот. Он хочет, чтобы для нас, как и для него самого, прекрасное стихотворение Лермонтова стало еще загадочнее и поэтичнее. И цели своей он достигает. Даже если вы и раньше знали и любили стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», прочитав эту статью Маршака, вы невольно подумаете: «Как много, оказывается, в этом стихотворении такого, чего я раньше не замечал!» С неожиданной свежестью вы заново сумеете пережить эти давно знакомые строки. Вы вновь, с новой силой испытаете те чувства, которыми заразил вас поэт. Но главное даже не это. С необыкновенной остротой вы почувствуете, что стихотворение живое. Потому что благодаря Маршаку вы услышали, как оно дышит.

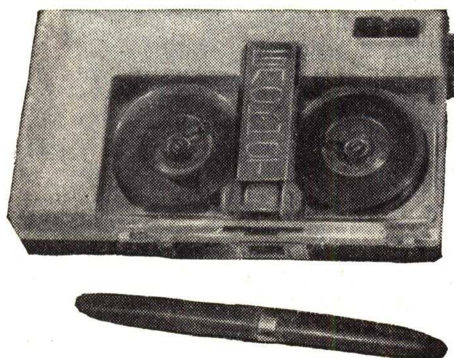
Способность понимать, а лучше сказать, чувствовать стихи не растет с годами. Наоборот, если эту способность не развивать, с годами она может ослабеть, а то и вовсе притупиться. Поэтому не верьте, если вам скажут о каких-нибудь стихах:

— Не торопитесь, успеете. Все равно вы тут еще ничего не поймете...

Не верьте! И не бойтесь прочесть какие-нибудь стихи слишком рано. Гораздо печальнее будет, если первая ваша встреча с поэзией произойдет слишком поздно.

Этот совет — один из самых важных, среди многих других советов, заповедей, уроков, оставшихся нам от Самуила Яковлевича Маршака.

Говорящий блокнот

«Блокнот» — так называется новинка, карманный магнитофон. Он будет хорошим помощником студентам, журналистам, а может, и школьникам. На ленту можно записать часовую лекцию. Потом прослушать ее, а если она больше не понадобится, стереть запись и сделать новую. Захочется сохранить запись — ленту снимают, а «Блокнот» заряжают новой.

На ленте четыре дорожки, поэтому при ее длине — 40 метров — можно рассчитывать на 160 метров записи. Переключение с одной дорожки на другую автоматическое.

И. СИЛИН

Калорийные ботинки

Валерий МЕДВЕДЕВ **Рисунки Ю. Узбякова.**

Поздним вечером в субботу мама привезла на дачу из Москвы моего двоюродного брата Мишку, а на следующее утро мы с ним уже сидели в густых кустах на берегу, неподалеку от Серебряного пляжа, и рыбачили.

Уговор был такой: всю выловленную рыбу мы должны съесть без соли, без хлеба, просто так... в сыром виде. Мишка готовил себя и меня к будущим отважным путешествиям и поэтому при каждой встрече придумывал для себя и для меня всякие испытания.

А мне очень не хотелось есть сырую рыбу, поэтому я громко кашлял, чихал и даже раза три уронил в воду свою удочку.

— Тише ты! — шипел на меня Мишка.— Всю рыбу распугаешь!

А мне только этого и надо было. А потом за поворотом реки вдруг затарахтел земснаряд, да так громко, что, вероятно, разогнал всю рыбу в реке. Я с удовольствием слушал, как тарахтит этот земснаряд: я очень обрадовался, что мне не придется сегодня есть сырую рыбу. А Мишка так разозлился, что даже заскрежетал зубами и начал сматывать удочки.

— Ну что ж, — сказал Мишка, сматывая удочки,— раз сырой рыбы под руками нет, будем тренироваться на чем-нибудь другом. В конце концов *т-а-м* (Мишка бросил свой взгляд тысяч на двадцать километров вдаль!) нам придется есть не только съедобные вещи...

С этими словами Мишка перевел свой взгляд на мои новые ботинки с ушками. Эти ботинки мне только вчера подарил папа. Он знал, что я давно мечтаю о спортивных ботинках с ушками. Поэтому мне папа и подарил именно такие ботинки. Мишка, говоря про несъедобные вещи, просто глаз не сводил с моих ботинок, а я думал, что он просто любуется ими, поэтому я нарочно вытянул с фасоном ноги и покачал носками.

— Сырая рыба — это что! — сказал Мишка.— Самое главное — надо уметь есть всякие кожаные вещи и предметы...

Мишка опять пристально взглянул на мои новые ботинки. Но на этот раз мне почему-то очень не понравился его взгляд. Мишка смотрел на мои ботинки, прямо как удав на кролика.

— Кожаные ремни надо уметь есть,— продолжал Мишка хриплым шепотом.— Конскую упряжь, ботинки...

Слово «ботинки» он произнес таким ужасным голосом, что я сразу понял, почему он не сводит глаз с моих ботинок.

— Ну что ты?..— сказал Мишка.

— Что я? — спросил я.

— Давай! — сказал Мишка.

— Что давай? — спросил я с дрожью в голосе.

— Давай разувайся!

— Зачем?

— Будем тренироваться на твоих ботинках!

— То... то есть как тренироваться?

— А так!.. Съедим их — и все!..— ответил Мишка так, как будто он всю жизнь только и делал, что ел кожаные ботинки.

— Как съедим? — спросил я.

— Как настоящие путешественники! — ответил Мишка грубым голосом.

— Ну что ж! — сказал я.— Давай есть ботинки! Только — чур — начнем с твоих!

— Пожалуйста! — сказал Мишка.—Только где это ты читал, чтобы умирающие с голода путешественники употребляли в пищу резиновые кеды?

Для иллюстрации Мишка вытащил из песчаного холмика свои ноги в старых резиновых, совершенно несъедобных кедах.

— Тряпки и резина,— пояснил Мишка,— никаких витаминов! А у тебя ботиночки очень даже питательные, калорийные, можно сказать...

К сожалению, Мишка был прав: в моих кожаных ботинках было, конечно, гораздо больше витаминов, чем в его резиновых. И все же я не сразу сдался. Я все-таки сделал еще одну попытку спасти ботинки.

— Хорошо! — сказал я. — Хорошо, Мишка! Мы съедим мои новые ботинки, но только давай не сегодня.

— Это почему не сегодня?

— Потому что мы с тобой совсем недавно завтракали! Как же мы на сытый желудок будем есть кожаные ботинки? У меня сейчас и аппетита-то никакого нет!

— Что ж ты предлагаешь? — спросил меня Мишка грубым шепотом.

— Съесть мои ботинки натощак.

— Ишь какой хитрый! — сказал Мишка. — Да натощак такие ботинки всякий дурак съест, а на сытый желудок — только настоящий путешественник!

Я хотел придумать еще какую-нибудь отговорку, но Мишка не стал даже слушать.

— Конечно! — сказал он.—Есть такие жадюги-путешественники, которым легче придумать миллион отговорок и даже умереть с голоду, чем съесть без рассуждений свои кожаные ботинки...

С этими словами Мишка повалился на песок и стал как бы совершенно умирать от голода на моих глазах.

А я!.. Разве мог я перенести, чтобы Мишка меня принял за какого-то жадюгу-путешественника? Нет, я не мог этого перенести... Мне легче было принести в жертву свои новые ботинки, только бы Мишка считал, что я уже вполне готов к героическим путешествиям. Поэтому я, не говоря больше ни слова, стянул с ног ботинки и стал смывать с них в реке пыль.

— Сырые будем есть или вареные? — спросил я.

— Можно и вареные,— сказал Мишка.

Я подошел к котлу, зажмурился и, затаив дыхание, опустил ботинки в кипящую воду. Вода в котле бурлила ключом. Ботинки мои крутились в кипятке, как белки в колесе. То правый выплывает наверх, то левый, то правый, то левый...

А я мешал воду сучком, стараясь не глядеть на ботинки, и все время думал о том, что маме, наверное, будет очень неприятно, когда она узнает, что я съел свои ботинки уже на второй день. Если бы я их хоть немного поносил и съел, скажем, через месяц или даже через два, тогда бы это ее, конечно, не так расстроило.

Я так глубоко задумался, что даже не успел заметить, как мои ботинки сварились. Лишь только когда Мишка заорал «Готово!» и подцепил на палочку вареный ботинок, я отвлекся от своих грустных мыслей.

— Готово! — сказал Мишка, кладя дымящийся ботинок на траву и отрезая от него ушко.— В самый раз,— добавил он, глотая ушко от ботинка. Затем он разрезал на куски кожаный верх и стал уплетать его за обе щеки с таким аппетитом, с каким, вероятно, настоящий умирающий с голода путешественник и должен есть вкусные, калорийные ботинки. Хотя я тоже мысленно по-настоящему умирал от голода, но есть с таким аппетитом, с каким Мишка ел мои ботинки, я почему-то не мог.

Не знаю, если бы это были не мои ботинки, а Мишкины, может быть, я бы тоже их ел с большим удовольствием, но мои собственные ботинки мне совершенно не хотелось есть... Впрочем, не есть их совсем я тоже не мог, иначе Мишка меня никогда бы не взял с собой ни в какое героическое путешествие, поэтому я сначала нарезал кожаный верх на мелкие ломтики, как лапшу, а потом, не пережевывая, начал глотать их.

Вероятно, мы с Мишкой съели бы оба ботинка, если бы вдруг за моей спиной не затрещала сирень. Я вздрогнул, обернулся и увидел, как из кустов высунулась голова моей сестры Наташки.

— Мишка! Валька! — сказала она, подозрительно глядя на нас.— Вот вы где! А вас мама ждет!

— Зачем ждет? — спросил я, быстро засыпая недоеденный ботинок песком.

— Как зачем? Обедать пора! — сказала Наташка.

Худшего известия она не могла принести при всем своем желании.

— Ладно! Сказано, иди! Мы сейчас придем!

Но Наташка высунулась из кустов еще больше и подозрительно проговорила:

— Почему это «иди»? Мне мама сказала, чтобы я без вас не возвращалась.

Спорить с Наташкой было бесполезно, мы поднялись, залили костер бульоном из ботинок и под Наташкиным конвоем мужественно зашагали домой.

Как я ел обед, я не помню. Мишка и второй обед уплетал за обе щеки — это я помню. Еще я помню, что Наташка все время заглядывала под стол и фыркала при виде моих босых ног. Она делала это до тех пор, пока под стол не посмотрела мама и не спросила меня с удивлением:

— Валерий! А где твои ботинки? Почему ты босиком?

— М... м... м...— промычал я, размазывая кашу по тарелке.

— Почему ты без ботинок, я тебя спрашиваю?

— Он без ботинок потому, что они их с Мишкой съели! — сказала Наташка, не дав мне опомниться и придумать какую-нибудь подходящую историю.

— Кого — их? — спросила мама, побледнев.

— Валькины ботинки! — пояснила Наташка.

— Как съели?! — прошептала мама чуть слышно.

— Очень просто! — сказала Наташка.— И даже с большим аппетитом. Своими глазами видела!..

Папа, молчавший все это время, тоже вдруг побледнел, заглянул под стол, потом приложил руку к сердцу и стал медленно подниматься со стула. А мама, пока папа поднимался со стула, приложила сразу обе руки к сердцу и стала медленно опускаться на стул.

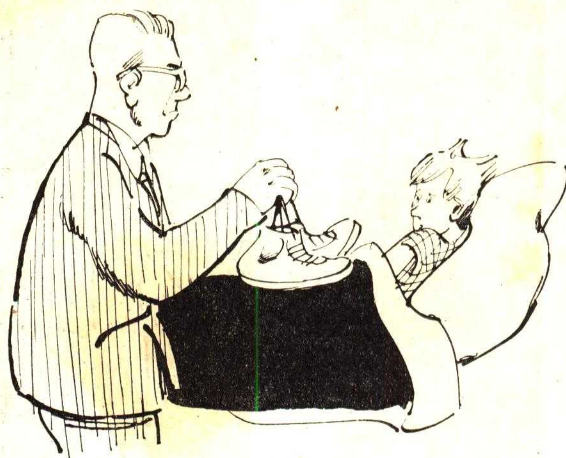
Как мама с папой побежали на берег и вернулись обратно с недоеденными ботинками! Что после этого началось в доме! Как вызывали на дачу неотложку! И как мы себя чувствовали все это время! Об этом я ничего рассказывать не буду, потому что мы с Мишкой все это перенесли мужественно и героически, как полагается все переносить настоящим путешественникам. Только один раз наши с Мишкой ряды дрогнули и пришли в замешательство — это когда приехавший на «Скорой помощи» врач решил промыть наши желудки. Против этой унизительной процедуры Мишка взбунтовался принципиально! Мишка орал, что он еще нигде не читал, чтобы путешественнику, который съел свои ботинки, промывали после этого желудок.

— Во-первых,—сказал папа, хватая Мишку за ноги,— ты съел не свои ботинки, а ботинки своего двоюродного брата! А во-вторых, где ты читал, чтобы путешественник начинал подготовку к путешествиям с того, что съедал свою обувь?

Потом нас напичкали какими-то лекарствами, уложили в постели и заставили заснуть.

А когда я проснулся, то у нас на даче Мишки уже не было. Его еще вечером мама на такси увезла к своей сестре в Москву. Под подушкой я обнаружил записку, которую успел сунуть Мишка перед отъездом.

«Все в порядке!!! — писал Мишка.— Подготовка к героическим путешествиям продолжается! Жди!!! Указаний!!!»

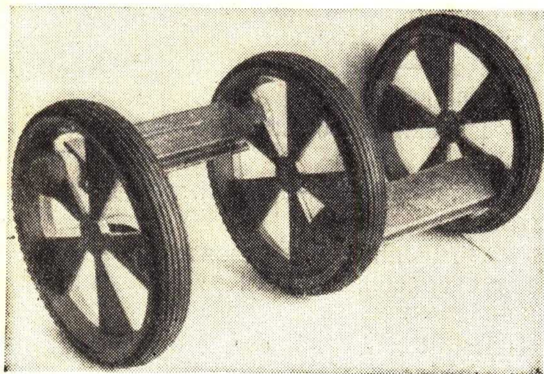
А потом я опять заснул, а когда опять проснулся, в мою комнату вошел папа.

В руках у него была картонная коробка. Папа подошел к моей кровати и вытащил из коробки новые ботинки. Ботинки были не спортивные, без ушек, верх у ботинок был суконный, подметка и каблук — резиновые.

— Я надеюсь...— сказал папа,— я надеюсь,— повторил он, держа на весу ботинки,— что ваша дальнейшая подготовка к героическим путешествиям с Мишкой примет несколько иной характер.

Я посмотрел на ботинки с резиновыми подметками и молча отвернулся к стене.

ИНТЕРВЬЮ С КОНСТРУКТОРОМ РОПЕДА

ГДЕ РОДИЛСЯ РОПЕД? В ФРГ. Новую игрушку изобрела домохозяйка Рут Вайденбах для своей дочери. Нам захотелось сконструировать для ребят такую же игрушку. Мы разработали чертежи, и вот первая опытная партия ропедов готова.

ТРУДНО ЛИ ОСВОИТЬ РОПЕД? — Нет, не трудно. Для этого понадобится всего несколько тренировок. Главное—научиться сохранять равновесие, научиться, нажимая на педали, держаться прямо. Кстати, мы показали наш ропед мастерам спорта. Виктор Косичкин и Олег Гончаренко, встав на ропед, пошли сразу. А вот Римма Жукова пошла не сразу, но и ей ропед очень понравился.

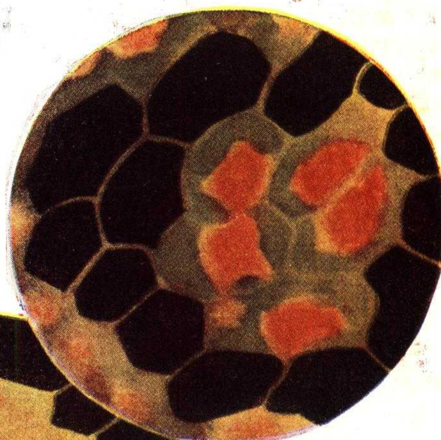
КТО ИЗ РЕБЯТ ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРВЫМ ВЛАДЕЛЬЦЕМ РОПЕДА? — Девочка из Запорожья. Честно говоря, не известно, сколько ей лет и как ее зовут. Мы получили письмо от мамы этой девочки — Дианы Семеновны — с просьбой прислать ропед. У ее дочери после болезни слабые мускулы ног... Мы выполнили просьбу и, хотя не получили еще ответа, надеемся, что девочке ропед понравился.

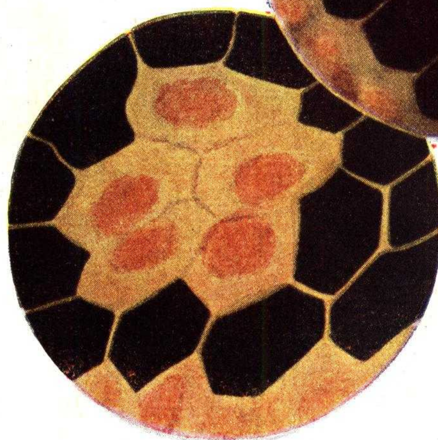
ОТ РЕДАКЦИИ

Ропед, который изображен на этой фотографии,— наша собственность. Нам его подарили. Скажем по секрету, не все из нас «пошли» на нем сразу, скорее, наоборот. И все-таки вот наше неспортивное редакционное заключение: надо скорее выпускать ропед в продажу. Ребятам, мы уверены, новинка очень понравится.

Мы говорим: «Жизнь угасла». Это—образное выражение. А для ученых, наблюдающих клетки в микроскоп, оно звучит буквально.

Вот два снимка. На верхнем в поле зрения микроскопа — живые клетки. Поток электронов вызывает их свечение. Ярко-красным светятся скопления хлорофилловых зерен. Зеленовато-желтым — протоплазма. Но в миг, когда клетки убьет мороз, прекращается чудесное свечение. Взгляните на второй снимок. Жизнь угасла!

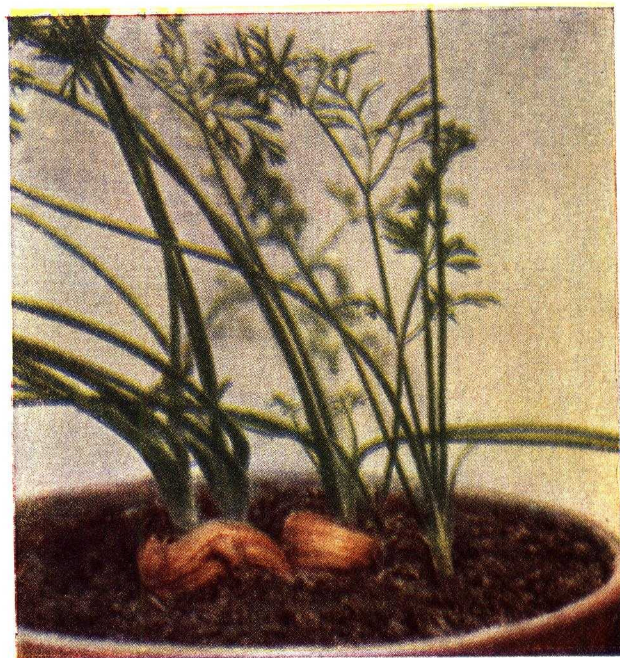

В пробирке на питательном агаровом желе, выращен бесформенный сгусток клеток. Из него по воле биологов фитотрона начинает возрождаться растение во всей своей сложности, во всем своем совершенстве.

ФИТОТРОН

Морковь как морковь, скажете вы — и ошибетесь. Это чудо-морковь. Она заново создана учеными из сгустка морковных клеток. Начало воссоздания вы видите в пробирке рядом. Обо всем этом и о многом другом вам расскажет в номере очерк «Фитотрон».

ИЗВЕСТНЫЙ УКРОТИТЕЛЬ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ

ПЕТИНО И ЕГО ЛЕВ ДЖИЛЬДЖИДЖИ

появятся всюду, где захотят ребята,
и каждого изобразить сумеют.

Лишь скажет Петино:

«Джильджиджи!
Джильджиджи!
Поскорее покажи,
как Витя Бабушкин чихает...» —
И Джильджиджи показывает.

Весьма умненький лев!
Когда ему весело, он ловит свой хвост, и все лопаются со смеху.

Лев и Петино вас позабавят.

Джильджиджи сам заказал художнику Андриевичу свой портрет. Как видите, на Джильджиджи песочного цвета комбинезон, у него упругий хвост и великолепная грива из полосок бумаги.

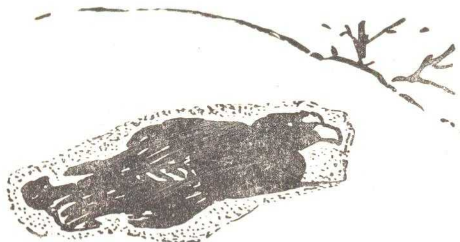
А мы попросили художника уменьшить чертежи маски Джильджиджи в четыре раза, чтобы они поместились в журнале. Если вы увеличите их в четыре раза, получится как раз что надо: 1. Морда льва. 2. Голова маски. На чертеже показано, куда наклеиваются морда, уши и ресницы. 3. Ободок. Его делают по размерам головы и вклеивают внутрь маски. 4. Ухо. 5. Ресницы.

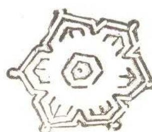

Почему и отчего

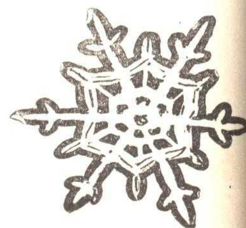

Почему и отчего

С первым снегом в редакцию посыпались зимние «почему» и «отчего». И мы решили всю «почемучку» в этом номере посвятить приходу зимы. Отвечает на ваши вопросы биолог С. Шанев. Внимательно рассмотрите цветной рисунок художника В. Константинова — там вы тоже найдете объяснение многим зимним загадкам.

Живые снегоступы

Почему зимой у зверей и птиц след бывает шире, чем летом?

Шура Смирнов,
г. Магадан.

Ты молодец, Шура, что заметил разницу между зимними и летними следами! Приходилось ли тебе видеть лыжи-снегоступы таежных охотников? Они короткие, широкие, подбитые камусом — коротко-шерстным мехом с оленьих ног.

Снегоступами запасаются на зиму многие звери и птицы, чтобы не проваливаться в снег. Лапы у них обрастают волосками или перышками, и этим увеличивается поверхность, на которую распределяется давление тела.

Если тебе случится попасть в зимний лес, не имея снегоступов или хотя бы обыкновенных лыж, привяжи к валенкам несколько еловых веточек, чтобы они веером выступали из-под подошвы. И пойдешь по снегу, не проваливаясь. Как куропатка или заяц.

Если бы снег был зеленым

Я читал, что у полярных путешественников и альпинистов бывает снежная слепота. Отчего же это снег так вредит глазам?

Валерия Семенова,
г. Усть-Каменогорск.

Оттого, что снег белый. Если бы снег был зеленый, он не вызывал бы снежной слепоты.

Свет солнца состоит из лучей семи разных цветов. Смесь этих цветов кажется нам белой. Если предмет зеленого цвета, это значит, что его поверхность отражает только зеленые лучи, а остальные поглощает. Если он красный, значит, отражает только красные лучи. Синий — синие, голубой — голубые. Черными выглядят те предметы, которые почти все лучи поглощают. А белыми — те, которые отражают все лучи, ничего не поглощая.

Летом в белом платье не так жарко. Белое платье как броня от горячего солнечного света. Поэтому же в белый цвет окрашивают молочные цистерны, холодильные вагоны.

Ты скажешь: почему же тогда не бывает слепоты от белого листка бумаги, от белой тарелки, от соли в солонке? Потому что это лишь небольшие белые пятна, островки среди других, разноцветных предметов. Но если бы покрыть большую равнину — сколько видит глаз — слоем соли, мела или просто белым полотном, она не меньше утомляла бы зрение. Выходит, снег слепит по двум причинам: потому, что он белый, и потому, что его много.

И шуба и холодильник

Мне сказали, будто мороз не становится сильнее от ветра. Как же так? Я ведь сама чувствую, что при ветре мне холоднее, чем без ветра!

Светлана Трегубова,
г. Омск.

Возьми, Светлана, два градусника и в морозный день положи один на ветру, а другой в затишье (но оба, конечно, не на солнце!). Увидишь, что оба градусника покажут одну и ту же температуру.

И все-таки на ветру тебе будет холоднее, это ты правильно заметила! Человеку бывает тепло или холодно в зависимости от того, сколько тепла у него отнимает окружающая среда. А окружает нас воздух. У частиц воздуха не безграничная теплоемкость. Они могут вместить в себя лишь определенное количество тепла, как чашка может вместить в себя определенное количество жидкости. Если ветра нет, слой воздуха вокруг нашего тела, насытившись нашим теплом, больше отнять его не может. Нагревшись, он сам становится для нас защитой от холода.

А с ветром нагретые частицы улетают. На их место становятся другие, холодные, и мы все греем, и греем, и греем воздух, и все теряем и теряем свое тепло. Вот почему нам холоднее при ветре, хотя градусов мороза столько же.

Карась-ледышка

У нас есть маленькое озеро. На зиму оно все промерзает до дна. А что же с карасями?

Витя Новиков,
Новгородская область.

Карась вмерзает в лед вместе с илом, в который он забирается на зиму. Часто бывает: отколют кусок льда, а в нем — карась. Если такой кусок бросить в воду, то через несколько часов карась будет живой и невредимый.

Эта замечательная способность — вмерзнув в лед, оледенеть, а потом, оттаяв, снова ожить — позволяет карасям селиться не только в глубоких водоемах, но и в маленьких озерцах и прудах, где никакая другая рыба зимой не выживет.

Спальня под снегом

Мне рассказывали, что, когда тетерев ложится спать, он зарывается в снег. Как же он зарывается?

Нина Турицына,
г. Кызыл.

Чтобы устроить себе ночлег, тетерев садится на нижнюю ветку большого дерева и оттуда камнем падает вниз. Тяжелая птица врезается в снег, как прыгун с вышки — в воду. Снежная спальня становится надежной защитой и от холода и от врагов. Но бывает, что защита превращается в беду. Если за ночь образуется крепкий наст, птица не может пробить его и погибает.

Вопреки поговорке

Дорогая редакция! Есть поговорка: «Вот я тебе покажу, где раки зимуют». Разве у них какая-нибудь особая зимовка?

Витя Иванников,
г. Куйбышев.

Раки зимуют там, где живут всегда: под водой. Они, пятясь, вползают в какую-нибудь норку и сидят там всю зиму. Только клешни наружу торчат.

А поговорка, вероятно, возникла в то время, когда жизнь рака не была хорошо изучена, и люди не знали, где он зимует. А там, где нет знания, часто появляются поверья. Ведь верили же люди, что бобер пьет воду хвостом, а птица козодой доит коз!

Дом-шар

Говорят, что бельчата родятся у белки в феврале. Как они не замерзают? Ведь они же появляются на свет совсем голенькими!

Инна Куликовская,
г. Минусинск.

Обычно бельчата рождаются в марте, в феврале это бывает реже. Белка сооружает из веток и травинок теплое гнездо, круглое, как шар. Биологам удалось измерить температуру беличьего гнезда. Даже в двадцатиградусный мороз она не опускается ниже восемнадцати градусов тепла.

Теплый город

Однажды в начале зимы мы поехали за город. Там лежал хороший снег, а в Москве он хотя и шел, но таял. Почему это?

Нина Аксенова,
г. Москва.

Потому что в большом городе всегда теплее, чем в его окрестностях. Заводы, фабрики, жилые дома, автомашины — все они выделяют тепло, и воздух согревается. А так как и домов и машин много, тепла выделяется тоже много. У города образуется свой собственный климат. А Москва так огромна — у нее даже в центре и на окраинах температура различается градуса на два.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕДА МОРОЗА

К нам в редакцию пришло необычное заявление.

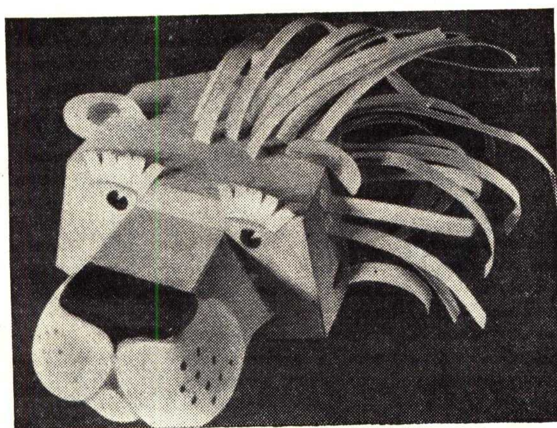
Я, бумажный Дед Мороз, появился на свет в мастерской художника Олега Зотова, и было это так.

Сначала мне «сшили» шубу. Взяли плотную бумагу, наклеили на нее глянцевую красную, свернули конусом высотой в 29 сантиметров, подрезали концы, чтобы подол был ровным, разукрасили шубу белой краской, прорезали отверстия для рук, а кончик конуса срезали, чтобы вставить распорку.

Сделав выкройку головы, нарисовали на ней лицо, сделали прорези для ушей, свернули выкройку кольцом, и надели ее на уши-распорку, приклеили нос и усы. Руки вырезали из картона и раскрасили. Наконец, сделали шапку, и я был готов.

Все части, из которых я состою, нарисованы здесь. Самая большая — выкройка головы в развернутом виде, внизу, слева направо,— распорка с ушами, усы, нос, колпак (такой же конус, как для шубы, но поменьше), рука.

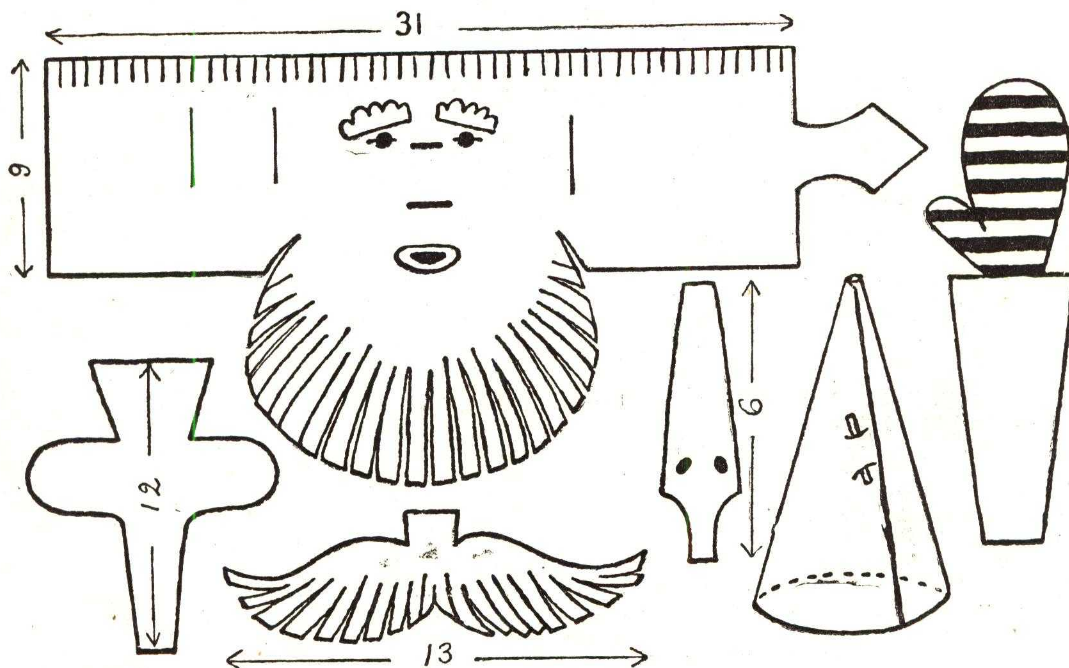

К заявлению прилагаю свою фотокарточку, а также фотокарточку Джильджиджи, с которым вы можете познакомиться на цветной вклейке и которому я очень нравлюсь.

Учитывая все это, прошу поместить меня в журнале.

С новогодним приветом

Дед Мороз.

Прически птиц

Альпака. А еще говорят, что эта прическа новая! Альпака носит такую челку много тысячелетий.

Я взял письмо, предложенное мне редактором, и прочел:

Уважаемая редакция!
Пишут вам девочки шестого класса. Некоторые говорят, что с косами некрасиво. Ну, хорошо, мы отрезали себе волосы. И опять, с отрезанными, некрасиво. Так как же причесываться, чтобы было красиво и очень просто?

Павлова Ира и Макарова Эльза из города Ленинск-Кузнецка Кемеровской области.

Для чего Ира и Эльза написали письмо, я понял, но почему его дали читать мне, именно мне?

— Я в прическах не разбираюсь,— сказал я на всякий случай и положил письмо перед редактором.

— Ничего, это не страшно,— возразил мне редактор,— сходите в детскую парикмахерскую, присмотритесь, посоветуйтесь, снимите самые симпатичные прически, и все будет хорошо.

— Этого еще не хватало!— рассердился я и... пошел выполнять задание. Такая уж фоторепортерская жизнь.

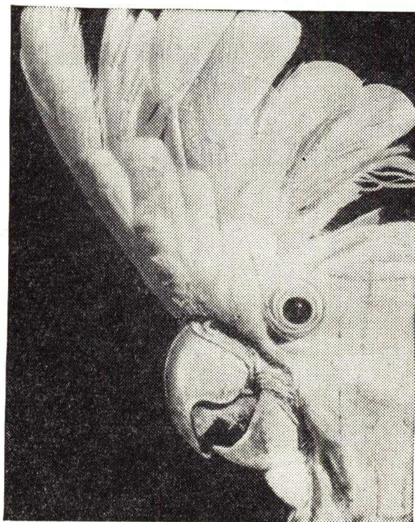
День был отличный, сияло солнце; путь в парикмахерскую лежал мимо зоопарка, и ноги сами занесли меня туда.

В зоопарке я, конечно, снимал животных, но прически у меня не шли из головы, и, наверное, поэтому вот какие снимки у меня получились.

В редакции, когда я показал эти снимки, сначала огорчились, а потом решили напечатать и еще добавили к ним три снимка нашего нового фотокорреспондента Коли Брегмана.

А снимки для девочек я обязательно сделаю в другой раз.

А. РЕПОРТАЖИН.

Какаду. На снимке он, по правде сказать, выглядит немножко сердитым. Но зато какой роскошный кок!

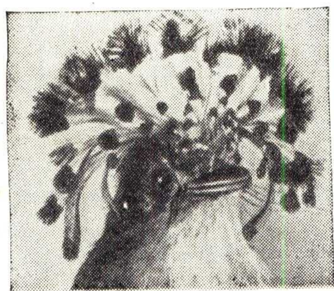

Павлин. Славится не только пышным хвостом, но и красивым султаном из перьев.

Дромадер. Это беговой верблюд аравийских и африканских пустынь. И уж, конечно, его не заботит, какая у него прическа.

и зверей

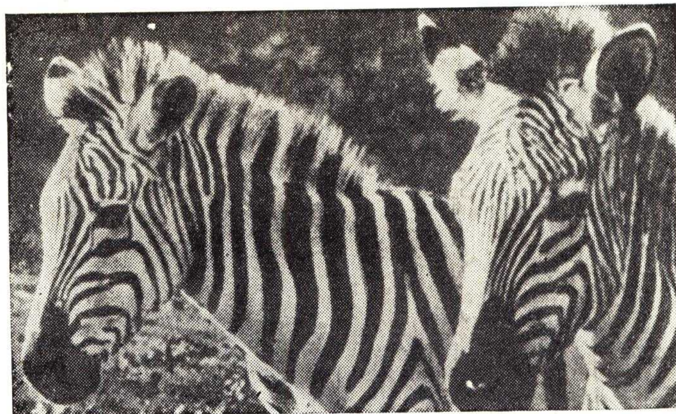
Райская птица. Пышная головка, ничего не скажешь!

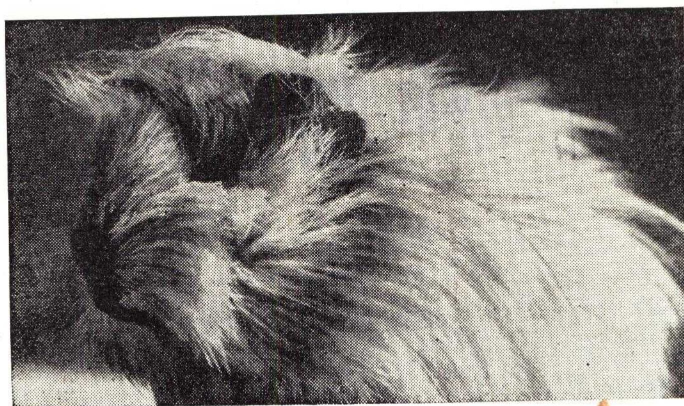
Мартышка. Такую прическу носят мартышки в тропических лесах Конго. И у этой малышки со временем будет такая же.

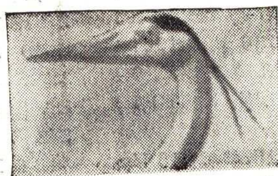
Венценосный журавль. Вот это стиль! Как гармонирует светлый ореол с черной шапочкой и серым костюмом!

Зебра. Не каждому парикмахеру удается сделать такой ежик, какой носят эти симпатичные зверята.

Длинношерстная морская свинка. Таким — вы слыхали? — говорят: «Вам не присылали повестку... из парикмахерской?»

Серая цапля. Две косички. Это всегда модно.

Чибис. А вы знали, что тот самый чибис, который «у дороги», носит рожки из перьев?

Журавль-красавка. Не правда ли, это выглядит очень нежно и очень к лицу?

МУЖСКОЙ

Ирина ГУРО
Рисунки Э. Змойро.

I

Это случилось в прошлом месяце на этой самой даче. Они были одни: Коля и его сестра — шестилетняя Настя.

Коля бродил вдоль ограды, сшибая прутиком похожие на мыльные пузыри шапки одуванчиков и поглядывая на дорогу, не покажется ли кто из ребят. Но никто не показывался. Никто, кроме соседского песика, которого хозяин назвал необыкновенно: Лавсан. Лавсан бежал по обочине и, вместо того чтобы нырнуть под ворота хозяйской дачи, бежал, опустив книзу морду, и что-то вынюхивал на дороге.

В это время незнакомая женщина с мальчиком лет четырех, которого она держала за руку, остановилась у ограды. В другой руке у нее была авоська, по видимости, тяжелая. Коля никогда не видел ни этой женщины, ни мальчика. Вернее всего, они были не из их поселка. И, наверное, шли со станции: как раз только что прошла электричка на Москву. Но обо всем этом Коля подумал позже, много позже, когда стала важной каждая мелочь.

Женщина посмотрела на Лавсана, потом на Колю и спросила:

— Не тронет собака-то?

— Нет, он не кусачий,— ответил Коля.

И чтобы женщина и ее мальчик совсем успокоились, Коля открыл калитку и вышел на дорогу.

— Лавсан! — позвал он, но пес не подошел.

— Да идите, не бойтесь! — настаивал Коля.

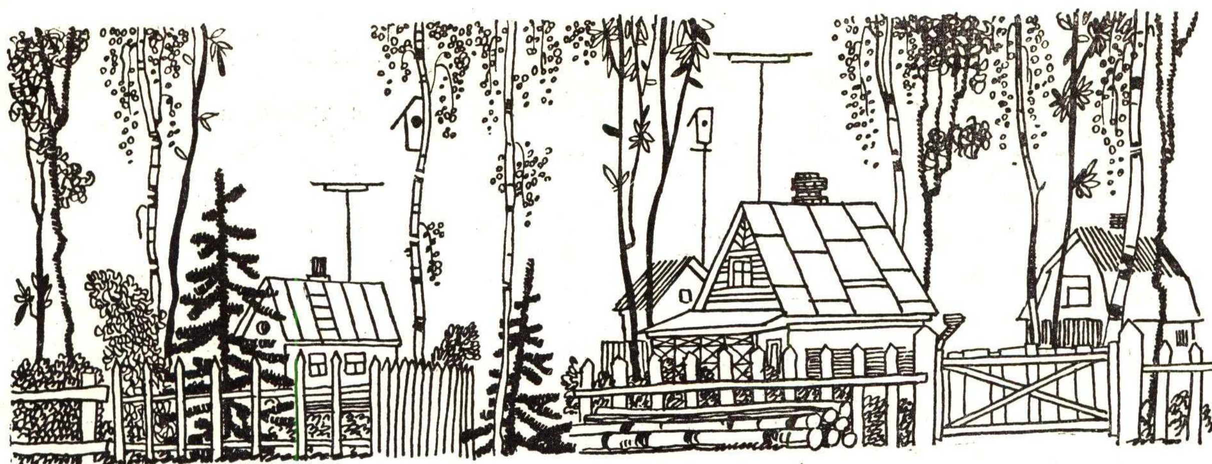
Женщина сделала шаг вперед, все-таки прикрывая собой мальчика. И здесь произошло неожиданное: Лавсан рванулся к незнакомке. В испуге она схватила мальчика на руки. Пес подпрыгнул и вцепился в его ногу.

Коля схватил Лавсана за ошейник. Схватил и держал крепко, хотя пес рвался, и Коля даже подумал, что никогда не замечал у собаки такой силы.

Мальчик громко плакал, женщина стояла ни жива ни мертва. Вдобавок тут же оказалась Настька, которая визжала не своим голосом.

— Подождите тут! — крикнул Коля в совершенном отчаянии: как ему разделаться с ними со всеми?

Он потащил пса в соседский двор. Дача соседа была пуста, под воротами Лавсан пролезал вполне свободно. Поэтому Коля надумал запереть его в сарае. Он так и сде-

РАЗГОВОР

лал. Но когда он припирал дверь колодой, Лавсан изловчился укусить ему палец.

Когда Коля вернулся к себе, женщина сидела у них в саду на скамейке и снимала с мальчика сандалету и носок. На ножке виден был след, похожий на царапину, а не на укус. Видно, зубы собаки скользнули по коже, не прокусив ее глубоко.

— Не знаю, что на него нашло! — говорил Коля, чувствуя себя глубоко виноватым.— Я его знаю с детства... И он никогда... Настька! Принеси йод! Никогда не кусался... Просто не знаю... Настька, чего стоишь? На кухне в аптечке...

Царапины прижгли йодом. Мальчик заорал было снова, но Настя в момент сообразила подарить ему свой мячик, и событие, казалось, близилось к своему естественному концу...

— Как тебя зовут? — спросила Настя.

Да, Коля не спросил этого. В конце концов какая разница, как зовут чужого мальчика. А Настя вот спросила. И никто из них: ни он, ни Настя, ни даже незнакомая взрослая женщина — не думал в ту минуту, какой это важный вопрос.

— Гриша,— ответил мальчик бойко, но не совсем ясно, во все глаза глядя на Настю.

— Пойдем, Гришенька! Спасибо вам,— сказала женщина.

— Давайте я донесу вам авоську,— предложил Коля, желая хоть чем-нибудь услужить женщине.

— Да нет, мне недалеко,— ответила она.

И снова никто из них не подумал, что это замечание может иметь какой-то особый смысл, какое-то значение.

2

Папа и мама приехали, как всегда, под вечер. Они часто приезжали вместе, хотя работали в разных местах. Мама — медицинской сестрой в поселке Южный, совсем недалеко, две остановки электричкой, папа — на заводе в Москве — мастером.

Коля вовсе не имел намерения рассказывать папе и маме историю с Лавсаном, но подумал, что надо бы сходить к соседу Ивану Ивановичу и объяснить, за что Лавсан наказан, заперт в сарае.

Но, подумав, Коля тут же забыл обо всем. Настя сидела за столом уже совсем сонная и, конечно, не вспоминала злополучного Гришу с царапинами на ножке.

Уже совсем поздно, когда Колю отправили спать, но он все еще не спал, сосед сам подошел к террасе.

— Георгий Васильевич! — позвал он Колиного папу, и в голосе его Коле почуди-

лось что-то тревожное,— выйдемте-ка на улицу. Поговорить надо.

Потом все стихло, и несколько минут спустя Коля услышал голоса.

— Я всегда говорила: незачем держать собаку, незачем,— говорила мама.

— Ну, знаешь, такой случай раз в сто лет бывает...— отвечал папа.

«Странный разговор»,— решил Коля и тут же уснул.

Он проснулся позже обычного. Папа уже уехал, а мама собиралась на станцию.

— Смотри за Настькой,— говорила она, как всегда, впопыхах,— на речку — ни-ни!

— Я только сбегаю на минуту к Ивану Ивановичу,— сказал Коля.

— Ивана Ивановича нет. Он поехал в Южный,— небрежно бросила мама и вдруг словно спохватилась: — А зачем тебе?

— Знаешь, мама, я вчера запер Лавсана в сарае...

Мама вдруг села на стул. Глаза ее сделались совсем круглыми.

— Почему ты запер Лавсана в сарае? — спросила она тихо, но так, что у Коли мурашки побежали по спине.

— Но, мама... Он кусался!

— Он ТЕБЯ укусил? — крикнула мама и страшно побледнела.

— Мама, так ведь совсем немножко... Я приложил подорожник... Вот...

Мама не слушала. Хватая со стула сумку, косынку, чемоданчик, она кричала:

— Иван Иванович повез Лавсана к ветеринару. Наверное, взбесился! Сиди у телефона, я тебе позвоню!

Она махнула рукой и побежала к калитке. И вдруг воспоминание обожгло Колю.

— Мама! Мама! — бросился он за ней.— Тут был один мальчик...

— Боже мой! — кричала мама на ходу.— Ну что ты пристаешь ко мне с пустяками? Тебя покусала почти наверняка бешеная собака... Немедленно надо уколы! Жди звонка!

Коля остался один. Если не считать Насти, которая в этом случае, как, собственно, и в любом другом, ничем помочь не могла.

3

Он сел на ступеньку террасы и стал думать. Что делать, если Лавсан действительно бешеный? Кто спасет маленького мальчика, о котором известно только, что его зовут Гриша и что вчера вскоре после полудня он со своей матерью свернул в Парковую аллею?

Так он сидел и думал, а в ушах у него все звучало: «Не тронет собака-то?» У женщины был негромкий, чуть хрипловатый мягкий голос. «Нет, он не кусачий!» — услышал Коля свой собственный бодрый ответ.

Зазвонил телефон.

— Коля? Ты слышишь меня, Коля? — Мамин голос долетал как будто с другого конца планеты, а не из поселка Южного.

— Слышу, мама, говори!

— Слушай, Коля! В четыре часа за тобой придет машина, поедете с Настей на уколы. Сидите дома, ждите! Ты понял меня, Коля? Наденешь на Настю кофточку, желтую, на вешалке висит...

Коля растерянно молчал, держа трубку у уха.

— Ты слышал меня, Коля? О боже! Почему ты молчишь? За тобой приедет Петя. Наш шофер Петя... Ты понял?..

В трубке что-то хрипело, клокотало, трещало...

— Мама! — закричал в отчаянии Коля.— Мама! Тут был один мальчик...

— Коля, ты что? Ты в уме? — кричала мама плачущим голосом.— Я говорю из автомата, а ты пристаешь ко мне с глупостями! Сиди дома, жди машину!

Она бросила трубку. Бросила трубку! И ее нельзя вызвать! У мамы на работе только внутренний телефон...

— Послушай, Настя,— сказал Коля,— ты помнишь вчерашнюю женщину?

— Ту, что с Гришей? В красивом платке? — сейчас же спросила Настя. Глаза ее зажглись любопытством.

В красивом платке?! Коля не помнил никакого платка.

— Какой же это красивый? — недоверчиво спросил он.

Настя самодовольно улыбнулась:

— На белом — такие большие-большие красные розы.

Вот как? Это все-таки что-то... А впрочем, чем это может ему помочь?

— Послушай, Настя. Когда я потащил Лавсана в сарай, о чем вы говорили с этой женщиной?

— Мы не говорили,— в растерянности ответила Настя.

Коля стал раздражаться: этого не могло быть. Не могли же они молча смотреть друг на друга, как две дуры!

— Что-нибудь она спрашивала? Или ты?

— Да, она спросила, как меня зовут... А что, эта тетка воровка? Да?

— С чего ты взяла!.. А ты ее о чем спросила?

— Ничего я не спросила,— заныла Настя,— это она меня спросила, как меня зовут...

— А ты? — настаивал Коля.

— Я сказала: Настя...— Девочка захныкала.

— Пойди сюда, Настя! — сказал Коля примирительно.

Сестра недоверчиво приблизилась.

— Сядь! Припомни, Настя, эта тетка не сказала, как ее зовут?

— Н-нет.

— А может быть, она сказала, к кому она идет? Может быть, она спросила, как ей пройти... куда-нибудь?

— Нет-нет...

— Но ты ведь спросила ее сынишку, как его зовут? Может быть, ты еще что-нибудь спрашивала?

— Ничего я не спрашивала. А он вовсе не сынишка...

До Коли не сразу дошел смысл этих слов.

— Откуда ты взяла, что он ей не сын? — устало спросил Коля.

— Он же называл ее тетя! Тетя Даня! Тетя Даня! Тетя Даня!

«Тетя Даня!», «Тетя Даня!» — это было уже нечто. Он пойдет по Парковой аллее, будет заходить в каждый дом...

— А может быть, Таня, а не Даня?

— Может быть,— спокойно отвечала Настя, прыгая через скакалку.

Шесть лет, и никакого соображения! Надо было действовать.

Коля пошел по Парковой. Решительно толкнул первую калитку.

— Кто там? — испуганный голос раздался из глубины гамака.— Ты зачем, мальчик?

— Извините, здравствуйте! — заторопился Коля.— Я хотел спросить: нет ли у вас женщины... тети Дани... или Тани...

— Нет,— холодно и вразумительно сказала лежавшая в гамаке женщина,— ни Дани, ни Тани нет.

— И не приезжала к вам? — смутившись, продолжал Коля.

— Нет, нет, мальчик. Не надо ничего придумывать,— строго заметила женщина, пристально глядя на Колю через очки.— Закрой за собой калитку на крючок!

У соседней дачи молодая, здоровая тетка гнала метлой мусор прямо на улицу.

— Тебе чего? — спросила она без обиняков.

— Понимаете, тут у нашего соседа взбесилась собачка...

— Взбесилась? — Женщина поспешно захлопнула калитку перед Колиным носом, словно ограждая себя и свой дом от бешенства.

Коля побрел домой. Он пришел к тому, с чего начал. Он снова сидел на ступеньке террасы, а Настя прыгала на дорожке. Ему была видна ограда, отделяющая дачу от дороги. Верхушки тонких хворостинок быстро двигались вдоль каменной стены. Коля сообразил, что это связка удилищ.

Конечно, это милиционер Титов идет на речку!

4

В Колином представлении Титов раздваивался. Был Титов-милиционер и был Титов-рыбак. Милиционер мчался на мотоцикле и презирал мальчишек. И ему было лет двадцать пять. А рыбаку можно было дать восемнадцать. И мальчишек он уважал. Во всяком случае, тех, кто сидел молча, так же неподвижно, как он сам, уставившись на поплавок. С ними изредка Титов обменивался краткими и важными сообщениями: «ушла», «берет», «червя объела».

Невозможно было себе представить, что Титов, который ловит бандитов, и Титов, который ловит рыбу,— один и тот же человек.

Коля и не старался совместить несовместимое. А между тем удивительные превращения Титова происходили тут же, поблизости, в небольшой дачке, где жили мать Титова и его сестренка.

«Захочет ли он? Он не на службе. Он идет рыбачить. Он это дело любит. Он не захочет» — так думал Коля, сбивчиво рассказывая о случившемся.

Как странно! Титов был на этот раз, безусловно, в образе рыбака, на нем была голубенькая капроновая тенниска, а белая панама, сдвинутая на затылок, придавала ему совсем-таки несерьезный вид. И вдруг в лице, повадке, даже в голосе Титова стали проступать те, другие его черты, из которых складывался Титов-милиционер.

Вероятно, Титов-рыбак не задавал бы Коле этих быстрых, четких вопросов: «Как был одет мальчик?» А когда Коля ответил: в трусиках и маечке, Титов тотчас же спросил: «А больше ничего из детской одежды при них не было?» «Нет»,— ответил твердо Коля.

— Значит, они не располагали оставаться здесь надолго или даже до вечера. Мальчику было бы холодно...— заметил Титов.

— Да... Но, может быть, они живут тут.

— Вряд ли. Ты, наверное, видел бы их когда-то...

Они уже повернули обратно и теперь стояли у забора дачи Титовых.

— Поищем. Может, найдем,— сказал милиционер.

— Поселок велик,— усомнился Коля.

— Да, но, может быть, они где-то недалеко...

Колю озарило: как же это он забыл? Когда он предложил поднести женщине авоську, она ответила: мне недалеко...

— Жди меня здесь,— сказал Титов у ворот своего дома.

«Будет полностью превращаться в милиционера!» — решил Коля.

Он не ошибся. Титов вернулся в полной форме.

— Мы поедем на мотоцикле? — спросил Коля.

— Мотоцикл тут ни при чем.

«В самом деле,— догадался Коля,— придется заходить в каждый дом, не останавливать же поминутно мотоцикл».

Только сейчас Коля вспомнил про Настю и про машину, которая придет за ними...

Титов посмотрел на часы.

— Попробуем уложиться.

Он остановился и задумался на минуту, нахмурив брови. К его милицейскому виду это подходило.

— Вот что. Запри дачу. А сестренку возьми с собой.

К великому удивлению Коли, Титов направился не в сторону Парковой аллеи, а в обратную — к станции.

5

На станции, как всегда в будни, было нелюдно. Газировщица сидела за своей тележкой и читала растрепанную книгу.

— Здравствуй, Антонина,— сказал Титов.

— Здравствуйте, Вася! — ответила газировщица.— А это что же за компания?

— Помощники,— без улыбки объявил Титов.— Как, выпьем газировочки? —обратился он к своим спутникам.

Коля возмущенно отказался: тратить время на какую-то газировку! Это несерьезно.

Нахалка Настя закричала, что выпьет, если с двойным сиропом.

Титов положил монету на мокрое блюдечко и спросил:

— Ты вчера здесь стояла, Антонина?

— А куда же денешься?

— Не заметила: с электрички в двенадцать десять женщина шла с мальчонкой?..

— Вы что, Вася? Их, женщин-то с мальчонками...

— А примета такая: уж очень платок на голове красивый—красными розами...

— Видела! Правда, видела... Высокая, немолодая, да? Она еще у меня спросила, как ей пройти...

Коля замер. Видно было, что замер и Титов.

— Подождите. Куда ж ей надо-то было?..

— Вот это как раз и нам надо,— сказал Титов.

— Начисто из головы вон. Вот что хошь.

Титов вздохнул.

— Что же! Пойдемте дальше.

Они обошли платформу, остановились у билетной кассы.

Титов постучал в дверь с надписью «Посторонним вход воспрещается».

— Кто? — спросил женский голос.

— Титов! — Ответ, показалось Коле, звучал, как пароль.

Щелкнул замок. Узкая дверь открылась. Коля в первый раз увидел кассу, так сказать, с изнанки.

— Любочка, ты вчера после двенадцати не видела случайно женщину в таком платке приметном: с розами красными?..

Хотя Титов спрашивал спокойно, Люба встревожилась.

— Нет, Василий Игнатьевич. После двенадцати и до самого вечера как раз очень мало билеты брали... Если она приезжая, так теперь ведь билеты больше с обратным берут... Что-нибудь случилось, Василий Игнатьевич?

— Потом расскажу.

Коля и Настя понуро последовали за Титовым. Они вышли на улицу. Титов отвернул манжет гимнастерки и посмотрел на часы.

«Вот теперь он скажет: «Ну все!» — и пойдет рыбачить!»—промелькнуло у Коли.

— Уложимся,— сказал Титов, повернув часы циферблатом внутрь.

...Теперь они стояли на углу Парковой аллеи, которая тянулась далеко, и от нее ответвлялись еще три улицы... Нет, не успеть обойти все эти дачи! А там... За Колей и Настей придет машина и увезет их. И мальчик Гриша ничего не узнает о грозящей ему опасности!

— Пошли.— Титов подошел к огороженному штакетником участку. На поляне играли в бадминтон два парня и девушка. Титов подозвал одного из парней. Тот подошел упругой походкой спортсмена.

— Что, Василий Игнатьевич?

— Кто из твоих дружинников сейчас свободен?

— Вот: Семенов, Лидов, Лена, она тоже...

— И Лена пригодится. Слушай, какое вам задание...

— А я думала, мы ищем воров,— разочарованно протянула Настя.

...Сад, в который они теперь вошли, был мал и неухожен. Под деревом за круглым столом, врытым в землю, сидели четыре пожилых человека и играли в преферанс. Игроки ответили на приветствие Титова, не бросая карт, даже как будто крепче сжали их в руках. А усатый дядька в синей шелковой рубашке прижал веер карт к груди, чтобы партнеры не заглядывали.

Услышав, в чем дело, усач сказал:

— Ребята! — Это показалось Коле очень смешным: хороши ребята — каждый из них был старше его папы.

— Давайте подсобим искать. А?

Трое, вздыхая, переглянулись. Им было до смерти неохота бросать игру. Все же они взяли на себя боковую аллею.

— Теперь на нашу долю осталось совсем немного,— сказал Титов, выходя.

— А который час? — с опаской спросил Коля. Солнце стояло в зените. Едва они выходили из тени, жара обдавала их горячим дыханием, как из печки.

— Уложимся!

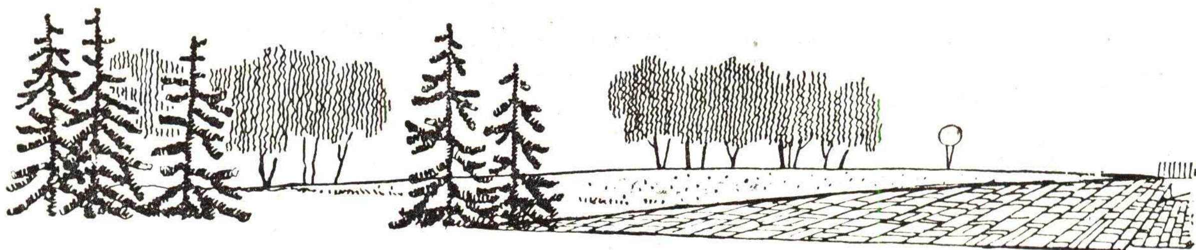
Перед ними была та самая дача, где подозрительная дама приняла Колю за воришку.

— Здесь я уже спрашивал,— сказал Коля.

Но Титов вошел в сад. Подозрительная дама лежала в той же позе в том же гамаке. На этот раз она сняла очки и удивленно поморгала на вошедших.

Титов стал объяснять, дама, не дослушав, спросила:

— Не понимаю, какое эта женщина имеет ко мне отношение.

— Не была ли она у вас или у ваших соседей?

Дама опять не дослушала:

— Я не слежу за своими соседями. Вот моя работница Лиза, она всегда все знает...

— А где она?

— Она в Борисове. За ней приехала вчера сестра и увезла ее...

— Как зовут ее сестру? — тихим голосом спросил Титов. Видно было, что он вцепился в даму мертвой хваткой.

— О господи! Откуда же я знаю! — возмутилась она и села. Что-то страшно затрещало, и Коле показалось, что гамак сорвется. Но ничего не произошло.

— Эта сестра вашей работницы приезжала с мальчиком? — спросил Титов громко и раздельно, как у глухой.

— Да-а-а,— удивленно протянула дама.

Коля остолбенел. Даже Настя замерла.

— Да... То есть нет...— залепетала дама.— Я вам сейчас объясню: сестра приехала за Лизой, чтобы она проводила сынишку в пионерлагерь... Сегодня в два часа дня у них на станции Борисово проводы... Отправляют тридцать шесть детей...

Дама умолкла, довольная тем, что хоть это знала точно.

— Лиза вернется после проводов сына?

— Нет, она попросила пять дней отпуска и останется у сестры.

— И на том спасибо! — Титов встал, движения его стали быстрыми, точными. В лице словно что-то изменилось: оно стало суше, неподвижнее, взгляд тяжелее.

— Погодите! — Дама впилась в милиционера глазами.— Вы в чем-то подозреваете Лизу?

— Ни в чем не подозреваем. А знаем наверное, что ее сынишку укусила бешеная собака. Но Лиза-то этого не знает.

— Какая жалость! — без выражения сказала дама им вслед...

У ворот столкнулись с усатым игроком.

— Нашли мальчика?

— Нашли адрес.— Титов круто повернул.

Теперь дети с трудом поспевали: милиционер шагал крупно, словно забыв о них. У калитки своего дома он обернулся и спросил, переводя глаза с Коли на Настю:

— Узнаете Гришу среди детей?

Коля замялся.

— Узнаю, узнаю! — радостно закричала хвастуха Настя.

— И если тетки с ним не будет, узнаешь?

— Узнаю!

— Едем!

Титов стал выкатывать из сараюшка мотоцикл.

6

Они едут не по шоссе, а по проселку.

— Шесть километров сбрасываем,— отвечает Титов на молчаливый Колин вопрос,— и движение тут поменьше, чем на шоссе. Нам только до моста добраться. А там пойдет грейдер,— утешает Титов.

Теперь Титов словно бы делится своими соображениями с Колей, и, хотя мальчик ничего не отвечает, получается так, что они принимают решение вместе. Эти поиски как-то сблизили их.

Дорога становится хуже. Машина подпрыгивает на ухабах, она как будто сопротивляется всеми своими деталями. «Не пойду!» — скрежещет что-то у нее внутри. «Не пойду!» — шаркают по сухой глине колеса.

— Сейчас с пригорка съедем и — мост! — Титов улыбается в первый раз за всю дорогу.

И сразу резко тормозит. У обочины вырастает дорожный указатель: «Ремонт пути. Объезд 6 километров».

Титов в своем круглом кожаном шлеме стоит перед красным диском с этой надписью, как Руслан перед мертвой головой.

Вокруг все мертво. Ни людей, ни зверей. Не слышно, чтобы тут шел ремонт пути. А что там дальше, под взгорком, не видно.

— Ошибку дал,— говорит Титов, снимает шлем и вытирает мокрый лоб.

В его голосе Коля не слышит растерянности, а только досаду. И это подает Коле какую-то надежду.

Они спускаются с небольшого взгорка и выходят на берег реки. Она узка и неглубока: взрослому человеку, вероятно, будет по шею. Берег крутой, обрывистый.

Коля вспоминает, что речка эта называется Незлобинка. Она действительно Незлобинка: течет медленно и мирно журчит. Но для приехавших она зла: моста через речку нет. Только два не очень широких бруса соединяют берега. Старый деревянный настил, перила — все сломано и валяется на берегу. И инструменты разбросаны возле...

Титов шагами измеряет спуск к этим брусам. Прикидывает ширину брусов.

Он оборачивается к Коле, в глазах Титова какая-то незнакомая Коле азартная искорка. Он молчаливо спрашивает Колю одними глазами:

«Понятно, что я хочу сделать?»

«Понятно,— отвечает Коля тоже одними глазами,— но я боюсь. Тут высоко. Если ты упадешь, ты будешь падать с мотоциклом. И дно каменистое, и воды мало, а сваи торчат...»

«А ты не бойся. Мы же с тобой мужчины»,— говорит Титов молча.

Он усмехается так, будто они на самом деле поговорили с Колей, и показывает ему вниз. Они сбегают к речке. Там у самого берега качается голубая маленькая плоскодонка. Весла намертво закреплены в уключинах.

Но лодка на цепи, и замок черным пауком впился в обрезок рельса, вкопанного на берегу.

— До берега догребешь? — спрашивает Титов.

— Еще бы! — Коля сдавал нормы по академической гребле, а здесь...

— Настя, я перевезу тебя на лодке на тот берег. Ты же давно хотела покататься на лодке,— неуверенно говорит Коля.

Настя поражена:

— Мама не разрешает...

— Здесь дядя Вася. И он велит нам переправляться.

Все это говорится уже у самой воды. Коля сажает Настю на корму, отталкивает легкую лодчонку и прыгает в нее сам.

— А дядя Вася? — И Настя, вдруг поняв, что хочет делать Титов, кричит не своим голосом:— Дядя Вася! Не надо, дядя Вася! Я боюсь!

Она плачет в голос.

Там, вверху над ними и немного в стороне, фырчанье мотора, потом неравномерные выхлопы — и ровный шорох колес.

Коля не смотрит в ту сторону, но знает: Титов въехал на брусы с ходу со взгорка...

— Ну чего реветь? — Титов неумело проводит широкой ладонью по Настиной голове.— Видишь, я уже тут...

— Да... Вы могли сорваться!

— Лодку привязал? — спрашивает Титов.

— Накинул цепь на колышек.

7

Они едут по хорошей грейдерной дороге. Здесь уже попадаются машины и телеги.

Титов то и дело сигналит:

«Посторонись! Обхожу! Обгоняю справа!» Коле кажется, что он слышит, как выговаривает эти слова сигнал титовского мотоцикла.

Переезд. Титов нажимает на газ.

Из будки выходит старик и ленивой походкой приближается к шлагбауму. Идущий впереди «Москвич» притормаживает. Титов обгоняет его справа и подлетает к шлагбауму.

— Придержи. Проскочу,— коротко бросает он старику. Тот молча кивает головой. Мотоцикл встряхивает на рельсах.

Теперь они несутся по асфальту шоссе, мелькают по обе стороны сады, перелески, поселки, дачи...

Вдали за поворотом видна станция.

И вдруг раздается Настин крик.

Она кричит таким страшным голосом, что Титов с ходу тормозит.

— Здесь! — кричит Настя и пытается выскочить из коляски.

— Что здесь? Что? — накидываются на нее Титов и Коля.

Титов, кажется, понял. Он соскакивает с седла, открывает калитку в низком заборе... И только тут Коля видит на веревке, протянутой посреди двора, между всякими цветными тряпочками, белый платок с большими красными розами. И теперь Коля ясно вспоминает, что именно его он видел на голове женщины.

Испуганная девчонка лет десяти стоит посреди двора и смотрит во все глаза на милиционера.

— Лиза, Даня где? — огорошивает ее Титов.

— На станцию ушли.

— С Гришей?

— С Гришей.

Титов прыгает в седло, Коля—в коляску...

Они подкатывают к станции в тот момент, когда пестрая шеренга детишек выстраивается на площади у вокзала. Публика стоит на тротуарах, движение на площади приостановлено. Группа женщин с самого краю — это, конечно, провожающие мамы.

Теперь главной фигурой делается не Коля — он остается у мотоцикла — и даже не Титов. На сцену выступает Настя. Кто ее знает, как она смогла стереть с лица пыль и даже причесать стоявшие дыбом волосы!

Настя смело идет вдоль шеренги в своей нарядной желтой кофточке... Нет, ничего все-таки у него сестренка!

— Гриша! Вот он, Гриша! — кричит Настя.

Малыш смущен вниманием такой великолепной особы. «Мама!» — зовет он на всякий случай.

С тротуара срывается молодая женщина.

— Вы его мать? — спрашивает Титов и прикладывает пальцы к шлему.

Гришина мама смотрит с изумлением на незнакомого молодого человека в пыльном комбинезоне, из-за ворота которого видны милицейские петлицы.

— Отойдемте в сторону! —предлагает он. Все остальное Коля и Настя видят, как в телевизоре с выключенным звуком. Они стали на сиденье коляски мотоцикла, все видят, но ничего не слышат.

Вот Титов подходит к женщине в белом халате и, вскинув руку к шлему, говорит что-то короткое. Потом все трое — Гришина мама, Титов и женщина в белом халате — несколько минут разговаривают, и Титов уходит в небольшой домик около станции,— это, верно, отделение милиции.

Тем временем пестрая шеренга поплыла на платформу, движение на площади возобновилось, люди с тротуара хлынули к вокзалу, и в толпе затерялась кучка провожающих мам, в том числе и Гришина.

А время шло. Суета на станции все увеличивалась. Оркестр заиграл марш.

Вагоны дернулись, и все на платформе двинулись за поездом, отчаянно махая руками и платками. Электричка свистнула и скрылась из виду.

Со станции медленно расходились люди. Коля заметил Титова, на этот раз рядом с ним был лейтенант милиции в белом кителе. Он что-то говорил Титову, улыбаясь. Потом оба вскинули руки к головным уборам.

Титов побежал к мотоциклу.

— Порядок! — сказал он.

— Отправили Гришу? — сейчас же стала приставать Настя.— А тетю Даню видели?

— И тетю Даню и тетю Лизу. И Гришу. И врач пионерлагеря здесь. Она обеспечит уколы.

Титов говорил будничным голосом, и не верилось, что это он мчал сюда через все препятствия, организовывал поиски в поселке, кидался в чужой дом на платок с розами...

Он деловито закрепил ремень на Насте, поправил на ней очки, сказал Коле: «Держись!» — и устроился сам на сиденье.

В это время две женщины, словно наперегонки, побежали через площадь. Первая была помоложе и полегче, она бежала, как спортсменка, легко отталкиваясь от земли. Вторая — постарше и грузнее — кричала:

— Стойте! Стойте!

— Тетя Даня! — заорала Настя.

Лиза бросилась к Титову, тетя Даня стала обнимать Колю и Настю.

— Спасибо вам, голубчики...— сквозь слезы говорила она.

Лиза между тем повторяла Титову:

— Уж не знаю, как вас и благодарить, ведь такое дело сделали. Никто бы не узнал... Никто.

Она все повторяла это слово «никто», и Коле представлялась длинная вереница людей, так или иначе причастных к поискам Гриши.

— Да что вы, гражданка! Такая наша служба!— уже давая газ, бросил Титов.

Он сделал круг и чертом вылетел с площади.

— Мне ведь в четыре заступать на дежурство! — объяснил он, и Коля понял, какое значение имело это его «уложимся!».

И он видит Титова в том, другом его облике, настороженного, меряющего глазами неширокие брусья высоко над мелкой рекой... Он ничего обо всем этом не говорит. Ничего не вспоминает. Но Коле кажется, что это у них и есть настоящий мужской разговор.

* * *

Коля и Настя подъехали к своей даче всего за несколько минут до прихода машины из Южного. Ничего не подозревая об их приключениях, шофер Петя закричал:

— Да вы уже совсем готовы? Вот молодцы! А ваша мама сказала, что вы копухи!

ФИТОТРОН

Не правда ли, это название вызывает картины каких-то сложных физических приборов и установок. Все похожие слова связаны с физикой, начиная от кинетрона в ламповом приемнике и кончая всевозможными бетатронами, циклотронами и синхрофазотронами в центрах ядерных исследований.

А что такое фитотрон? Тоже оружие физиков? Давайте зайдем в большое строгое здание напротив главного Ботанического сада и посмотрим, спросим у самих ученых.

Е. РУБЦОВА

ЧТО СКАЗАЛ АКАДЕМИК

На дверной табличке рядом со словом «директор» написано: «Академик А. Л. Курсанов».

— Да, — говорит он, — название «фитотрон» не случайно напоминает вам что-то из ядерной физики. У этого названия забавная и в тоже время печальная история. Первое научное учреждение такого рода было организовано в Бельгии, но создавший его биолог не имел средств для работы, а богатые «покровители науки» не желали бросать деньги на изучение каких-то там растений. Тогда ученый придумал внушительное, загадочное название «фитотрон» — и у миллионеров сразу нашлись средства.

Нам, советским ученым, не нужна помощь миллионеров. Но, создав один из четырех самых крупных на свете фитотронов, мы название сохранили. Ведь «фитотрон» означает «повелитель растений», а это чудесно передает смысл того, что здесь делается.

Сейчас физиологи растений вооружены такой техникой, какая прежним ученым и не снилась. В нашем распоряжении мощные центрифуги и тончайшие аналитические приборы. Микроскоп, увеличивающий в полмиллиона раз, позволяет нам увидеть тончайшие подробности строения живого белка почти на уровне молекул. Мы можем измерить температуру растения. Мы «слушаем» его дыхание и замечаем, если растение дышит тяжело. Мы можем послать в разведку меченые атомы водорода, углерода, кислорода, калия и узнать с их помощью множество маленьких секретов жизни растения.

В своих опытах ученые открывают удивительные вещи. Вот, например: как и почему не выносят южные растения просто холодной погоды, без заморозков? Оказывается, они простужаются! Совсем так же, как мы с вами, когда промочим ноги или продрогнем на холодном ветру. Холод ослабляет нашу защиту против микробов — и вот у нас ангина, кашель, насморк. А у растений холод ослабляет их защиту против микроскопических почвенных грибков, и тогда тоже начинается болезнь: загнивают корешки, всходы гибнут, на полях лысины. Значит, надо найти лекарство? Уже найдено! Оно называется ТМТД. Всходы из семян, перед посевом обработанных раствором этого вещества, не заболевают в холодное время. Они приобрели способность сопротивляться вредным грибкам почвы...

Тут Андрей Львович прервал свой рассказ.

— Пойдете по лабораториям — сами увидите,— сказал он.

И мы увидели!

КАК ЗАКАЛЯЮТ ДЕРЕВЬЯ

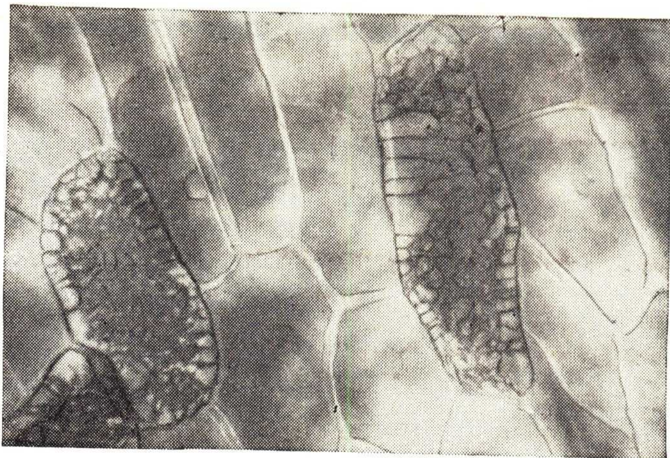
Длинной шеренгой выстроились большие белые шкафы. За толстыми теплонепроницаемыми стенками даже в самую жаркую летнюю пору хранится зима. У каждого шкафа самописец выводит на белой ленте кривую температуры, острым зубцом отмечая даже пустяковое колебание, вызванное приоткрытой на секунду дверцей. Внутри каждого вентилятор, похожий на металлический цветок, перемешивает воздух, чтобы везде было одинаково холодно. В этих шкафах вырабатывается мороз

«всего» до шестидесяти градусов. В других, менее обширных установках получают холод космических пространств: минус 195 градусов — температура жидкого азота; минус 253 — температура жидкого водорода.

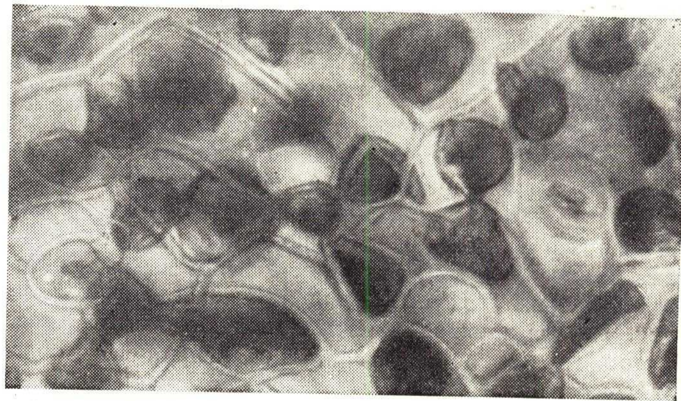
— Почему одни растения хорошо переносят мороз, а другие нет? Почему даже сравнительно морозостойкие растения в неблагоприятную зиму вымерзают? Как «научить» растения не бояться мороза?

— Прежде всего надо посоветоваться с самими растениями, поучиться у морозостойких, — сказал Иван Иванович Туманов, руководитель лаборатории морозостойкости. Он и сотрудники лаборатории «спрашивали» у многих растений и больше всего у березы, самого выносливого к холоду дерева. Оказалось, что у растений не всегда одинаковая морозостойкость. Она возрастает в период покоя, достигает наибольших размеров в разгар зимы, а в период роста даже у березы падает.

Может быть, постепенно переходя от небольших холодов ко все более сильным, растение каждую осень закаляется? Может, в нем происходят какие-то изменения, защищающие от морозов? Может быть, тем и губительны теплые зимы с резкими переходами в сильный мороз, что растения частично пробуждаются, а потом не успевают снова войти в состояние покоя?

Вверху — клетки незакаленного растения. Лед образуется внутри них. Две уже погибли. А внизу — клетки, прошедшие закаливание. Лед только в межклеточных пространствах.

Березы, кусты смородины и другие растения «насильно» ввели в покой. Для этого им устроили раннюю осень, искусственно укорачивая день. Ведь в природе к осени день укорачивается, и растениям это сигнал: «кончай рост!».

В камерах кондиционирования создать осень не так уж сложно. И утро и вечер приходят, повинуясь кнопке выключателя, а воздух, если требуется, хоть в июльскую жару станет по-сентябрьскому студеным и свежим! У подопытных листья желтеют и опадают, а на голых ветвях вызревают спящие почки.

После этого начинается закаливание. Из осени растения переселяют в белые шкафы с зимой. На толстых дверцах загораются сигнальные лампочки, ползут ленты самописцев, сообщая, что там, внутри, все сильнее холод, все суровее зима. Московские морозы постепенно сменяются сибирскими, им на смену приходит стужа Арктики и Антарктиды. Наконец растения закалены. Приступают к решающему опыту. Растениям создают «зиму», какой не бывает на Земле...

Береза и смородина выдержали температуру 253 градуса ниже нуля и после этой «космической» стужи распустили листочки, цвели, плодоносили. При четырехсуточном морозе в 195 градусов выжили закаленные сосенки, осины, козья ива, яблоня сибирка. Закаленный абрикос благополучно перенес шестьдесят градусов мороза, тогда как незакаленный гибнет после тридцати.

Что же происходит в растениях при закаливании? Об этом поведал микроскоп с приделанной к предметному столику крохотной морозильной камерой. В незакаленных растениях лед образуется внутри клеток, разрывая и калеча тонкую и нежную протоплазму. В растениях закаленных вода успевает уйти из клеток в межклеточные пространства, и лед образуется там. Кристаллы льда могут при этом изменить форму клеток, сделать вмятины у них в оболочках, но сами клетки целы, протоплазма невредима, растение продолжает жить.

Еще не найден способ закрепить эту поразительную морозостойкость. Она действует лишь

до первого тепла. Но важно, что растения выдали еще один свой секрет. Они показали, какая удивительная способность к приспособлению в них таится.

Кстати сказать, этим они вмешались в давний «космический» спор между учеными: в спор о жизни во вселенной, о том, возможна ли она там, где условия резко отличны от земных.

Ведь если наша земная березка всего за несколько дней закаливания «научилась» переносить космический холод, так почему бы на какой-то далекой планете за миллионы лет эволюции не могла развиться жизнь, приспособленная к такому холоду?

А на нашем соседе — на Марсе? Ведь там морозы не в 253 градуса, а всего в 80—90!

ВЕЮТ ВЕТРЫ

Лаборантки в белых халатиках, словно больничные медсестры, осторожно выносят сосуды с растениями в маленький застекленный внутренний дворик, ставят их у светлой стены, отходят, придирчиво смотрят и подправляют, потом снова отходят. Фотограф нацеливает объектив и торжественно щелкает затвором.

Снимок сделан. Когда его проявят, на нем будут два кустика помидоров. Один печальный, поникший, с бессильно опущенными, дряблыми листочками, другой — вполне бодрый и жизнерадостный крепыш, словно никогда не видавший горя. А между тем оба они вот только что прошли через тяжелое испытание. Жестокий и злой суховей, нагнетаемый из мощной трубы вентилятора с подогревом, обдавал их сухими, горячими потоками, иссушая клетки, отнимая у них воду...

Два помидорных кустика сорта Эрлиана. Два родных брата, но с неодинаковой биографией. Один вырос из семечка, посеянного, как сеют обычно: сперва замочили, потом положили в лунку и закрыли землей. Другой вырос из семечка, которое... закалили! Его тоже сперва замочили. Потом — набухшее, ожившее, почти проклюнувшееся — подсушили снова. Лишь после этого, замочив вторично, посадили в землю. В самом раннем детстве, в возрасте семечка, заставили растение перенести засуху. Урок не пропал впустую. Эта невзгода оставила неизгладимый след в семечке, и помидорный кустик из него вышел непохожим на своего брата. Он был крепче, рослее, с более толстым штамбиком, с более широкими листьями, а посмотрев в микроскоп, можно было увидеть, что ткани кожицы состоят из более мелких клеток, что на той же площади листа гораздо больше устьиц, через которые идет дыхание, что в стебле сосуды более мощные, более просторные; по ним корешки смогут послать листьям куда больше воды. Изменилась даже протоплазма клеток — хранилище жизни. У нее появились свойства, каких нет в протоплазме незакаленных помидоров сорта Эрлиана да и вообще всех других незасухоустойчивых растений.

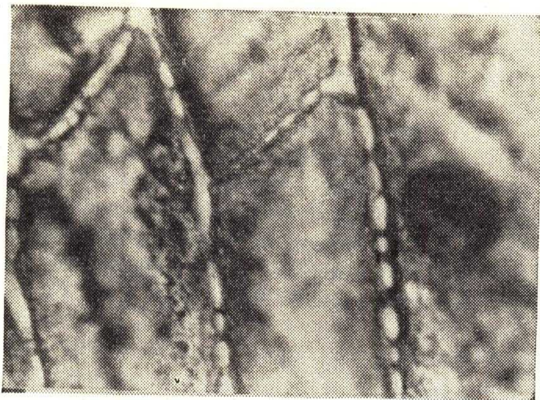
Существуют растения-ксерофиты, обитатели сухих степей, полупустынь и пустынь. Они способны переносить засуху, и почвенную и атмосферную, которая погубила бы любое другое растение. У ксерофитов дыхание энергичнее и сильнее, у них корни способны лучше добывать воду из почвы, а клетки листьев и стеблей — лучше сохранять ее.

Как скупец деньги, ксерофиты не держат воду на виду, в свободном состоянии. Она у них накрепко связана и хорошо запрятана в белковых молекулах протоплазмы.

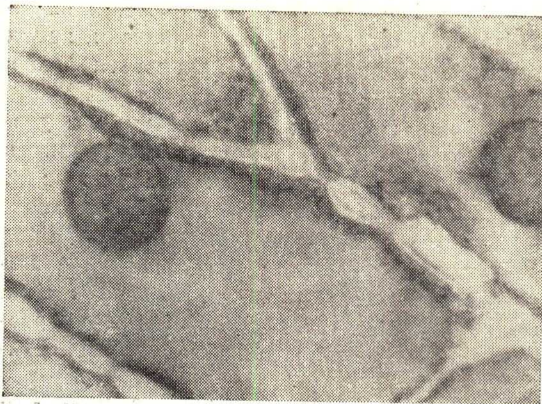
Да, главное было в протоплазме. Именно здесь выследил спрятанную воду Павел Александрович Генкель разными хитрыми способами. Оказалось, что у засухоустойчивых растений протоплазма способна, как губка, впитывать воду, а впитав, удерживать цепко и надежно в любую засуху.

Вот они, два помидорных братца! Справа — куст из закаленных семян. Слева — из обычных семян. Они дважды были подвергнуты суховею. И что же? У закаленного ветви гнутся от плодов.

Перед нами — кожица лука под микроскопом. От клетки к клетке тянутся живые нити, плазмодесмы.

А здесь такие же клетки, но протоплазма в них спрятала внутрь свои плазмодесмы, обособилась.

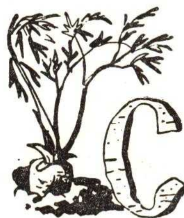
А в самую трудную, самую жаркую пору, когда жизнь становится тяжкой даже для них, растения сухих степей и полупустынь впадают в состояние покоя. При этом у них происходят изменения и в протоплазме. Перед тем она плотно прилегала к стенкам клетки и через клеточные оболочки от нее к протоплазме соседних клеток тянулись тончайшие нити, плазмодесмы. С помощью плазмодесм каждый комочек живого белка был связан с миллиардами других живых комочков в миллиардах клеток, составляющих растение. Может быть, именно здесь и скрыта тайна стройного течения всех сложных жизненных процессов, идущих в растении? Во всяком случае, когда растение переходит в состояние покоя, протоплазма каждой клеточки втягивает внутрь свои плазмодесмы, отделяется от стенок и, обособленная, замкнутая внутри клетки, живет сама по себе.

С другими растениями это происходит лишь в период зимнего покоя, а в засуху их плазма обособляться не умеет. Не умеет она и удерживать воду. Покорно позволяет суховею отнять ее, а сама сморщивается, отпадает от стенок. Но это не обособление, это катастрофа! Тонкие нити плазмодесмы рвутся, как в бурю провода. Клетки гибнут.

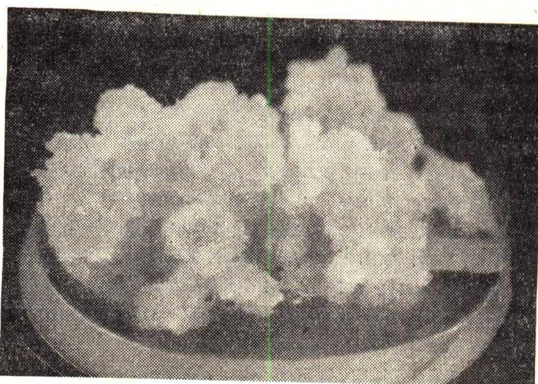
Вынув из суховейной камеры два кустика томатов и посмотрев в микроскоп клетки незакаленного, Павел Александрович Генкель увидел именно такую картину разрушения и гибели. А у закаленной Эрлианы протоплазма клеток обособилась. В этом Эрлиана вела себя, как ксерофит. Так же вели себя и закаленные бобы, и кукуруза, и просо. Чина и горох, морковь и сахарная свекла — все они после закалки становились засухоустойчивыми.

Метод профессора Генкеля уже шагнул на поля совхозов и колхозов, где он сейчас проходит широкие производственные испытания. Это же так великолепно и так просто — защищать будущий урожай от суховея и засухи предпосевной закалкой семян! Больше того, на селекционных станциях таким методом можно выводить новые засухоустойчивые сорта, потому что свойства, возникшие в закаленном семечке, развившееся из него растение передает по наследству.

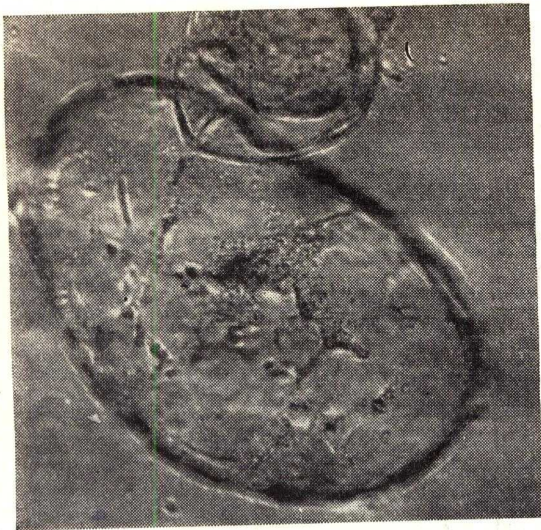
МОРКОВКА, РАЗОБРАННАЯ ПО ВИНТИКАМ

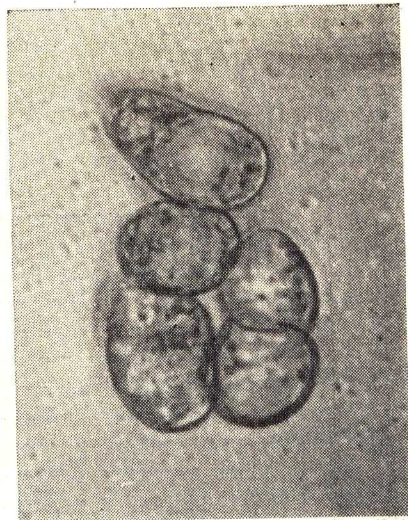

Сначала это было только способом «спрашивать» растение и получать нужный ответ. «Как ты питаешься? Какой из бесчисленных ферментов управляет в твоих клетках рождением белка? А крахмала? А жиры кто делает? Почему летом у тебя в корнях мало сахара, а к осени он начинает быстро накопляться? Кто отдает приказ складывать сахар в корни? В твоих клетках есть вещества, которые мы, ученые, называем ауксинами. Зачем тебе они?»

Это и есть морковка, «разобранная по винтикам». Бесформенные полупрозрачные комки хаотически растущей ткани.

Клетки табака (слева) и моркови (справа), по воле ученого ведущие несвойственную им жизнь. Они существуют в одиночку, наподобие планктонных водорослей.

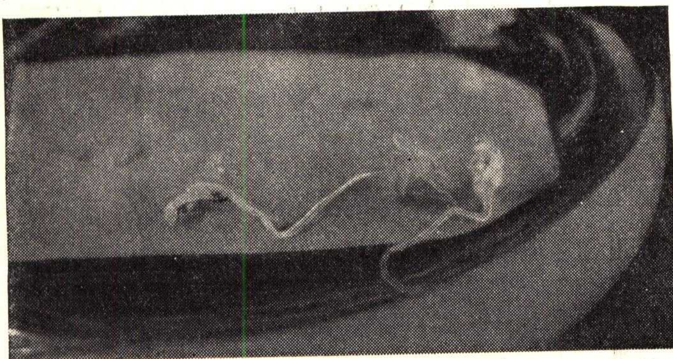
Может, не эти, может, совсем другие вопросы хочет задать ученый. Их тысячи, разных вопросов. Но спрашивать надо не словами. Спрашивать надо экспериментом.

Каждый школьник учит по физике, как в сообщающихся сосудах доказывается закон Паскаля, как с помощью весов, гирьки и сосуда с водой доказывается закон Архимеда.

Чтобы понять явление, физик или химик должен повторить его «в чистом виде», устранив все лишнее, что заслоняет суть. А биолог? Как ему проследить загадочную работу крохотных живых фабрик-клеток, где каждая сама по себе — целый мир и мир этот тесно связан с миллиардами других таких же. Отдели ее — и она погибнет. Не отделяй — и она затеряется среди неисчислимого множества своих сестер и не будет явления «в чистом виде», где все до предела ясно и однозначно.

Вот почему возник метод изучения изолированных тканей и клеток растения. Биологи научили одну-единственную клетку жить и размножаться в искусственной среде, где вскоре образуется взвесь таких клеток. Они существуют наподобие одноклеточных водорослей, с одним только различием: одноклеточная водоросль — хлорелла, например,— в естественных условиях сама о себе заботится, а эти искусственно выращенные клетки могут существовать только под защитой человека, только его заботами, только в стерильных условиях, отгороженные и укрытые от врагов. И ученый создает им нужную среду. Нужную не только для них, но и для эксперимента. Так получились растения, «разобранные по винтикам» для удобства изучения. Клеточка морковки развивалась не только в жидкости. Положенная на желе из агара со всякими питательными примесями, она и тут размножалась и росла, но образовывала не взвесь, а бесформенный сгусток «морковной ткани», в котором все клетки сохраняли «морковные» свойства.

Проводя эксперимент, биологи сами, по своему усмотрению меняли условия: добавляли в питательный состав одни вещества, убавляли другие. Вводили вещества, взятые из обычных растений, и наблюдали процессы жизни «в чистом виде».

А здесь из разрозненных клеток под действием химических веществ вновь образуются растения. Как выглядит возрожденная морковь, смотрите на цветной картинке.

Потом шли дальше. Получив от «разобранного по винтикам» растения ответ на первые «почему» и «зачем», стали вмешиваться в жизнь этих бесформенных растительных сгустков, изменять ее течение.

У Раисы Георгиевны Бутенко — в группе, занимающейся культурами тканей,— есть сосуды, где, повинуясь приказу экспериментаторов, сгу-

сток клеток начал снова превращаться в морковь. Приказ был дан с помощью веществ, которые управляют обменом в обыкновенной, естественной моркови. И вот на бесформенном сгустке возникли точки роста, такие же, какие вы видите в конце зимы на проснувшемся, прорастающем корнеплоде.

Продолжая эксперимент, управляя развитием этой жизни, вновь усложняющейся, вновь поднимающейся на высшую ступень, Раиса Георгиевна воссоздала морковь — с листьями, с корнями, все как положено.

В чашках Петри, в пробирках и колбах у Раисы Георгиевны развиваются не только морковные клетки; точно так же размножаются и живут женьшень, раувольфия, розовый барвинок. Это драгоценные и редкие растения, которые в нашем климате трудно или совсем невозможно растить на воле. Уже найдены способы многократно ускорить их рост. За полмесяца клеточная масса увеличивается в 1 200 раз! Но к этим чужестранцам еще много вопросов. Сохраняют ли они все свои целебные вещества? Нельзя ли сделать так, чтобы здесь, в искусственных условиях, этих веществ клетки вырабатывали больше, чем в естественных листьях и корнях тех же растений?

То, что сначала возникает как средство исследования, как способ вырвать у природы еще не раскрытые тайны, идет потом в жизнь, на службу людям. Из фарфоровых чашек, из термостатов и морозильных камер открытия шагают на поля, на фабрики и заводы.

Уже семена, закаленные по методу Генкеля, всходят в засушливых степях Дона и Поволжья, уже продвигаются в Голодную степь растения, которые не боятся засоленных почв. Их тоже научились закалять против засоления здесь, в фитотроне.

Но придет время, когда зацветут в садах яблони с «марсианской» морозостойкостью: ученые найдут способ закрепить эту чудесную способность, приобретенную в морозильных шкафах.

А бесформенные глыбы недифференцированных тканей с целебными свойствами женьшеня и раувольфии будут когда-нибудь выращиваться заводским путем. И знаете, ребята, что сказал нам академик Курсанов?

Он сказал, что, когда вы вырастете, как раз и настанет пора за это браться. Вам и выращивать живые лекарства на фабриках!

ИСПАНСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

Хулио МАТЕУ

Перевел с испанского Мих. Садовский.

Смотри!
Крестьянскому мальчишке,
Как и тебе, не много лет,
Да только он живая книжка
Обид и бед.
Нищий мечтатель...
Смотри!
Твой сверстник пред тобою,
Почти разут, почти раздет.
Все небо за его спиною,
А крова нет.
Вечный мечтатель...
Бедняга мусор собирает
И воду продает.
Запомни!
Этот мальчик грустный
В Испании живет.
Бедный мечтатель...

ОТ АВТОРА

В 1962 году в Испании вышла лживая книга о том, что если и голодно и бедно живется при фашистском режиме, то вовсе нет в этом вины властей, а просто у одних счастливая судьба, а у других — нет. Пусть бедные терпят свою нужду, а богатые...

Но что говорить о богатых, им-то хорошо! Им всегда и везде хорошо.

ПРО ОТЦОВ И ПРО НАС

Н. АЛЛАХВЕРДОВА

Я давно не была в Баку — городе, где живут Раис, Расим, Рамис, Рафис — братья Измаиловы, дядя Али, Ливерпуль и тетя Ханум, где жили Петя и Боба со своим добрым папой.

Но я читала книгу **Виктора Голявкина «Мой добрый папа»**, написанную про их жизнь, и вспоминала, как по утрам солнце освещало дальний угол нашего темного, прохладного дворика, какая яркая луна над Апшероном и как в войну было страшно, когда мама уходила по ночам дежурить на крышу и нордовый ветер бился в закрытые ставни.

Я представляю, как кто-нибудь из вас, читая эти строчки, захочет возразить:

— Да-а, вам хорошо вспоминать свое детство, а мы еще не старые...

Но книгу «Мой добрый папа» Виктор Голявкин написал и для вас. Даже не написал, а рассказал, как, бывает, рассказывают иногда о себе, о своем детстве ваши родители: мама, когда у нее спокойно на душе, или папа, когда его ничто не заботит.

В этих рассказах мы видим их молодыми и красивыми — такими, какие они и есть на самом деле, но какими не часто представляются нам в их ежедневных, таких маленьких и таких больших заботах. Редкие и дорогие часы веселых и грустных рассказов...

Вот добрый папа покупает целый таз мороженого для Пети и Бобы, и все едят его ложками прямо из таза. И все в восторге.

А вот мама спрашивает:

— Как с деньгами? Сумеем ли мы все же съездить на дачу? Хотелось бы. Лето проходит.

А папа подумал и говорит:

— Может, мы сумеем. Но может быть, и не сумеем. Но если мы даже и не поедем, то не беда: жизнь и так прекрасна!

Раньше папа был военный, командир конников. Он скакал на коне рядом с Чапаевым и носил папаху со звездой. А теперь папа — музыкант. Он дирижирует большим оркестром.

— Трам-там! — тихонько стучит он по крышке рояля, когда сочиняет свою музыку.— Тру-ру-ру! — напевает он.

А вот: — Бам!!! Бам!!! Бам!!! — сердито грохает он кулаком по крышке.

— Нет, не то написал я, не то, не ту музыку...— говорит он, расстроенный.

У папы была мечта. Каждый год он собирался уехать в город, где родился, в город, где прошло его детство и который он любил больше всего на свете,— в Москву.

Но папа не успел вернуться в Москву, не успел написать музыку, о которой столько думал. Он погиб в боях под Москвой, в деревне Дубки...

Каждый, кто прочитает эту книгу, полюбит доброго папу, как хорошего человека, которого близко знаешь.

Каждый с печалью прочитает последние строчки книги:

«Возвращались домой солдаты. Но мой папа, мой добрый папа, он никогда не вернется».

Что мы любим в Дениске

Ю. НОВИКОВА

Книга **Виктора Драгунского «Девочка на шаре»** начинается рассказом «Что я люблю...». Из него мы узнаем, что именно любит мальчик Дениска, о котором написаны все рассказы. Дочитав книгу до конца, мы вдруг понимаем, что полюбили Дениску.

За что я полюбила этого героя?.. Ну, во-первых, за то, что с ним и его приятелями всегда случается что-то смешное. Стоит Дениске появиться где-нибудь, как начинаются удивительные приключения... Пришел он, например, в цирк, а там клоун Карандаш принял его за другого, «циркового» мальчика и поднял к самому куполу.

Но если правду сказать, я полюбила Дениску больше за другое. Мне очень понравилось, что он променял игрушечный, «мертвый» самосвал на таинственного голубого светляка, потому что светляк «живой и светится».

Мне стал особенно симпатичен Дениска, когда я увидела, как он переживает отъезд прелестной «девочки на шаре», которую видел один-единственный раз... Я полюбила Дениску за то, что он выпустил в синее небо красный шарик, за то, что он понял чувства чужого человека, от которого уехал сын...

В общем, я полюбила героя этой книги, потому что он великодушный, чуткий, понимающий красоту человек...

А вы, прочитав книгу Драгунского, возможно, полюбите Дениску за что-нибудь еще. Может статься, вы увидите в его характере и то, чего я не разглядела своими взрослыми глазами.

Я знала Льва Николаевича Толстого

Н. НИКИФОРОВА

Варежки

Рисунок А. Лурье.

Мне выпало в жизни большое счастье видеть Льва Николаевича.

Когда мне было десять или одиннадцать лет, мой отец приехал в Москву по литературным делам. Он снял небольшую комнату на Плющихе, поближе к Л. Н. Толстому и к издательству «Посредник». Я временно находилась у отца, по случаю карантина в пансионе гимназии, где жила и училась.

Как-то вечером к папе пришел Лев Николаевич. Папа ему очень обрадовался и пошел на кухню ставить самовар (надо сказать, что это занятие ему плохо удавалось).

Лев Николаевич, сидя за столом, перелистывал какую-то книгу. Потом он подошел ко мне, заинтересовался, что я читаю, и спросил, читала ли я его рассказы и какие мне больше всего понравились. Я ответила, что больше всего мне понравился рассказ «Лев и собачка», также «Подкидыш» и рассказ, где говорится, как одна девочка, подбирая гри-

бы, очутилась под поездом и осталась жива и невредима. Я прибавила, что мы с подругой хотели тоже лечь под поезд.

Лев Николаевич нахмурился и очень строго сказал, чтобы мы не делали этого.

Папа пришел и, сняв сапог, опять пошел на кухню; Лев Николаевич пошел за ним, я тоже побежала на кухню. Там папа совал угли в самовар, а Лев Николаевич сапогом раздувал.

Во время чая Лев Николаевич и папа оживленно о чем-то разговаривали.

Потом папа пошел провожать Льва Николаевича, а я увязалась с ними. Мы шли по Девичьему полю. Лев Николаевич заметил, что у меня нет перчаток (я засовывала руки в рукава шубы), он взял мою правую руку, сунул ее вместе со своей в левый карман полушубка, а другую руку я сунула за пазуху своей шубы. Было тепло, хорошо.

Лев Николаевич и папа довольно долго гуляли по Девичьему полю, которое тогда было таким прекрасным местом для прогулок.

Перед отъездом в деревню папа занес мне в пансион небольшую коробку: посылочку от Льва Николаевича. В ней находились красные шерстяные варежки, связанные женой Толстого, Софьей Андреевной. Я очень гордилась этим подарком.

Кисель

Когда мы жили в Москве, в Антроповых ямах, недалеко от Екатерининского парка, к отцу несколько раз приходил Лев Николаевич Толстой. В первый свой приход он рассказал, каким образом нашел нас. Их общий знакомый постоянно бывал у отца и, как это часто бывает, не знал фамилии владельца дома. Так как на этой улице все дома были двухэтажные, очень схожие друг с другом, он описал приблизительно дом, в котором мы жили, и для большей ясности указал Толстому примету, по которой нас найти:

— Как увидите стол на площадке второго этажа и на столе миску с клюквенным киселем, стучите направо, там и живут Никифоровы.

И Толстой действительно по этой примете нашел нашу квартиру и, смеясь, рассказал об этом, когда вошел в переднюю.

То обстоятельство, что кисель, который варился у нас каждый день и ставился для охлаждения на площадку, никем не похищался, очень понравилось ему.

Льву Николаевичу очень понравилась наша простая обстановка; обращаясь к моей матери, он похвалил ее переводы: «Жизнь женщины» и «На воде» Мопассана.

Когда Лев Николаевич собрался домой, папа пошел вместе с ним. На Садовой прохожие стали узнавать Толстого, некоторые почтительно кланялись, а другие шли сзади, переговариваясь между собой. Лев Николаевич и папа заметили это, и им пришлось взять извозчика.

Шутка

Вспоминаю еще один приход Льва Николаевича Толстого к отцу. Мы с братом готовили уроки, когда услыхали стук в дверь. Мы стремительно бросились открывать: я ждала подругу, а брат к ней был неравнодушен. Вместо подруги вошел Лев Николаевич. Мы сначала опешили, а потом, поздоровавшись, стали помогать Льву Николаевичу раздеваться: брат взял его пальто, а я — шарф, от которого нежно пахло духами. Брат негромко спросил Льва Николаевича, не будет ли он против того, что мы устроим шутку, и рассказал, в чем она будет состоять. Лев Николаевич одобрил нашу затею. Мы пошли к отцу. Он что-то писал. Узнав, что мы хотим делать — мы частенько проделывали это,— он покорно позволил завязать себе глаза, и мы повели его в переднюю. В передней около двери Лев Николаевич сидел на корточках, нам пришлось тянуть руку отца книзу. Отец сказал: «Рукопожатие Льва Николаевича, но почему он такой низенький, маленький?» А когда мы развязали ему глаза и отец увидел Льва Николаевича на корточках, со смеющимся лицом, он рассмеялся. Папа и брат хотели помочь Льву Николаевичу встать, но он легко поднялся и стал нам с братом рассказывать, как надо прыгать. Мы с восхищением слушали его, а когда он ушел в комнату отца, мы забыли про уроки и, разувшись, вскочили на стол и стали прыгать по методу Льва Николаевича.

Это что у тебя, Пешкин? Отметки за первую четверть? Неужели ты получал только единицы, двойки и тройки? Неважно ты учился... Смотри, все ребята над тобой смеются...

Подождите, ребята, тут что-то не так. Пешкин уверяет, что у него плохих отметок совсем нет. Что же это за цифры?

Оказывается, Пешкин привел их, чтобы ставить отметки участникам шахматного соревнования, которое он предлагает провести во время каникул.

Пешкин предупреждает: соревнование будет трудным.

Победители, набравшие десять очков, будут награждены грамотой «Ферзя и ладьи».

Судьями турнира, кроме Пешкина, будут **чемпион мира Тигран Петросян и экс-чемпионка мира Елизавета Быкова.** Они и подпишут грамоты.

Итак, шахматисты, на старт!

ТРИ ВОПРОСА — ТРИ ОЧКА

С кем из чемпионов мира играл матчи Михаил Иванович Чигорин? Когда и где проводились эти матчи?

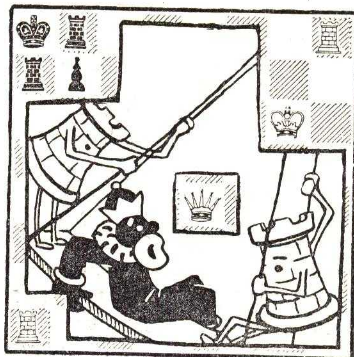
С какого года звание чемпионки мира удерживают советские шахматистки? Кто из наших шахматисток владел «шахматной короной»?

В каких командных первенствах мира одержали победы наши шахматисты в 1964 году?

Кто правильно ответит на эти три вопроса, завоюет первых три очка.

ЛАДЬИ И КОРОЛЬ

Две белые ладьи грозно атакуют черного короля, ферзь, расположенный на е4, готов прийти им на помощь.

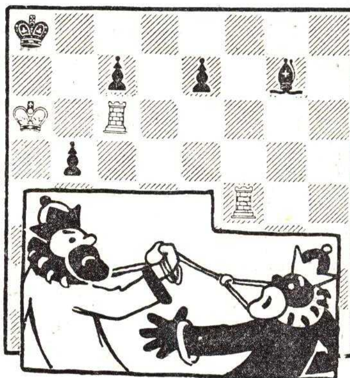

Как в этом положении белые дают мат в два хода черному королю? Помните, во всех задачах этого номера игру начинают белые.

За правильное решение — два очка.

НА АРКАНЕ

Забился в угол черный король, но не уйти ему от неизбежного мата.

Два очка получит тот, кто найдет правильное решение этой задачи, в которой белые дают мат черному королю в три хода.

ЗА СПИНОЙ СЛОНА

За широкой спиной своего слона укрылся черный король. Слон во многих вариантах выручает своего повелителя. Но все же при правильной игре белые могут заматовать черных в три хода. Их

король с g1 наблюдает за ходом борьбы.

Тому, кто решит задачу и разберет ее главные варианты,— 3 очка.

* * *

Итак, соревнование начинается. Запись участников открыта. Шлите ответы, друзья. Победителей ждут награды.

Решения присылайте не позднее чем через месяц после получения журнала.

НОВЫЕ ОРУЖЕНОСЦЫ

Хитрые загадки предложил вам, ребята, Пешкин в журнале № 8. Вот как они решаются:

Диаграмма № 1. 1... Ф:g2+ 2. Кр:g2 Сf3+ 3. Крg3 Сf2 мат.

Диаграмма № 2. 1. Фf5!

«Таинственная партия». 1. е4 е5 2. f4 ef 3. Кf3 g5 4. Сс4 f6 5. К:g5 fg 6. Фh5+ Кре7 7. Фf7+ Крd6 8. Фd5+Кре7 9. Фе5 мат.

Грамотой «Ферзя и ладьи» награждаются: Женя Неверов (Саранск), Витя Заннес (г. Жданов), Андрей Великолепов (Одесса), Валерий Сафронов (с. Мишкино, Курганской обл.), Юра Абакутин (Кокчетав), Вячеслав Лазуков (с. Новониколаевка, Херсонской обл.), Юра Цветков (Свердловск), Саша Ракитянский (Омск), Вова Королев и Саша Тимофеев (Москва), Коля Авдеев (п. Сеймчан, Магаданской обл.), Ислам Гайнатуллин (Бороздинский совхоз, Курганской обл.) и другие ребята.

За успехи в других наших заочных соревнованиях грамотой «Ферзя и ладьи» награждаются: Коля Вовк из Арзамаса, ученик 6-го класса Володя Заложный из села Ново-Спасское, Запорожской области, Женя Пекарь из поселка Комсомольский, Мордовской АССР, Вячеслав Сизин из села Работки, Горьковской области, восьмиклассник Саша Лавров из Николаевска-на-Амуре и другие мои оруженосцы.

Смехотрон

Текст и рисунки А. Елисеева и М. Скобелева.

1. Пришел однажды Смехотрон в школу.

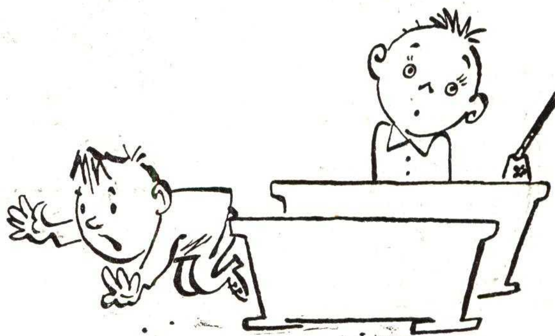
2. И видит: сидит скромный-прескромный мальчик.

3. Учительница его хвалит:
— Один ты внимательно меня слушаешь, не то что твои соседи:

4. то кто-нибудь из них взвизгнет,

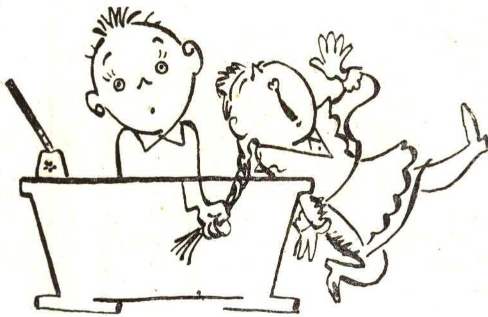
5. а то и вовсе с парты упадет.

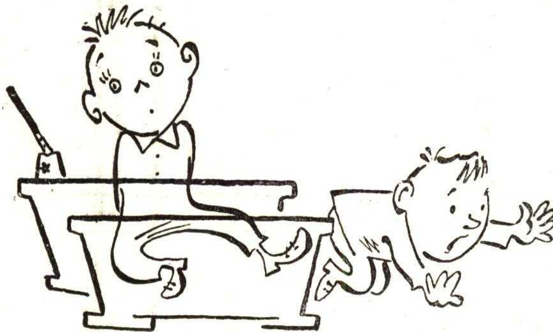

6. Смехотрон подумал: «Что-то тут не так». И направил свой электро-тепло-радиолуч прямо на скромного мальчика.

Все так и ахнули, потому что увидели... каков тот скромный мальчик.

И вы, ребята, посмотрите страницу на просвет.

На энергии ЧИ

— Фу! — рассердился Смехотрон.— Всю энергию высосал из меня этот «скромный» мальчишка! Заправьте меня скорее энергией ЧИ — читательскими интересами... Вы ведь знаете, как мне это помогает... ССКОРР-РЕЕ же! — взмолился он из последних сил.

Мы быстро вручили ему конверт с письмом.

— Тр-рры, — заработал Смехотрон, — станция Аксеново, поселок КИМ. Это придумала Коровина Таня. Она узнала, чем я питаюсь, и подарила мне два веселых рассказика. Вот тот, который мне понравился больше.

— Костя, ты почему это на руках ходишь?
— Да ведь ты сама ругаешься, что я хожу по чистому полу в грязных ботинках...

— Ха-ха-ха!..—развеселился Смехотрон.—Ну-ка, еще письмо!..

— Генка,— зашептал я своему соседу по парте,— ты что там шуршишь? Кончай!
А Генка мне в ответ:
— Да я хлебушка отломить хочу...
А я ему тогда:
— Потерпи! На перемене отломишь. А то учитель посмотрит в нашу сторону и заметит, что я «Робинзона Крузо» читаю...

— Ну и молодец эта Люда Дятлова из Карагандинской области!

А мы времени не теряем, мы ему новое письмо подсовываем. На-ка, бери! Посмотри, Смехотроша, это от Наташи Акуловой из Новосибирска. Может, понравится!

— Посмотри, какие у тебя грязные руки!
— Я не хочу, мамочка, вырасти белоручкой!

Тут уж Смехотрона так затрясло от смеха, что мы даже перепугались, как бы он у нас не испортился. Говорим ему:

— Э, Смехотрон, лучше отдохни. Хватит тебе смеяться.

А он ни в какую. Еще, говорит, хочу. Дайте ну хоть одно, ну хоть два последних письмеца...

— Ладно, вот тебе письмо от Веры Сенотрусовой из Красноярского края и от Саши Путкова из Свердловска.

Нина купила печенье и принялась уплетать его. Мама ей говорит:
— Оставь на завтра!
— Но, мамочка,— возразила Нина,— ты же сама говоришь: не надо оставлять на завтра то, что можно сделать сегодня.

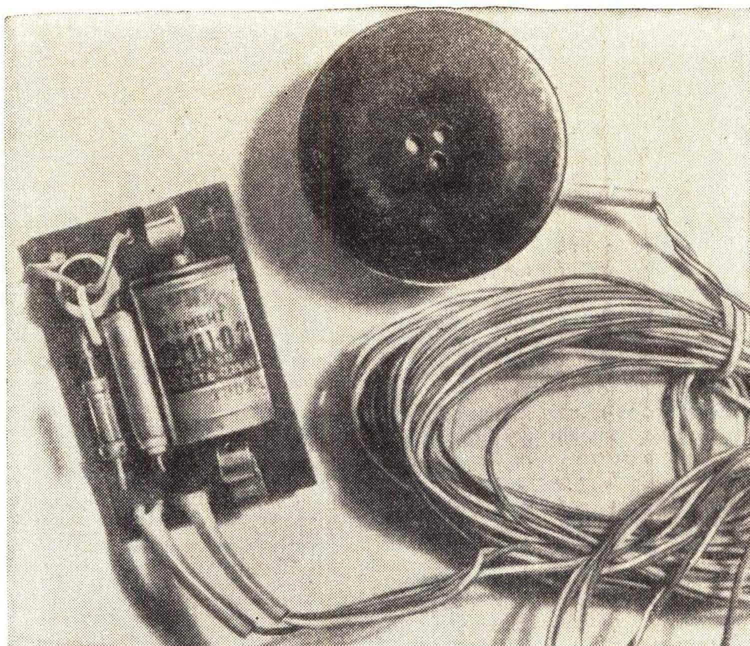

Пионервожатый:
— Миша, почему вы с Вовой не подмели класс?
Миша:
— Вы же сами сказали, что сегодня будет сбор макулатуры...

И мы поскорее выключили Смехотрон, а то он у нас и без того перегрелся. До следующего раза, ребята.

Весь телефон может уместиться на ладони.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ТЕЛЕФОН

Такой телефон может сделать любой школьник, если он хоть раз держал в руках паяльник. И времени нужно немного — всего полтора-два часа.

Электронным наш телефон называется потому, что в отличие от обычного электрического здесь переменный ток не сразу поступает от микрофона в телефон, а сначала усиливается. Это происходит в полупроводниковом приборе-транзисторе. О его чудесных свойствах вы, наверное, много слышали. И здесь именно транзистор позволяет сделать телефон маленьким, но достаточно чувствительным. Сделайте такой телефон — и вы сможете говорить с товарищем, который живет в соседнем доме или даже на другом конце улицы. Все будет зависеть от длины шнура.

ДЕТАЛИ. Подобрать детали нетрудно. Их должно быть немного, а если все-таки какой-то у вас не окажется, ее всегда можно заменить близкой по величине или по типу. Например, можно взять любой из транзисторов типа П2, П6, П13 ÷ 16, П25 ÷ 27.

Емкость электролитического конденсатора С может меняться от 10 мкф до 30 мкф. Рабочее напряжение может быть любым.

Посмотрите на снимок. В этом телефоне использован малогабаритный конденсатор типа ЭМ, рассчитанный на напряжение 6в (при увеличении напряжения увеличиваются размеры конденсатора). Величину сопротивления R заранее указать нельзя, она зависит от типа выбранного головного телефона или наушников (пьезоэлектрический ставить нельзя). Эти же наушники работают как микрофон — воспринимают вашу речь.

Если взять телефон типа ТОН-1 с сопротивлением 2 200 ом (это указано на его корпусе), то R равно 100—150 ком, то есть примерно в 50 раз больше.

Для питания лучше всего брать небольшой элемент «Сириус». Если его нет, можно поставить «Сатурн» или батарейку от карманного фонаря. Размеры телефона увеличатся, но работать он будет лучше.

МОНТАЖ. Это самая ответственная часть работы. Любую схему нужно монтировать аккуратно, но особенно это важно при работе с полупроводниковыми приборами. Транзисторы очень боятся повышенной температуры и легко портятся от неумелой пайки.

Советуем вам соблюдать три правила:

1. Паять маленьким паяльником

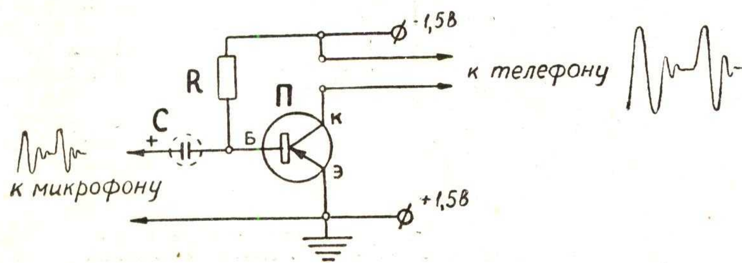
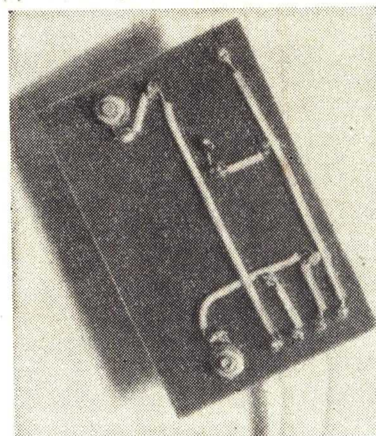

Схема работы нашего телефона.

Вот как чисто и аккуратно нужно запаивать выводы транзисторов. На снимке—обратная сторона монтажной панели.

(50 вт). Если есть только большой (90 вт), то на его стержень нужно намотать медный провод диаметром 1,5—2 мм и пайку вести отогнутым концом провода.

2. Место пайки должно быть как можно дальше от корпуса транзистора, поэтому при монтаже не стоит укорачивать выводы транзистора.

3. Во время пайки выводы транзистора держат пинцетом или плоскогубцами.

Правильно соединить детали вам поможет фотография, на которой хорошо виден монтаж, и схема. Перед пайкой выводов транзистора обязательно разберитесь в назначении каждого из них. В этом вам тоже поможет наша схема. Здесь проставлены буквы «К», «Б», и «Э». Они означают название выводов — «коллектор», «база», «эмиттер».

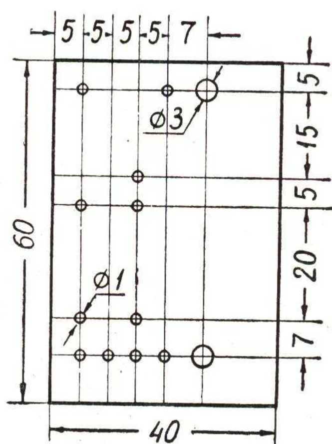
Знак «+» на корпусе конденсатора покажет вам, где его положительный полюс. Элементы типа «Сатурн» и «Сириус» устанавливаются так, что их положительный полюс (центральный электрод) соединен с эмиттером.

ВРЕМЕННАЯ СХЕМА. Она нужна для быстрой проверки работы отдельных деталей и аппаратуры в целом. Такой монтаж удобно выполнить на ламповой панельке.

Если все соединения правильны, телефон заработает сразу. Постучите легонько по микрофону — и ваш товарищ на другом конце провода услышит громкий стук. Если же телефон молчит, попробуйте сменить транзистор или батарею.

Временную схему советуем разбирать только в том случае, если вы убедились, что телефон работает. Тогда на специальной монтажной панели собирается «чистовая схема».

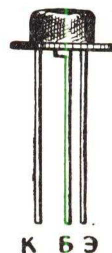
МОНТАЖНАЯ ПАНЕЛЬ. Она вырезается из изолирующего материала (гетинакс, в крайнем случае фанера). Разметка пластинки делается по нашему рисунку. Отверстия сверлятся диаметром 1 мм. Они должны быть равны диаметру медного провода, из которого изготовляются штырьки. Длина штырьков—10 мм. Над панелькой они выступают на 6—6,5 мм со стороны крепления деталей. Чтобы штырьки крепче державались в пластинке, их предварительно пролуживают.

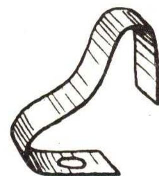

По этому чертежу нужно разметить монтажную панель.

При монтаже концы проводников изгибаются круглогубцами в виде колечка, надеваются на штырек и припаиваются. Соединяются детали с одной стороны панели, а с другой они крепятся. Такой монтаж удобен, потому что нет путаницы проводов.

Элемент на панельке укрепляется в специальных пружинящих зажимах. На рисунке ты видишь, как устроен зажим. Они изготовляются из контактов электромагнитного реле. Рядом с зажимом, соединенным с коллектором, ставится знак «—», чтобы не ошибиться при установке элемента.

Слева — так обозначены выводы транзистора. Справа — зажим.

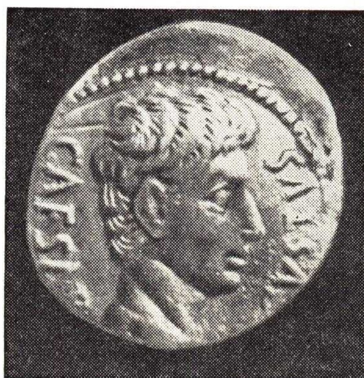
Построив телефон, вы увидите, что его можно усовершенствовать. Прежде всего нужно установить двухстороннюю связь, чтобы каждый из вас имел и микрофон и телефон. Подумайте сами, как это сделать.

А. БОГАТЫРЕВ

РОВЕСНИК НАШЕГО ВЕКА

На снимке — монета Римской империи. Этот серебряный денарий весом в 4 грамма—ровесник нашего, двадцатого века.

Так ли это? Давайте проверим.

На одной стороне монеты — изображение и надпись на латинском языке. Несмотря на то, что не все буквы уместились — видно, сдвинулся штамп, когда печатали на монетном дворе,— все же можно прочесть, что изображен здесь Цезарь Август. На другой стороне монеты надпись рассказывает о военной победе Августа над германцами.

Не ищите здесь год выпуска монеты. На денариях он не ставился. Считалось достаточным указать, кто был тогда императором. Известно, что Август правил от 27 года до нашей эры до 14 года нашей эры, то есть в самом начале первого века нашей эры! Значит, действительно этот денарий — ровесник нашего, двадцатого века!

М. МАКСИМОВ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ, СКАЗКИ

СТИХИ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

СПОРТ

НАУКА И ТЕХНИКА

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

ИСКУССТВО

У НАС В ГОСТЯХ

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

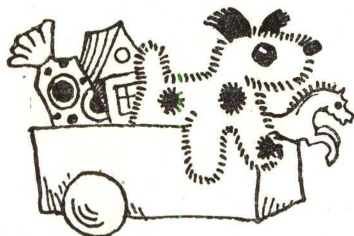
НА ЛЫЖАХ ЧЕРЕЗ ЛАБИРИНТ

Вихрем мчатся лыжники, спускаясь с высокой горы. Не страшат их ни крутые скаты, ни частые повороты. А тут лабиринт на пути, в таком не мудрено и заблудиться! Впрочем, один спортсмен уже проскочил по его извилистым коридорам. Пройдет и второй — проследи его путь в лабиринте.

ДЛЯ НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ

В этой большой коробке хранятся у Миши елочные украшения. Половина из них — мягкие игрушки; пластмассовых — вдвое меньше; седьмая часть — склеенные из картона. И еще три хлопушки.

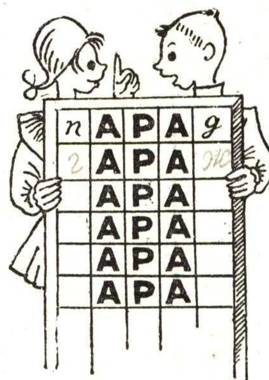
Посчитай-ка: сколько же всего елочных украшений в Мишиной коробке?

СКВОЗНЫЕ БУКВЫ

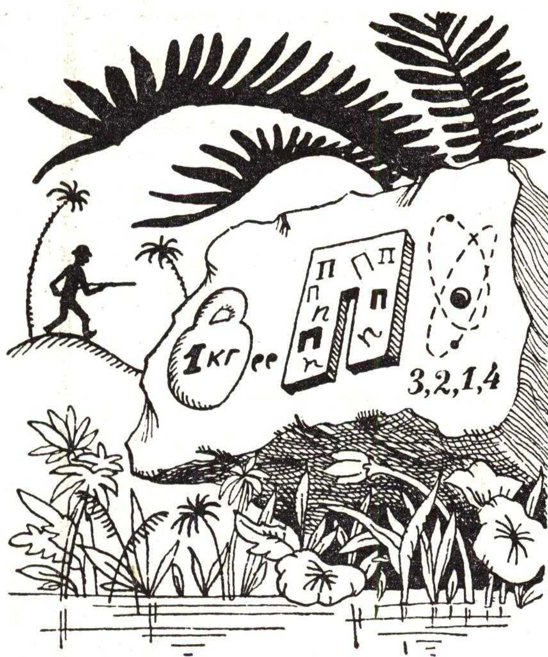
Организуй состязание с товарищами: кто в течение пяти минут напишет больше пятибуквенных слов, имен существительных, в каждом из которых в середине, как показано на табличке, есть сквозные (то есть проходящие через все слова) буквы АРА?

Слов таких наберется немало, стоит только подумать как следует.

В ДЕБРЯХ АФРИКИ

Разгадав ребус, ты узнаешь, какого зверя выслеживает этот охотник.

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В № 10

ЗАГАДКА

Капуста.

АРИФМЕТИКА БЕЗ ЧИСЕЛ

Примеры на сложение:

«маяк» + «ели» = «камелия»;
«гора» + «камин» = «гармоника»;
«кот» + «танк» = «контакт»;
«гном» + «тигр» + «коса» = «Магнитогорск».

Викторина-шутка:

1. «Удав» + «лак» = «кувалда».
2. «Ватерпас» = «вата» + «серп».
3. «Крапива» = «парк» + «ива».
4. «Пила» + «нота» = «антилопа».
5. «Жа-ворон-ок».

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Техн. редактор **В. Пархоменко.**

А 00523. Подписано к печати 25/XI 1964 г. Тираж 545 000 экз. Изд. № 2129. Заказ № 2977.

Формат бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ОХРАНА ПРИРОДЫ — ВСЕНАРОДНОЕ ДЕЛО

Пионер любит природу, он защитник зеленых насаждений, полезных птиц и других животных.
(Из Законов юных пионеров)

Юные друзья природы, охраняйте птиц!

Трудно птицам добывать корм из-под снега и льда зимой. Они голодают и нередко погибают. Подкармливайте птиц!

Начинайте подкормку с осени, тогда пернатые быстро привыкнут к своей «столовой», будут стаями слетаться к ней. Корм насыпайте ежедневно, чтобы птицы не отвыкли от места кормежки.

Кормушки устраивайте в тихом уголке в саду, во дворе, в парках и скверах и особенно в лесу. Птицы любят арбузные семена, раздавленные семена подсолнухов, коноплю, пшено, семена сорняков, ягоды рябины, бузину, крошки хлеба.

За ягодами рябины прилетят снегири и свиристели. Позавтракать пшеном и семенами подсолнуха слетятся поползни, щеглы, овсянки, синицы и другие птицы.

Не забудьте около кормушки развесить кусочки несоленого мяса и сала для синиц.

Помните, что зимой птицы тоже не прекращают разыскивать и уничтожать вредных насекомых.

Охраняйте и привлекайте пернатых защитников урожая!

Будем охранять птиц — поможем Родине сохранить урожай!

Вступайте в члены Всероссийского общества охраны природы!

Цена 25 коп.
Индекс 70694